

ОККУЛЬТИЗМ и СЕКСУАЛЬНОСТЬ

Библиотечка "Апокрифа". Вып. 3 (сентябрь 2011)

Обычай и обряды, связанные с культом пола и сексуальностью имеют глубокий и сокровенный смысл.

А нередко, скажем, и чисто практическое значение. Как, скажем, приворожить, вызвать чувство взаимности у любимого человека? Как отвести любовную беду, уладить семейный раздор? Как навести порчу на соперницу или недруга? В этой интереснейшей книге множество поучительных фактов и сведений и для современного читателя.

В этой книге:

...Один миссионер рассказывал, что был свидетелем такого события: «святой» встретился со знатной турчанкой, разъезжавшей верхом; он велел ей сойти с лошади и совокупиться с ним. Турчанка согласилась сделать это в присутствии многочисленной посторонней публики; затем она, счастливая, снова уселась в седло и поехала.

...У каулов (секта, почитающая Шакти) мы встречаем такой обычай. Во время богослужения каждая женщина должна бросить какую-нибудь безделушку в ящик, который хранится у священнослужителя. По окончании религиозного торжества эти безделушки раздаются мужчинам. Когда дело доходит до сексуальных обрядов, каждая женщина отдаётся тому мужчине, который получил брошенную ею в ящик вещицу.

...Но и так называемая нормальная эротика очень часто приводит к возникновению различных сект. Это мы видим на примере адамитской секты тюрюпинов, пользовавшейся большой популярностью в XIV веке в Савойе, а отчасти и в Париже. Они ходили то совершенно голые, то одетые, хотя и в последнем случае они обнажали свои половые органы, в которых видели исключительный дар небес. Кроме того, они совершали половые акты самым открытым образом.

...Как-то раз один из сектантов (пикардистов) почувствовал влечение к какой-то женщине; он обратился к своему учителю со словами «моя душа загорается при виде этой женщины»; это заявление нашло живейший отклик в душе учителя; он разрешил колебания своего ученика словами Ветхого Завета «плодитесь и размножайтесь».

В «Библиотечке “Апокрифа”» мы представляем книги по магии, мистицизму, философии, религиоведению и смежным тематикам, оцифрованные и откорректированные рабочей группой «93 in 39».

Адрес редакции: 236000, Калининград, ул. Нарвская, д. 17, кв. 11.

Интернет: <http://93.apokrif.org/>, <http://vk.com/apokrif93>,
http://twitter.com/apocrypha_93, <http://apokrif93.a-z-o-t.com/>.

Электронная почта: 93in39@gmail.com

OCR — Литературно-эзотерический альманах «Апокриф», Fr. Nyarlathotep Otis, 2011.

Корректурa — Александр Коновалов, Дмитрий Реутов, Fr. Nyarlathotep Otis.

Книга из личной библиотеки Fr. Nyarlathotep Otis (Калининград).

В данном выпуске исправлены наиболее существенные переводческие и издательские ошибки и неточности.

Фреймарк, Ганс.

Оккультизм и сексуальность: Вклад в культурную историю прошлого и настоящего.

Кали-град: Рабочая группа «93 in 39», редакция журнала «Апокриф», 2011.

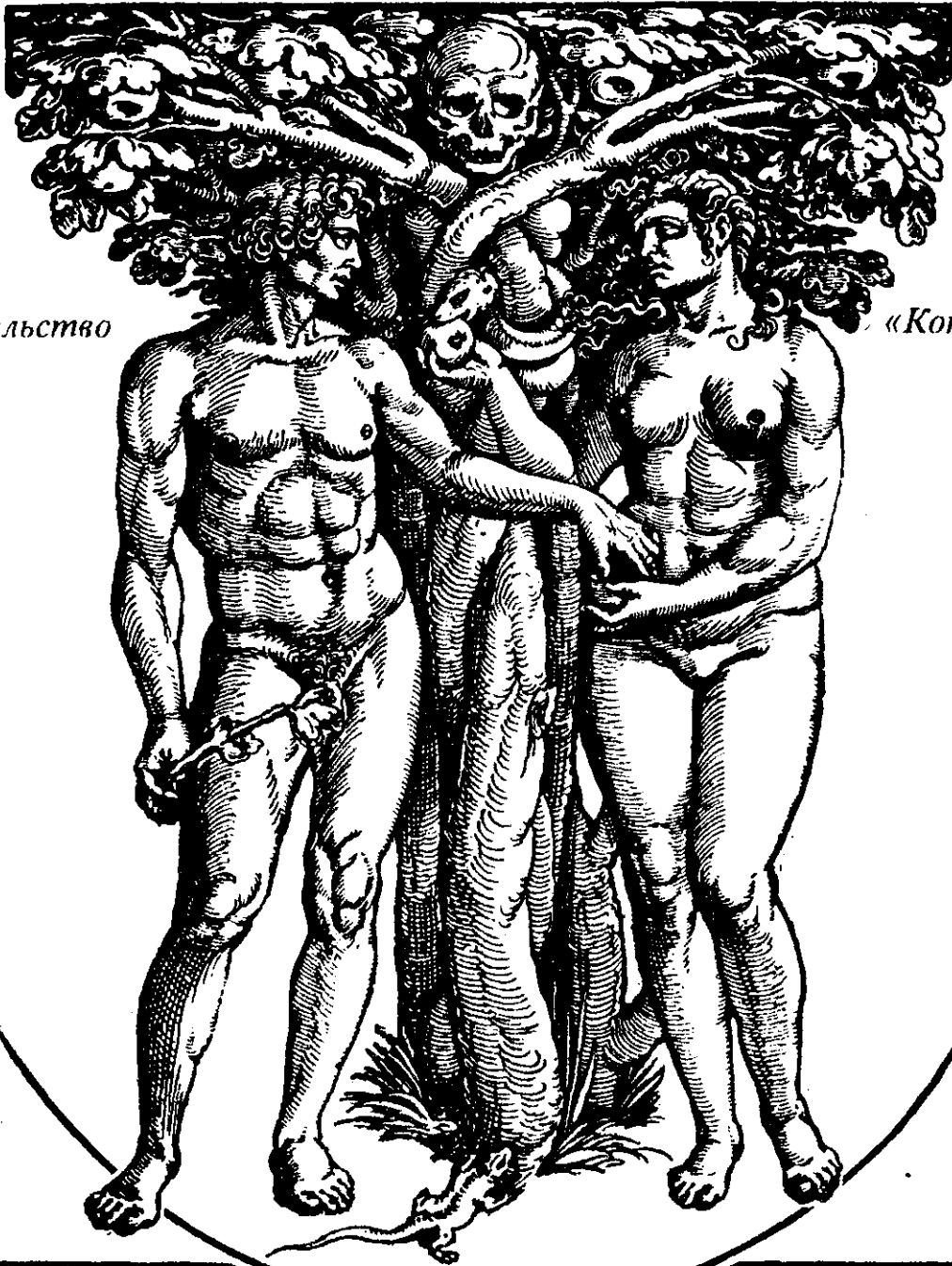
Серия «Библиотечка Апокрифа», вып. 3 (сентябрь 2011).

Ганс Фреймарк

ОККУЛЬТИЗМ и СЕКСУАЛЬНОСТЬ

Издательство

«Константа»
1994

Исследование по истории
культуры и психологии
настоящего и прошлого

БИБЛИОТЕЧКА «АПОКРИФА»

ББК В6

Ф 11

Фреймарк Г.

Ф 11

Оккультизм и сексуальность. М.: ГОО «Константа», 1994. ISBN 5-7005-0170-8

Адаптация к современной русской орфографии по изданию:

39/Ф-866

Фреймарк, Ганс.

Магия и сексуальность: пер. с нем. С. Пресса / Ганс Фреймарк. — Репринт. изд. четырёх глав: «Культ пола», «Половая мистика», «Половая магия», «Сексуально-оккультные народные обычаи» — М.: ИК «Буквица», альманах «Вечерний дилижанс», 1992. — 208 с. — Заказ 1549, Объём 6,75 уч.-изд.л. Тираж 20000, Типография «Нефтяник». Вып. дан. ориг.: СПб.: Книгоиздательство «Сфинкс», 1912. — На обл. авт. не указан.

ББК 63.59 + 86.391

Экз-ры: окх(2)

Оригинал:

Freimark, Hans. Okkultismus und Sexualität: Beiträge zur Kulturgeschichte der Vergangenheit und Gegenwart. — Leipziger Verlag o.J. (ca.1909).

Издание не столь далёкого прошлого по истории культуры и психологии привлекает внимание тем, что автор с научных позиций, сформировавшихся к началу века, пытается оценить оккультные явления, среди которых значительное место занимают разнообразные половые вариации, гипнотизм, внушения, вера в чудеса; стремится очистить толкование этих явлений от мистических веяний, показать, как ложность оценок интеллектуальных откровений влияет на усиление психических аномалий, таит в себе духовное разрушение.

Ф $\frac{0403000000-0}{064(02)-94}$ Без объявления

ББК 86

ISBN 5-7005-0170-8

© Российская академия управления. 1994

© ТОО «Константа», 1994

© Оформление: Пчёлкин А. Д., 1994

Результатом редакторской работы над этой книгой могла бы стать обстоятельная брошюрка на тему «Как не надо переводить книги». Вычитка её стала серьёзным испытанием для моего психического здоровья, грозя разрушить привычные представления о реальности. Стараниями переводчиков, переписчиков, наборщиков, редакторов и корректоров этой книги мне открылась совершенно неземная география с такими странами как Кроация (вместо привычной Хорватии) и Крангора (вместо Черногории), история с испанским полководцем Кортон (в привычной нам реальности — Кортесом) и династией Джанг (вместо Шан), мифология с египетскими гаторами (вместо Хатхор) и демоническими вчихами (вместо брукс) и даже лексика, в которой слово «наличность» использовалось вместо «наличия», а «основательный» — вместо «обоснованный». Суфийские аскеты превратились в загадочных ахиетов, а Тесосомок, король Аскапоцалько, поменялся местами с собственной страной и стал Ацкапутцалком, королём тецоцомоков. Сейчас, когда я пишу это предисловие, мне ещё предстоит выяснить, что за растения грондола и сатранил, кто такой Вазиста и чем знаменита его жена, где находится Верхняя Бурна и, самое главное — что такое «зайцеобразные шпилы»; увы, не имея на руках оригинала этой книги (адаптированной к послереволюционной орфографии в 1994 году с репринтного издания 1992-го, воспроизводящего русское издание 1912-го, сделанное, по всей видимости, с английского перевода немецкого текста), трудно разгадать все её многочисленные тайны.

При работе я старался не только выправлять многочисленные ошибки, опiski и опечатки, не только давать на русском имена и названия, приведённые в исходном тексте латинской транскрипцией, не только делать стилистическую правку, убирая многочисленные переводческие кальки, но и, по мере возможностей, приводить цитаты в соответствие с имеющимися русскими переводами цитируемых текстов, если таковые делались. Также, как обычно, мною проделана корректура и ёфикация книги, а в некоторых случаях добавлены редакторские примечания. Работа затянулась на несколько месяцев, и, хотя многое так и не удалось привести в нормальный вид, а общую стилистику, кроме самых вопиющих моментов, я решил не трогать, результат, надеюсь, будет интересен и полезен не только любителям этнографии и истории религий, но и практикующим оккультистам. Приятного прочтения!

Fr. Nyarlathotep Otis

Появление этой книги вызвано, прежде всего, желанием автора несколько дольше остановиться на одном пункте, который обыкновенно упускается из виду при изучении оккультных феноменов, но без которого правильная оценка явлений оккультизма представляется совершенно невозможной. Это тем более важно в настоящее время, когда экспериментальное течение, охватившее (по крайней мере, в Германии) широкие слои людей несведущих и любопытных, приводит их к открытым эксцессам благодаря ложной оценке интеллектуальных откровений, а это, в свою очередь, вызывает постепенно усиление психических аномалий. А ведь это означает собою не что иное, как духовное разрушение многих так называемых медиумов. Но, помимо этого, упомянутые «экспериментаторы» наносят себе непоправимый вред тем, что сами впадают в безумие, от которого никак освободиться не могут, так как ничего не знают об истинном мотиве своих действий, а пожалуй, и знать о нём не хотят. Обстоятельства последнего рода не могли быть предусмотрены мною, так как в большинстве случаев я сталкивался с явным невежеством. Помочь преодолеть последнее, насколько это, конечно, по силам отдельному человеку — такова цель моего исследования и главная причина его появления. Единственное моё желание заключается в том, чтобы книга эта положила конец бессмысленному спору современных заклинателей духов, чтобы она способствовала водворению истинного, ясного познания вместо бессознательных, сверхчувственных мечтаний, того познания, которое является единственным источником плодотворного, полезного труда. В этом произведении читатель найдёт и исторический, и этнографический материал; его я привёл с той целью, чтобы показать, насколько ошибаются, думая, что в рассматриваемых вопросах мы имеем дело с экстравагантностями лишь новейшего времени. Нет — это явления, тесно связанные с природой человека всех времён и всех поясов планеты Земля.

Здесь я хочу выразить глубокую благодарность моим литературным друзьям, которые оказали мне помощь своими указаниями и т. д. Я чувствую себя особенно обязанным д-ру Альфреду Кинду, д-ру Фридриху С. Крауссу, Вальтеру Шёну и Лео Вайбелю за любезное предоставление очень редких документов и за ценные указания.

Автор

Натурализм и неоромантизм – Сфера оккультных явлений – Реакция против поверхностной точки зрения материализма – Эмпирический метод исследования – Исследования Льебо и Нансийской школы – Гипнотические состояния – Лечения с помощью внушения – Чудодейственная сила внушения – Сходство гипнотизма с так называемыми оккультными явлениями – Оккультные явления как основа и главное содержание всех религий – Вдохновенная речь и писание, говорение на языках и левитация – Отношение христианской церкви к оккультным проявлениям – Действия Небесной Силы и Дьявола – Истерия и внушение – Демоны и стихийные духи – Психическая силы и од – Научные исследования оккультного – Крукс, Флурнуа, Роше, Бутлеров, Охорович, Рише, Ломброзо, Фалькомер, Морселли, Цёльнер, Гелленбах и Дюпре – Медиумизм и медиум – Внушаемость и восприимчивость медиума – Половые аномалии медиума – Противоположные половые признаки – Отношение оккультных феноменов к половой сфере – Опыт работы Цёльнера со Слейдом – Мистериальные культы древности – Африканские и индийские тайные общества – Чёрные мессы – Месмерические и спиритические сеансы – Назначение жертвы – Первенцы полей и первенцы материнской утробы – Мучительная жертва и сладострастная жертва – Сексуальное значение культа богов – Половой акт как центральный пункт магического действия – Эссенция – Половое воздержание и жестокость – Оккультное воздаяние – Связь между явлениями оккультизма и сексуальности – Неуязвимость к ударам оружия и прикосновению огня и состояние возбуждения – Аномальная половая организация как основа религиозной экзальтированности и оккультной одарённости – Магия и колдовство – Осмеяние аскетического принципа церкви – Договор с Дьяволом – Греховность магии – Половое общение с инкубами и суккубами – Ведьмин шабаш – Любовный союз с «духами мёртвых» – Сексуальные культовые практики – Современные некроманты – Половой оккультизм южных славян – Связывание половых способностей – Любовные чары – Физиологические средства – Внушение – Оккультное влияние – Волшебные процедуры с изображением – Выводы Роше о проявлении чувствования вовне – Использование человеческих выделений для целей магии – Магия изображений в оккультных обществах современной Франции – Ночные путешествия ведьм – Экстаз небесный и дьявольский – Исследование фактов – Освобождение от предрассудков и укрощение таинственной силы, до сих пор сокрытой в человеческой природе – Обогащение жизни людей и общества.

Вместе с падением натурализма в искусстве и началом неоромантического периода интерес всего учёного мира был обращён к сфере оккультных явлений. Постепенно возрастающая склонность к мистике, стремление углубиться в сущность бытия, постичь несколько больше, чем одну только внешнюю сторону нашего существования — всё это составляет естественный результат той реакции, которая поднялась против поверхностной точки зрения материалистической школы. Последняя в своих исследованиях ограничивалась лишь миром чувственным, миром видимым. Единственным методом исследования был метод эмпирический. К сожалению, усердие экспериментаторов скоро привело к преувеличенной оценке этого метода. Люди не видели, или не хотели видеть, что этот метод совершенно непригоден в применении к самому выдающемуся объекту всякого исследования: к человеческой душе. Настал, наконец, день, когда всем ясно стало, что претензии эмпирического метода чрезмерно преувеличены, когда люди решили покончить с «невыполнимыми» требованиями и обратиться к изучению глубоких основ человеческого бытия. В настоящее время ни один исследователь, даже самого трезвого, самого реалистического уклада, не может оставаться в стороне от мистического течения нашего века. Некоторые занялись исследованием таких проблем, которые 10 лет тому назад вызывали у них одну только сострадательную улыбку и которые, по их мнению, составляли праздное занятие мечтателей и глупцов. Правда, эти исследователи прикрываются подчас мантией скептицизма, чтобы устранить от себя всякое подозрение в пустой мечтательности; тем не менее, они вступают в защиту таких мировоззрений, которые до того были объявлены *hors de concours*¹ в силу преобладающего в них метафизического содержания. Этим поворотом мы всецело обязаны научным исследованиям в области гипнотизма.

Поразительные результаты исследований Брейда и Льебо, изумительный успех Нансийской школы в области гипнотизма — всё это пробило первую брешь в толще научных предрассудков, резко восстававших против какого бы то ни было психического метода. В противовес многим другим явлениям психической жизни, гипнотические состояния вполне поддавались последующей проверке. Всякий данный эксперимент можно было произвести в любое время и с любым индивидуумом. «Большое достоинство», — говорили эмпиристы. Гипнотический метод скоро сделался всеобщим достоянием науки, и в настоящее время вряд ли найдётся какой-нибудь врач, который наряду с другими средствами не пользовался бы также и методом внушения. Да это и вполне естественно. Ведь общераспространённый взгляд и без того приписывает врачу

¹ (фр.) Вне конкурса. Прим. ред.

определённую силу внушения; оставалось сделать всего только один шаг, чтобы эту силу увеличить какими-нибудь специальными средствами. Но применение этого теоретического положения на практике скоро сказалось самым отрицательным образом благодаря отсутствию более глубокого знакомства с деталями. Подобные случаи открыли людям глаза на то, что панегирики чудодейственной силе внушения были несколько преувеличены. Но если добрую половину рассказов относительно успехов метода внушения и пришлось выкинуть благодаря необоснованности и преувеличенности их, то всё же оставалось ещё достаточно фактического материала, который толкал на дальнейшие исследования. И вот, с первых же шагов своих изысканий, исследователи были поражены неожиданным сходством и полнейшим совпадением явлений гипнотизма и внушения и тех феноменов, о которых повествует вера в чудеса, господствовавшая во все века и у всех народов. Таким образом удалось напасть на след оккультных явлений, т. е. таких явлений, причина возникновения которых остаётся для нас скрытой.

Оккультные, сверхчувственные явления составляют основу и главное содержание всех религий, как христианских, так и языческих. История христианской церкви, безотносительно к личности самого Христа, исполнена сверхчувственными явлениями всякого рода. От вдохновенной речи и одухотворённого писания вплоть до личного общения с духами святых и усопших тянется длинный ряд явлений, которым исчерпываются все вариации оккультных откровений. К великому сожалению церкви, все эти явления не ограничивались одной только областью церковно-христианского культа; они сказывались в равной мере и в язычестве и в еретических сектах, отколовшихся от главной церкви. Выход из этого затруднения представился очень простой: явления, связанные с именами святых, были признаны действием небесной силы, в то время как язычество и ересь — порождением Дьявола. Единство причин никто признавать не хотел. Теперь-то мы знаем, что при всех этих явлениях, которые в своё время вызывали необычайное удивление, речь идёт лишь о случаях истерии. В качестве дальнейших или, вернее, второстепенных причин сюда приводят ещё, смотря по обстоятельствам, различные изменчивые моменты внушения. Этим, однако, ещё не ограничиваются все факторы, обуславливающие собою оккультные феномены. Кроме многих известных нам факторов, имеется ещё целый ряд других, совершенно нам неизвестных. Современный спиритист называет этих «духов» *разумами*: он глубоко убеждён, что столочерчение или стук в стены есть дело рук «милых мертвецов», которые, облачившись в фантастические одеяния, приходят в общество радостно-взволнованных и возбуждённых участников «сеанса». Древние века окрестили эти неведомые нам силы именем демонов и стихийных духов, — средневековье же представляло их в образе Дьявола с лошадиным копытом и хвостом. Наука в этом отношении несколько осторожнее. Современные представители её удовлетворились признанием некоторой «психической силы». Если некоторые из них решаются заговорить об «оде», то они рискуют попасть в разряд спиритов. К счастью, подобная оценка человека в настоящее время уже не вызывает никакого презрения, как это было раньше. Прошли времена, когда думали, что «спиритом может стать лишь тот человек, который окончательно выжил из ума». Люди решили бросить эту зловещую классификацию, которая отдаёт сухой, безжизненной догмой. В этой именно области,

Библиотечка «Апокрифа»

больше, чем во всякой другой, следует избегать слишком поспешных решений. В этой сфере, где всё ещё находится под вопросом, где истина и ложь неразрывно сплетены друг с другом, где одно только личное желание исследователя легко — легче, чем где бы то ни было, — может привести его к самым дивным заключениям, — в этой сфере необходимо сохранить самую беспристрастную объективность. Человек, который горит огнём протеста, так же мало способен к изучению упомянутых явлений, как и тот, который выступает на защиту их истинности и достоверности из соображений *религиозного* характера.

Целый ряд точнейших исследований учёного мира всех национальностей даёт нам неопровержимые доказательства в пользу тех фактов оккультного порядка, с которыми мы неоднократно встречаемся в истории настоящей и прошедшей жизни человечества. Поскольку речь идёт о явлениях физического характера (таких как самопроизвольное движение предметов, изменение веса объектов без должного соприкосновения, уплотнение жидких тел), здесь, прежде всего, следует упомянуть исследования профессора Крукса. Далее необходимо остановиться на опытах профессора Флурнуа, совершённых над медиумом Хелен Смит. Эти опыты относятся преимущественно к сфере психических явлений (автоматическая речь, фантастическое, но вместе с тем вполне логичное создание умопостигаемых миров, богатство индивидуальных оттенков). В смысле выяснения причинных моментов различных физических явлений не менее ценными являются изыскания полковника Роше относительно ощущений и движений человека, погружённого в гипнотический сон. Эти исследования, как и исследования русских профессоров Бутлерова, Прибыткова, Охоровича, опыты Роше и Ломброзо над Э. Палладино, далее — наблюдения профессора Дессуара, д-ра Молла, итальянцев — проф. Фалькомера, Морселли и Фуа и всех самых выдающихся представителей учёного мира Италии, — всё это с полнейшей очевидностью говорит в пользу того, что оккультные феномены непосредственно связаны с присутствием определённой личности — медиума. Ту же мысль ещё раньше высказывали Цёльнер, Гелленбах и Дюпре. Но в то время как самопроизвольные явления наступают, по мнению Дюпре, и без содействия медиума, новейшие учёные утверждают, что в подобных случаях лица, совершающие наблюдение, сами приобретают некоторые медиумические свойства, и только эти последние и дают им возможность воспринять указанные феномены. В общем, намечается вполне определённая тенденция рассматривать оккультные явления как результат некоторой силы, заложенной в медиуме. Строго говоря, эта сила находится у всякого человека, но, естественно, не в той мере, как у так называемых медиумов.

Медиумы — это мужчины или женщины, обладающие обыкновенно колоссальной раздражительностью и восприимчивостью. Основным условием является значительная степень подчиняемости всякого рода внушению; очень часто попытки погрузить их в гипнотический сон кончаются полнейшей неудачей, но тем легче они самым бессознательным образом проникаются влиянием окружающей их среды. Весьма значительную роль (особенно в явлениях психического порядка) играет при этом личный взгляд медиума на «духов», небо, ад, смерть и дьявола. Большинство исследователей

обратило внимание на тот любопытный факт, что, помимо прочих своеобразных особенностей, медиумы очень часто обладают и ненормальной половой организацией. Нередко при этом наблюдали полнейшее изменение в направлении полового влечения. Но это не всегда так. Очень часто приходилось встречаться с необычайной анестезией эротических ощущений или наблюдалось явное увеличение интенсивности полового влечения благодаря медиумической деятельности (что особенно удивительно!). В тех же случаях, когда не наблюдалось ни изменения в направлении полового инстинкта, ни увеличения интенсивности влечения, ни половой анестезии, в существе медиумов резко выступали противоположные половые признаки. Мужчины проявляют черты определённой женственности и мягкости не только в сфере духовной жизни, но и во всей своей физической внешности, женщины же, наоборот, отличаются резкостью и твёрдостью, словом, чисто мужскими чертами. Таким образом, невольно напрашивается вывод, что медиумизм находится в некой причинной связи с половой организацией медиума. Этот вывод подкрепляется ещё тем фактом, что очень многие феномены, о которых, к сожалению, совершенно умалчивают, имеют самое близкое отношение к половой сфере. Для примера достаточно будет привести опыт работы профессора Цёльнера с гомосексуальным медиумом Слейдом. Во время некоторых сеансов профессор Цёльнер почувствовал прикосновение каких-то — по-видимому, флюидных — рук к одному вполне определённому органу своего тела, причём следует отметить, что руки Слейда всё время лежали на столе, а ноги его находились под строгим контролем Цёльнера. Весьма скромный в подобных делах астрофизик успокоился на той мысли, что эти прикосновения были совершены с целью вызвать энергию, таящуюся в упомянутой области нашего организма, и использовать её в интересах оккультизма. Если бы это было действительно так, то можно было бы до некоторой степени согласиться с толкованием, подсказанным Цёльнеру его благонамеренным и весьма скромным образом мыслей. На самом же деле это не так, а потому необходимо согласиться, мнением тех учёных, которые утверждают, что своеобразная половая природа медиума, наличие в нём противоположных половых признаков есть необходимая предпосылка медиальности данного человека. Итак, мы видим, что в оккультизме господствующее место занимают разнообразные половые вариации; для полноты картины необходимо ещё остановиться на сексуальной ориентации, которую мы, пользуясь далеко не безупречной классификацией, назовём «нормальной»; эта последняя также играет довольно видную роль в рассматриваемых нами явлениях. Это сказывается, прежде всего, в отдельных отраслях оккультизма, как, например, в мистериальных культах, в тайных религиозных обществах античного мира, в фантастичных и вместе с тем страшных церемониях африканского и индийского богослужения, в религиозных союзах австралийского мира, как и в чёрных мессах дьявольской мистики, в некоторых месмерических сеансах XVIII века и в любом собрании современных фантастов. Сектанты всех толков всегда отличались особым искусством прикрывать половое влечение знаменем оккультизма. Одно переплеталось с другим, и, заклиная мертвецов, люди уготовляли наслаждение для живых.

Библиотечка «Апокрифа»

Всякий культ насквозь пропитан оккультным элементом. Религиозные обряды всех веков покоятся на таинственном, скрытом начале, а религиозные учения представляют собою не что иное, как откровения невидимого божества, возвышающегося над чувственным миром. При таких условиях господство фантазии было безгранично. Но здесь таилась великая опасность, что фантазия, окрылённая свободной и смелой мыслью, унесётся далеко и свернёт с пути общепризнанного догмата. Необходимо было дать ей определённые директивы.

Вера в духов, пользовавшаяся исключительным господством в те времена, выдвинула в качестве такой директивы жертву. Своей готовностью к приношениям всякого рода — от первенцев полей до первенцев материнской утробы — люди надеялись добиться щедрого воздаяния, как в настоящем, так и на будущие времена. Но человеческая природа не могла примириться с мучительной жертвой, которая всецело покоилась на лишениях. Начали искать выход, и нашли его. Люди приносили в жертву злым богам своё право на воспроизведение потомства, освобождая себя от семени; правда, всё это совершалось согласно предписаниям ритуала, но не без некоторого сладостного ощущения. Но нашёлся ещё один способ порвать эту цепь лишений. Добрые боги не любят крови и страданий, так как они милостивы; отсюда вполне последовательно заключали, что радость и услада людей есть также и их радость и услада. Поэтому в честь их устраивали многочисленные торжества, которые носили явно выраженный оргиастический характер. Это тем более понятно, что некоторым божествам этого рода присуще было, хотя и второстепенным образом, определённое сексуальное значение, которое достигало своего кульминационного пункта во время упомянутых торжеств. Следовать примеру богов всегда считалось делом очень похвальным. И почему, в самом деле, верному слуге отказываться следовать такому соблазнительному примеру своего властелина? Ведь вместе с минутным наслаждением в настоящем он, таким образом, приобретает известное право на наслаждение в будущем. Но рядом с этой официальной стороной культа, тесно связанной с половой сферой, жрецы знали ещё одну, более интенсивную; это особенно те жрецы, которые занимались заклинанием мертвецов и сходными с этим обрядами. В их ритуале половой акт нередко представлял собою центральный пункт магического действия. В большинстве случаев совершенно неважен был сам характер того или иного акта; центр тяжести лежал в том, каких ощущений можно было достигнуть благодаря применению тех или иных мер.

Кровь — это сок совершенно особого порядка. Положение это ещё более применимо к тому экстракту, который извлекается из крови и который хранится в железах мужчины. Тайна (и для нас ещё не вполне понятная) возникновения этой своеобразной материи, включающей в себя свойства длинного ряда поколений, исполненной всевозможных добродетелей и пороков своего обладателя, не раз, вероятно, вдохновляла фантазию и спекулятивную мысль древних магов и толкала их на путь самых смелых комбинаций. Эта эссенция представлялась им, по-видимому, самой ценной жертвой, так как она была одновременно и самой дорогой. Принести в жертву кровь значило жертвовать своей жизнью и, по их мнению, нет того демона, который мог бы

отвергнуть подобное приношение. Если кому-нибудь не помогли ни таинственная формула, ни жертва, то необходимо жертвовать собою, своей кровью; эта жертва всегда оправдывает себя. Вполне понятно, что этот «ценный продукт» не мог быть извлечён из человеческого организма без соответствующих, весьма сложных церемоний. Вот и повод к сексуальным торжествам, повод, всецело покоящийся на священном убеждении; но следует отметить, что эти торжества носили оттенок некоторой «перверсии», как гласит очень модный медицинский термин. Празднества эти имели своей целью удовлетворение не одной только половой страсти или страсти к оккультной силе; здесь преследовалась также цель удовлетворения инстинкта жестокости. Налагали же на себя теурги и гоэты обет строжайшего полового воздержания, который соблюдался с чрезвычайной строгостью. Но ведь известно, в какой сильной степени абстиненты склонны к актам жестокости. Жестокость, окрашенная в половой цвет, смотря по религиозным воззрениям, направлена то против третьих лиц, то против самих же аскетов. Идея оккультного воздаяния господствует и здесь: посюстороннее страдание заменится потусторонним наслаждением.

Рядом с факирами и дервишами особенную изобретательность в этом отношении проявили и христианские аскеты. Они истязали своё тело всевозможными пытками. Но едва ли кто-либо до них умел украсить свои страдания такими восхитительными, дивными видениями, какие создавало их воображение. Основным мотивом всех этих видений был мотив половой. Одухотворённые, эфирные, эти видения тем утончённее действовали. Едва ли где-либо выступает рельефнее связь между явлениями оккультизма и сексуальности. Увидев образ Марии, св. Иосиф Копертинский в страстном упоении рвётся к нему. Св. Тереза в огне восхищения впадает в такую конвульсию, что ей кажется, будто она уносится ввысь; вполне возможно, что она действительно поднялась от земли и здесь мы встречаемся с феноменом левитации, т.е. потери веса. У конвульсионистов религиозно-половой момент проявляется иным образом. У них оккультное действие сказывается в том, что удары оружием и прикосновение к огню проходят для них совершенно бесследно. То же самое мы знаем относительно фанатиков ислама, брахманизма и выродившегося буддизма. Во всех этих случаях полнейшее извращение действительности, по-видимому, является следствием религиозного экстаза, который решительно ничем не отличается от сексуального. По отношению к фанатикам вполне уместен тот вопрос, который мы раньше поставили относительно медиумов: не является ли «аномальная» половая организация этих людей основой их религиозной экзальтированности и оккультной одарённости. В процессе дальнейшего изложения мы увидим, что весь исторический материал вполне подтверждает наши соображения на этот счёт: все люди, признанные церковью святыми, благодаря их религиозности или оккультным подвигам, обязаны своей святостью именно своеобразной половой организации.

На тех же основаниях покоились и языческое чародейство, и средневековое колдовство. В этих сферах половой момент выступает ещё отчётливее, чем в так называемой «белой магии», которая до некоторой степени прикрывалась религиозным

Библиотечка «Апокрифа»

моментом. Если церковные маги, познав влияние чародейства и полового инстинкта, должны были ограничить себя в этих отношениях, то ведь языческие заклинатели демонов и представители, а также представительницы колдовства не встречали на своём пути никакой сдержки. Как раз колдовство и ставило себе главной целью осмеять аскетический принцип церкви. Сообразно с этим, вторая цель, непосредственно вытекающая из первой, — цель «договора с Дьяволом» — была направлена на удовлетворение личного сладострастия. Гнёт церкви, лёгший тяжёлым бременем на всё население, невыносимые социальные условия, давившие своей тяжестью низшие слои его, — всё это заставило особенно страстные натуры выйти из пределов обыденной жизни. Церковь создала ряд запретов, ставила людям всевозможные преграды в удовлетворении их потребностей — люди не обращали на это никакого внимания, удовлетворяли себя сверх меры, радостно бросаясь в объятия «греха», от которого им, по понятиям церкви, и без того не уйти. Их спланивал протест, направленный не только против церкви, но и против имущих классов, он же объединял их в союзы, которые находили величайшее наслаждение в сокрушении всего окружающего. Придерживаясь воззрений низших слоёв общества, они не удовлетворялись разбоем, грабежом и убийством; они стремились отнять у человека жизнь путём заклинаний и всяких других дьявольских проделок. Но приобрести магическую силу было вовсе не так просто. Чтобы овладеть ею, необходимо было отдаться «дьяволу». Этот акт был насквозь проникнут сексуальностью. Правда, половое общение с инкубами и суккубами, т. е. с мужскими и женскими чертями, есть не что иное, как фантастическое переживание, возникшее на истерической почве, всё же этот факт показывает, какую выдающуюся роль играл в колдовстве половой момент. Это станет ещё понятнее, если познакомиться с дивными и вместе с тем ужасными описаниями ведьмина шабаша, описаниями, созданными бурной фантазией ведьм и их душевным укладом, разрушенным всевозможными психическими и физическими эксцессами. И в настоящее время можно наблюдать явления, вполне аналогичные тем, о которых мы читаем в легендах об инкубах и суккубах; это бывает тогда, когда страстное желание соединяется с взвинченной фантазией. И теперь можно найти и инкуба, и суккубу; разница заключается лишь в том, что современные люди не тревожат чёрта. Они заключают любовный союз с «духами мёртвых», и момент любви они переживают не на Брокене и не на Унтерсберге, а в своей комнате во время спиритического сеанса.

Весьма возможно, что ультрачувствительные представители и представительницы нашего общества, предаваясь тайному и занимательному изучению оккультных наук, насквозь проникаются глубокой верой в лучшее будущее, не удовлетворяясь благоприятными результатами в настоящем. В этом отношении их можно сравнить с ревностными поборниками культа Астарты, Ваала и прочих языческих божеств или славянским крестьянином, который ещё и в настоящее время живёт в полной надежде на щедрое воздаяние за то, что он оплодотворит свою жену в открытом поле. Здесь мы встречаемся с очень распространённым предрассудком, будто в оккультных актах нашей современности речь идёт исключительно о воображаемых переживаниях. Люди, при определённых обстоятельствах, превосходно умеют реализовать эти фантастические представления, причём таким образом, чтобы не перейти границы таинственного. Само

собой разумеется, что оккультизм этого рода пользуется сочувствием далеко не у всех; к нему относится отрицательно, прежде всего человек непосвящённый, который только вступает в ряды «современных некромантов». Но и в новичке скоро начинают пробуждаться различные чувства, и с первых же шагов у него возникают всякие недоразумения с духами — то бесплотными, то облечёнными в плоть. Относительно них наш крестьянин, обрабатывающий свою «пашню» в двояком направлении, ничего знать не хочет. Он предпочитает совершить эту сексуальную и вместе с тем магическую процедуру со своей женой или с любимой женщиной. Так рассуждает он не только в данном случае, но и в целой массе аналогичных случаев. Ибо его жизнь исполнена в равной мере и сексуальности, и суеверных представлений; его сексуальная деятельность вполне покрывается оккультной деятельностью его — и наоборот. Половые акты, совершаемые с односельчанами и односельчанками на оккультной почве — прямо бесчисленны. Крестьянин некогда любил девушку, но впоследствии изменил ей и женился на другой; первая жаждет мести и поражает его половым бессилием. Молодой муж, гордый своею мужественностью, с достоинством всходит на брачное ложе и вдруг — к своему великому стыду — замечает, что он окончательно потерял способность к половому общению. В большинстве случаев он моментально догадывается, кто мог сыграть с ним эту злую шутку. Это или покинутая им девушка, или обманутый жених его супруги. Последняя отчасти также находится под влиянием этой мстительной силы. Несмотря на сильную любовь свою к мужу, она всячески избегает его ласк, так как они причиняют ей физические страдания. Если иногда и правильно будет предположить, что подобные случаи колдовства представляют собою не что иное, как результат действия нечистой совести, то в очень многих случаях подобное предположение совершенно неуместно, так как в них мы действительно имеем дело с оккультными актами волшебства.

Совершенно то же самое мы видим и при любовных чарах; этими чарами пользуется покинутая девушка или отвергнутый жених, чтобы снова вернуть к себе любимого человека. И здесь нередко применяются такие средства, которые производят чисто физиологическое действие. Но на этих простейших случаях внушения, которые обусловлены действием самых безобидных трав, как, например, сельдерея, дело далеко ещё не кончается. Детальное изучение психического состояния человека, находящегося под действием упомянутых чар, очень часто не приводит ни к каким результатам. Если даже этот человек несколько не сомневается в том, что зло, причинённое ему, есть дело рук покинутой им девушки, то он ведь совершенно не знает, как далеко простирается её искусство в этом направлении. Ведь свои удары она направляла не только в половую область; своим влиянием она часто поражает и другие органы, что гораздо мучительнее действует на человека, чем полное разрушение фаллической силы. Кроме того, эти случаи магического порядка указывают на такие факты, которые ничего общего с внушением не имеют. Здесь речь идёт о различных ингредиентах, которые извлечены из организма человека, находящегося под влиянием чар. Всё говорит в пользу того, что между человеческим телом и выделениями или отдельными частями его (как, например, волосами) существует некая связь, так что всякое воздействие на эти части непосредственно воспринимается тем лицом, которому они принадлежат. Исследования

Библиотечка «Апокрифа»

Роше и других новейших учёных проливают некоторый свет на эти факты. Впоследствии мы подробнее займёмся результатами этих исследований; там также выяснится вопрос о том, насколько приемлема гипотеза французского учёного. Здесь мы только заметим, что под упомянутыми ингредиентами разумеется «ценный экстракт», извлекаемый из тончайших частей человеческого организма, экстракт, который пользовался чрезвычайно высоким значением в древности. Но и это не всё. Для целей магии пользовались всевозможными выделениями человека, не исключая экскрементов. В дальнейшем мы увидим, какие средства пускала в ход безумная страсть, чтобы вернуть к себе предмет любви, какими средствами пользовалась ослеплённая мстительность, чтобы смертельно поразить своего противника. Тут нам придётся говорить и о различных волшебных процедурах, совершаемых над изображением человека. Это составляет особую главу оккультизма; исключительное место оно занимает в истории саксонского двора. В оккультных ложах современной Франции эти процедуры являются предметом самых оживлённых споров; они применяются там ещё и в настоящее время, особенно в тех случаях, когда желательно погубить соперника. В этом отношении не отстаёт и народный обычай.

Народ развивает свою деятельность и в других направлениях. Ещё и теперь можно видеть деревенскую старушку, которая сидит у очага и варит в горшке ведьмину мазь. К ней приходят и бедные, и безобразные девушки; всем им она доставляет женихов, даже самой уродливой. Но жених приходит тайком, только ночью. Обнажив своё тело, девушка натирает его мазью и ждёт своего жениха. Она ждёт долго-долго. Ибо «мудрая женщина» заповедала так. Но под внешним спокойствием кипит неудержимая страсть. Она измучена ожиданием, она уже готова заснуть от усталости, как вдруг — он тут. Так бывает не раз; это повторяется всё время, пока богатая фантазия не расстанется с верой в ведьмину мазь. Если же какая-нибудь завистливая подруга начнёт разьяснять ей причины этого факта, тогда «желанный» не приходит — внушение прекращает своё действие. Но «мудрая женщина» находит выход и из этого положения. Если одна мазь не годится, она заваривает другую, но если и последняя не помогает, то уже сама девушка должна приготовить себе отвар или разыскать травы, пока не вернётся к ней прежняя вера. Нередко эти средства имеют и афродизическое действие. В большинстве случаев эти мази, размазанные по всему телу или только в области гениталий, в связи с посторонним внушением или самовнушением, сильно повышают эротическую чувствительность. Все эти старые рецепты детально исследованы различными учёными; о них речь будет впереди. Эти исследователи оставили нам очень любопытные заметки относительно своих наблюдений и опытов, первоначально очень приятных, но впоследствии оказавшихся весьма печальными. Перед нами лежит широкое поле. Мы пускаемся в далёкий и тяжёлый путь исследований, твёрдо веря в то, что эта работа принесёт великую пользу самопознанию человека. Ибо в обеих областях нашего исследования, как в сексуальной, так и в оккультной, человек предстаёт перед нами во всей своей наготе. В порыве благочестия мы узрим врата неба, и сексуальность, свободная от всего земного, предстанет перед нами в виде безгрешных, чистых откровений любви; но нам также предстоит измерить глубины безграничных желаний и проникнуть взором бездны адских

страстей. Ужасное не должно нас отпугивать, а преображение не должно ослеплять. Трезво и спокойно должны мы приступить к фактам, исследовать их и разъяснить. Тогда сама раскроется перед нами таинственная связь явлений. И если мы в оккультных явлениях снова встретимся с элементами, знакомыми нам из сексуальной области, с инстинктом и влечением, страстью и вожделием, то всё же мы должны преклониться перед святостью, величием и красотой тех фактов, которые ими вызваны и ими же обусловлены. Ведь удовольствие, которое мы получаем от запаха розы, нисколько не умаляется благодаря тому, что навоз есть источник пышности и аромата её. Ведь мы преклоняемся перед великим подвигом веры и любви, несмотря на то, что он совершён Сыном Божиим, рождённым в хлеву. Точно так же нас нисколько не должен оскорблять тот факт, что оккультные явления и оккультная одарённость всецело покоятся на почве человеческой сексуальности. Познавая себя, раскрывая таинственные силы, глубоко заложенные в человеческой природе, мы научаемся владеть ими и укрощать их. Свободные от всяких предрассудков, мы можем подчинить себе эти силы, вытекающие из естественных основ нашей сексуальности, но не для того, чтобы колдовать и убивать, а чтобы украсить и обогатить жизнь наших ближних.

СЕКСУАЛЬНОСТЬ
СВЯЩЕНОСЛУЖИТЕЛЕЙ,
ВОЛХВОВ И РОДСТВЕННЫХ
ПЕРСОНАЖЕЙ

Идеал жречества – Безбрачие – Подавление половых признаков – Преодоление сексуальности – Половое воздержание – Кастрация – Сексуальные оргии – Церковная тактика – Демократизация священства – Нитак-Штанн о Спасителе – Основа всего сверхъестественного – Бессознательное инстинктивное влечение – Таинственная половина нашего бытия – Разум в качестве судьи – Внутреннее влечение – Преображение сексуального – Психические эквиваленты – Половая организация как основа жреческого призвания – Объективная оценка Гельпахом аномалий у творческих личностей и священнослужителей – Иоганн Шерр о Гарибальди – Гёррес о призвании и природных задатках мага – Приобретение жрецами-мужчинами женственных черт у первобытных народов – Индейские пиачи, их подготовка, обязанности и испытания – Знаки, свидетельствующие о способности исполнять жреческие обязанности у зулусов – Сибирские шаманы и смена пола – Гиппократ о евнухах у скифов – Буддийский монах Каори и его богиня – Рассказ Штульмана о преобращении негра – Гендерные трансформации у параноиков – Восприятие себя женщиной и ясновидение – Effeminati у евреев – Гермафродит как чудодейственный знахарь у южных славян – Весенняя смена одежды и праздник урожая – Синтоистские жрецы в Японии – Феминизация служителей религиозного культа в Малой Азии – Оскопление в культе Аттиса – Служители Астарты – Почитание Вишну – Аскетические тенденции в монотеистических религиях – Ньютон о воздержании – Биологические исследования Рейбмайра о взаимодействии половых желёз и мозга – Чередование воздержания и половых излишеств – Боги секса – Роль эротизма в культе – Государственный культ и колдовство – Половое бессилие способствует склонности к магии – Импотенция Кардана и Парацельса – Половые аномалии медиумов – Чувствительность и гомосексуализм – Влияние половых процессов в медиумизме – Эвсапия Палладино – Е. П. Блаватская, основательница Теософского общества – Ясновидящей из Префорста – Дюпре и «Психологическое общество» в Мюнхене – Сексуальное возбуждение и экстатические состояния – Погружение сомнамбулиста в мир своих грёз – Связь между сомнамбулистом и его магнетизёром – Сомнамбулист подобен органу магнетизёра – Успокаивающий эффект предметов, к которым прикасался магнетизёр – Д-р Тричлер и Мэттью Шурр – Одическая индивидуальность человека – Люсиль, сомнамбулистка Доната – Эротико-психическая почва дружеских отношений – Оккультизм возникает на эротической основе – Области знаний – Одержимость – Причины сексуальной одержимости – Половые стимулы «драматического раздвоения» – Процесс внутриличностного разлада по Майнерту – Уиган о случае раздвоения личности – Шиндлер о деятельности в магических полюсах духа – Ослабление субъективного «я» в состоянии сексуального возбуждения и ошеломляющее действие последнего через подсознательные эмоциональные и идейные комплексы – Пластическое совершенство мимолётных образов из грёз – Образы из грёз вытесняют повседневное сознание – Бельц о психофизических процессах при явлениях одержимости – Наблюдения Селлинга – Каспар Хаузер – Вильгельм Флисс об аномалиях у левшей – Эпидемия одержимости в Бригиттском монастыре в Ксанфе – Гауфриди и Грандые – Монахини-урсулинки из Людена – Современные истории одержимости – Девушка из Орляха – Признания её «демона» – Случай одержимости в Малабаре – Демономания – «Одержимые новейшего времени» – Бесстыдные «духи» – Образы, выходящие из внутреннего мира человека – Искусство и магия – Посредничество.

Идеалом всякого жречества, даже в самых грубых формах его, является полнейшая асексуальность человека, по крайней мере, асексуальность жреца, священнослужителя.

Требование безбрачия, предъявляемое католической церковью к своим служителям, есть лишь одно из выражений этой тенденции, общей всем решительно культам. Это требование, соответствующее более возвышенному (хотя и не самому возвышенному) миросозерцанию, по идее своей ничем не отличается от того, что мы наблюдаем на низших ступенях культуры, а именно: сознательное подавление в себе имеющихся половых признаков. Стремление разрушить пол и победить в себе сексуальность осуществляется самыми разнообразными способами — от особого покрова платья, скрывающего половые отличия, до полнейшей кастрации и абсолютного полового воздержания. В последнем же случае данная половая организация утрачивает свои типичные черты; мало того — она обращается в свою противоположность, если кастрация была совершена в молодости или воздержание тянется ещё с молодых лет.

Но если, несмотря на эту общую тенденцию к асексуальности, дело иногда доходит до самых разнузданных сексуальных оргий, если половой момент играет главную роль в религиозных системах и ритуале, как мы это видим во всех решительно культах, то из всего этого мы можем вывести то неоспоримое заключение, что, как в жизни вообще, так и в религиозной жизни в частности, половой момент является самым важным двигательным импульсом.

Люди давно уже познали этот факт; поэтому они наперебой расточают бесконечные похвалы той церковной тактике, которая предоставляет своим служителям наслаждаться сексуальными радостями в тех границах, в каких это разрешено обыкновенному гражданину. Но при этом упускают из виду, что подобный процесс демократизации влечёт за собою самые печальные последствия: он подтачивает главное достояние священнослужителя — оккультную область, он отнимает у него высшую способность его — способность быть посредником между посю- и потусторонним миром. «Мы должны каким-нибудь *таинственным* образом создать для себя людей, — говорит пастор Нитак-Штанн в своём труде «Спаситель» (“Mittler”), — это — наша человеческая потребность. Нам нужны люди, в которых мы могли бы верить; если их не будет, мы потеряем веру в Того, Кого мы узреть не можем. Мы сами должны быть теми людьми, в которых можно верить; в противном случае мы начнём заблуждаться относительно Того, Который находится в нас самих».

Слова «Тот, Который находится в нас самих» можно было бы заменить словами «То, что находится в нас самих»; это было бы, правда, менее религиозно, но не менее спиритуалистически. Вот это именно «то, что находится в нас», и есть основа всего,

возвышающегося над чувственностью и лежащего вне её. Всё то истинное и достоверное, что раскрывается нам в тайных науках и, прежде всего, в различных религиях, «простирается на ту часть органической жизни нашей, которая для нас самих представляется в виде чего-то загадочного, таинственного, чуждого и непостижимого. Та сторона нашего бытия, которая покоится не на рассудке, а на вере, не на достоверности внешних ощущений, а на неясном, смутном чувстве симпатии и антипатии, не на выводах критического разума, а на бессознательном, инстинктивном влечении, — эта таинственная половина нашего бытия и составляет ту почву, которой питаются корни тайных наук»¹.

И несмотря на то, что тайные науки оперируют только чувствами, они всё же являются науками в истинном значении этого слова. И сюда, в эти изначальные моменты ощущений, разум вторгается в качестве высшего судьи: весь этот хаос неясных духовных образов он приводит к отчётливой и ясной созерцаемости. Метод, которым первоначально пользовались в подобных случаях, существенно отличается от научной работы в том смысле, в каком мы теперь её понимаем. Он заключает в себе то, что Ницше хотел выразить словами: «В твоём теле больше разума, чем в твоей конечной мудрости». Если в прежние времена человек обращался к оккультным наукам в нашем современном понимании их, т. е. занимался изучением внутренних сторон человеческого бытия, то он делал это не в интересах строгого научного исследования, не с целью создать себе из этого прибыльную специальность, а исключительно подчинялся при этом своему природному влечению. Спрашивается: не шло ли это влечение вразрез с глубоким, строгим познанием? Вполне возможно! Но в очень многих случаях он именно был тем человеком, который открывал глазам исследователя новые горизонты, который обнажал бесконечные высоты и неизмеримые глубины; руководство и указания такого человека были особенно ценны и поучительны тогда, когда ему удалось победить или, как мы уже теперь знаем, преобразить в себе ту область ощущений, которая наиболее таинственным образом связывает нас с внешним миром, т. е. сексуальность. Ибо победить сексуальность, достигнуть полнейшего освобождения от неё совершенно немыслимо, для этого она слишком тесно связана со всей нашей человеческой природой, и нам остаётся только радоваться, что мы в состоянии сломить её исключительное господство, исторгнуть из материального русла и направить её в сторону духовных проявлений.

«Внутренняя связь между половой и духовной производительностью разъясняет нам тот поразительный факт, что чисто физическое половое влечение человека нередко заменяется определёнными духовными феноменами, что существуют психические эквиваленты, которые вполне покрывают собою потенциальную энергию полового инстинкта. Сюда относятся различные аффекты, как жестокость, гнев, страдание, творческая работа человеческого духа, как поэзия, искусство и религия; словом, духовная жизнь человека даёт целый ряд подобных эквивалентов, но лишь в том случае, если сдержать и видоизменить естественное проявление полового инстинкта»².

Причиной полнейшего преобразования полового инстинкта, преобразования, которое мы наблюдаем у священнослужителей, волхвов и магов старого и (как это ни странно)

¹ Schindler. Aberglauben im Mittelalter. S. 64.

² Bloch. Sexuelleben unserer Zeit. Berlin, 1906. S. 100.

Библиотечка «Апокрифа»

нового времени, является особое предназначение, глубоко заложенное в половой индивидуальности этих лиц. Само собой понятно, что не все люди, посвятившие себя оккультным наукам или магическим операциям и жреческому посредничеству, представляют собою половые аномалии; нет — правильнее будет сказать, что половая аномалия среди этих лиц есть господствующее явление. И это особенно верно в применении к старому времени, когда люди шли на жреческое служение по призванию, а не в силу материальных соображений, как в настоящее время. Но если человек предаётся изучению оккультных и религиозных феноменов в страстном увлечении, а не в какой-то бесцветной мечтательности, то эта склонность, несомненно, обуславливается упомянутой физической чертой.

Говоря о ненормальной половой организации священнослужителей и родственных им персонажей, мы вовсе не хотели входить в оценку этого факта; наше желание было только констатировать факт; ведь он нисколько не умаляет того влияния, которым пользуются люди в жреческом одеянии. В актах человеческого духа, в творчестве его — вот где заложена духовная ценность, вот где можно говорить о наличии или отсутствии её. Совершенно верно замечает по этому поводу Гельпах:

«Нет никакого сомнения, что в оценке личности какого-нибудь творца далеко не последнюю роль играет патографическое исследование; ведь оно приводит нам интереснейшие данные относительно того, как один мотив действия вытесняется другим, выросшим на болезненной почве... Но если эти данные имеют некоторое значение для понимания психического уклада исторических личностей, для понимания корней и основ их творчества, то они нисколько не затрагивают ни объективного влияния, связанного с действиями этих людей, ни объективной ценности этих действий. Величие идеи нисколько не умаляется от того, что создатель её в момент творчества находился в лихорадочном состоянии; религиозная истина решительно ничего не теряет от того, что она родилась в момент истерического экстаза. И разве красота ницшеанской лирики хоть сколько-нибудь зависит от того, создавал ли её здоровый дух или дух, разбитый параличом? Истина, красота, святость и тому подобные ценности находятся за пределами патографического исследования, они находятся вообще по ту сторону всякого научного исследования»¹.

Иначе обстоит дело с вопросом о том, не является ли оккультная одарённость, которой мы обязаны как различными возвышенными учениями, так и многочисленными предрассудками, результатом определённой душевной двойственности, возникшей на почве физических аномалий. По этому поводу Иоганн Шерр в своём исследовании о Гарибальди говорит следующее: «Выдающиеся люди никогда не будут отрицать этой душевной двойственности; не признавать её склонны лишь очень обыкновенные люди, как сыновья фамулуса Вагнера и К». И действительно, как история, так и опыт в один голос говорят о том, что только те люди находятся в общении с трансцендентным миром, которые отличаются своеобразной половой организацией или от природы, или благоприобретённым образом.

¹ Hellpach. Die Pathographie und ihr Meister. Monatsschrift für Kriminalpsychologie und Strafrechtsreform. 4. Jahrg., 3 Heft, Juni 1907.

В своём труде «Христианский мистицизм» («*Die christliche Mystik*») Гёррес говорит, что милость и снисходительность могущественных богов может быть достигнута только при содействии «таких людей, которые находятся в самом тесном общении с ними. Эти люди должны стоять в должных отношениях к миру таинственному; между ними и богами должно существовать активное взаимодействие, чтобы при помощи небесной силы, заключённой в них, расположить богов к кротости и снисходительности. Таким образом, жрецы и священнослужители, отдающие себя служению богам, должны быть, с одной стороны, ясновидцами, а с другой — магами. В этом заключается их призвание, которое обусловлено особыми *природными* задатками их. Они избраны самими богами, они рождены для служения им; их миссия покоится на *естественном преимуществе*, тесно связанном с моментом их рождения.

Первобытные народы уделяли очень много внимания различным половым аномалиям; эти аномалии они определяли по некоторым чертам женственности, выступавшим в природной организации мужчины. Это видно из того факта, что те жрецы, которые от природы лишены были всякой женственности, должны были приобрести её путём особого воспитания¹. Преимуществом для занятия должности жреца пользовались, конечно, те, которые этими чертами обладали от природы. Так, по данным “*Las Casas*”², индейские пиачи выбирали мальчиков (в возрасте от 12 до 15 лет), отличавшихся такими физическими чертами, которые свидетельствовали о природной склонности их к магии. Избранные отсылались обыкновенно в далёкие леса, где жили старейшие пиачи — мудрецы искусства; там они жили два года под наблюдением этих старцев, в строгом повиновении и аскетизме. Они не ели ничего такого, что содержит в себе кровь или даёт кровь человеческому организму; питались исключительно растениями и водой. Они всячески держались вдали от плотской мысли, а тем более от плотского акта; в течение этих двух лет они не встречались ни с родителями, ни с друзьями и знакомыми. Днём они учителей своих не видали; те посещают их только ночью и изучают с ними различные песни и заклинания, обряды и искусство исцелять больных. По прошествии этих двух лет они возвращаются домой, причём получают от своих учителей свидетельство о том, что к искусству магии они вполне подготовлены».

То же самое мы видим и в Африке. Там те или иные особенности природной организации человека так же служат признаком способности или неспособности к отправлению жреческих обязанностей; так, например, зулусы считают некоторую степень умопомешательства необходимым условием к занятию жреческой должности³. А сибирские шаманы принимают к себе в ученики только тех детей обоего пола, которые отличаются каким-нибудь заметным психическим расстройством. Последнее же большею частью свойственно людям, ненормальным в сексуальном отношении. Они отличаются вдумчивостью, а потому им более присуще состояние душевной возбуждённости. Среди сибирских шаманов очень часто приходится слышать такое выражение: «у меня совершенно изменился природный пол». Зензинов⁴ знал шамана, который утверждал, что

¹ Karsch. Uranismus und Tribadie bei den Naturvölkern (Jahrbuch f. Sex. Zwischenstufen, 1901).

² Hist, apolog., с. 275.

³ Bastian. Deutsche Expedition I.

⁴ De Zensinoff. Le Chamanisme et le Lamaisme des Aborigenes Sibiriens.

Библиотечка «Апокрифа»

он превратился в женщину. Отсюда он вполне последовательно заключил, что ему необходимо одеваться в женские платья. То же самое мы наблюдаем у шаманок: они вполне уверены, что превратились в мужчин; у них даже появляются чисто мужские манеры. Идея подобного превращения не чужда была и скифам, о которых Гиппократ говорит следующее:

«...Среди них можно встретить людей, очень похожих на евнухов; не только в практической деятельности, но и в разговоре они напоминают собою женщин. Туземцы приписывают причину этого явления какому-то особому божеству; они боятся этих людей и проявляют к ним какое-то рабское почтение».

К числу метаморфоз этого рода следует отнести и рассказ Таранатхи о буддийском монахе Каори. Последний заклинал богиню Ваджрайогини и требовал от неё, чтобы она уделила ему то положение, которое сама занимала среди высших духов; его мольба была услышана: богиня окончательно вселилась в него, а он благодаря этому приобрёл чародейскую силу. Точно так же и Шанкарачарья полагал, что в нём живёт какое-то божество. «Проникая порою в его тело, это божество высказывало умозаключения, до сих пор не существовавшие»¹.

Образчик подобного превращения, принадлежащий уже новейшему времени, приводит Штульман. Речь идёт об одном негре, который ощутил эту метаморфозу на третий день какой-то болезни; с тех пор это ощущение его уже не покидало во всю жизнь. Негр одевался в женские платья и занимался исключительно работами, относящимися к женской специальности. Со времени этой болезни он проникся глубокой индифферентностью к половой жизни; до того времени он был женат и имел двух детей. С ним неоднократно бывали припадки безумия, которые длились обыкновенно 2-3 часа. Деревенский колдун видит в этом признак одержимости, в то время как европейский учёный называет это паранойей, хотя при этом добавляет, что деревенское население многое могло бы рассказать об индивидуумах, подверженных этому состоянию ещё с момента рождения.

Чувство гендерной трансформации, несомненно, очень часто проявляется у параноиков. Умопомешательство ставит физическому развитию человека те же преграды, что и алкоголь. В обоих случаях женская половина человеческого существа резко прорывается из скрытого состояния, а это обстоятельство ведёт к всевозможным оккультным фактам. В книге Крафта-Эбинга один биограф, например, говорит, что вместе с ощущением каких-то женских элементов в себе, ощущением, которое охватывало все фибры, его озаряло также и ясновидение. То же можно наблюдать и на людях, находящихся в медиумическом трансе. И здесь часто выступает наружу индивидуальность, которая в половом отношении составляет прямую противоположность медиума; но эта индивидуальность есть не что иное, как вторая, скрытая половина того же «я». Но если у некоторых людей это состояние является чисто случайным, то рядом с этим можно указать на целую массу лиц, у которых это состояние представляет собой нечто постоянное. Это объясняется особыми свойствами их природы. Но там, где нет этих

¹ Kern. Der Buddhismus, deutsch von Jakobi. Leipzig, 1882. S. 184.

свойств, постоянства оккультной одарённости можно достигнуть чисто искусственным путём.

Мы нередко видим, что так называемые «*effeminati*» (женственные) образуют отдельные секты с особым церемониалом посвящения и особыми обычаями.

Верные закону, цари Иудеи вели непрерывную борьбу с этими «*кадешим*» — (термин, который раньше служил синонимом святого, а впоследствии порочного человека; этим именем назывались также священнослужители Ваала и Яхве). Аса, преемник Ровоама, изгнал их из страны. Но «*effeminati*» удалились ненадолго — скоро показали вершину их храмов¹, в которых приносилось в жертву «деяние развратника».

Относительно храма афактов, находящегося на Либаконе, Эвсебий говорит, что его служители «содержали школу порока. Женственные мужчины предавались гнуснейшему пороку, чтобы умиловить властвующее божество»².

У южных славян ещё в настоящее время принято считать знахарей и ворожей гермафродитами с совершенно своеобразными сексуальными склонностями. «Удивительно то, — говорит Краусс, — что знахари облачаются в женское платье, а ворожей — в мужское»³.

Этот обычай менять своё платье очень распространён среди всех народов; в Германии можно наблюдать его и теперь, особенно в праздники жатвы и весны. В этих случаях человек, переменявший своё платье, олицетворяет собою бога плодородия. Это несоответствие между внешним видом человека и его половой организацией имеет в основе своей ту мысль, что оно наделяет человека исключительной способностью к магии. Ту же мысль выражает и поверье шведов, будто лесная фея не в силах соблазнить меланхоличного, нелюдимого человека⁴. Всем андрогинам свойственна некоторая степень меланхолии; она является результатом двойственности их психики.

Японские жрецы, служители синто, одеваются скорее в женском, чем в мужском вкусе⁵. Фирмик говорит, что ассирийцы почитают воздух под именем Юноны или Венеры. Этот элемент они представляют себе в виде чего-то гермафродического. Так как воздух лежит между небом и водой, они воздают ему молитвы голосом, сильно похожим на женский. «Во время богослужения жрецы стараются по возможности быть похожими на женщин; кожу они делают совершенно гладкой, а своё тело они оскверняют всевозможными женскими украшениями. В их храмах царит самый необузданный разврат: мужчины страдают такими болезнями, которые свойственны женщине, и этот позор своего грязного, бесстыдного тела они выставляют напоказ даже с какой-то гордостью. Подобно женщинам, они украшают великолепные волосы свои; они носят пышные платья, и усталые шеи едва тащат их отяжелевшие головы».

Жрецы и поклонники бородатой Афродиты появлялись на торжествах в прозрачных розовых женских рубашках; все прочие украшения их были также сделаны в женском вкусе. То же самое говорит Страбон относительно служителей лунных божеств в

¹ Dufour. Geschichte der Prostitution.

² Dulaure. Die Zeugung in Glaube, Sitte u. Brauch der Völker.

³ Dulaure (Krauss). Erotik im Glauben der Slaven. S. 182.

⁴ Mannhardt. Baumkultus der Germanen. S. 129.

⁵ Krauss. Die Zeugung in Sitte, Glaube und Brauch der Japaner. S. 19-20.

Библиотечка «Апокрифа»

Каппадокии; что касается лидийского бога солнца, который жил подобно женщине, то во время мистерий, устраиваемых в его честь, мужчины надевали женские платья и пурпурные рубашки. Жрецы Аттиса и «великой матери» также носили женское платье.

Но в культе аттического мы встречаемся ещё с одним моментом: оскотением. Оскотляли себя не только жрецы; им подражал также простой народ. Иеродулы и жрецы, оплакивая Аттиса, носились в бешеной пляске с распущенными волосами, били себя в грудь, бряцали оружием и наносили себе жестокие раны. Люди, участвовавшие в этих торжествах, до того возбуждались сладострастной музыкой и ужасными картинами страданий Аттиса, что без всяких колебаний шли на оскотение. Они горели желанием страдать вместе с Аттисом, они жаждали преображения¹.

Фригийская богиня Амма также принимала в ряды своих служителей исключительно скопцов; богослужения они должны были совершать в пёстрых платьях. Подобно ей «Астарты — эта строгая владицица — требовала от своих жрецов и прислужников самооскотения и некоторой женственности... В позднейшие времена можно было встретить в храмах Астарты целые тысячи кастрированных прислужников; некоторые бродили по всей стране, с намалёванными лицами, одетые в женские платья. При страшном свисте и барабанном бое они извивались в дикой пляске... Наиболее буйный среди них начинал тогда *пророчествовать*»².

Индийские жрецы изувечивали себя в своём служении богу Шиве. Жрецы Вишну, правда, не кастрировались, но должны были всячески стремиться подавить в себе половую страсть. Дело в том, что они обязаны явиться перед молящимися с обнажёнными гениталиями, которые, согласно культу Лингама, являются символическим изображением божества. Но ни этот символ, ни различные другие связанные с ним моменты не должны были производить на них полового действия. Если же оно когда-нибудь замечалось, то это влекло за собою страшную кару; даже простой народ, подметив это, мог объявить жреца бесчестным и забросать его камнями³.

Подобно жрецу Вишну поступает и современный индийский факир. Правда, за все те лишения, которые он претерпевает по эту сторону, он ждёт самого приятного знакомства с прекрасными женщинами по ту сторону. Буддийский монах должен обуздать свой половой инстинкт, хотя он лишён всякой надежды на свободу и любовь в небесах. Но если буддист подвергал себя всевозможным мщениям из-за грядущей Нирваны, то иудейская секта ессеев (как говорит Матфей, который называет их скопцами) делала это из-за царства Божия. Но не только они придерживаются таких страшных обрядов в своём служении божеству. На этой же ужасной, но вместе с тем удобной точке зрения стоят ещё в настоящее время русские скопцы. Ибо процедура, совершённая один раз в жизни, предохраняет на будущие времена от всевозможных последствий несвоевременной страсти, от которой не гарантирован даже наиболее религиозный среди всех кастратов. Поэтому гораздо похвальнее представляется тот обряд, который практиковался орденом аскетов, имевшим в XIV веке своих представителей почти во всех городах и селениях турецкой Малой Азии. В эти союзы соединялись молодые люди, которые налагали на себя

¹ Svoboda. Gestalten des Glaubens. I, 267.

² Movers. Religion der Phönizier.

³ Dulaure, a. a. O. S. 47.

обет безбрачной жизни. Днём каждый занимался своим делом, а вечером они все сходились для религиозных упражнений в своём храме, где они обыкновенно жили. Упражнения эти открывались чтением Корана и заканчивались танцами и пением, как это можно ещё теперь видеть среди дервишей. Араб Ибн Баттута говорит относительно аскетов следующее: «Во всём мире нельзя найти молодых людей, которые были бы так гостеприимны, так внимательны к чужой беде, как они. Аскеты готовы обуздать любого тирана и умертвить всех его низких и подлых приверженцев и союзников».

Ясно — половое воздержание оказывает колоссальное действие на человеческий организм: оно сохраняет в нём огромные силы, которые рано или поздно должны прорваться наружу, правда, в совершенно ином направлении. «Те дни и часы, — говорит Шопенгауэр по личному опыту, — когда глубокая несокрушимая страсть проникает в нашу душу, когда не тихая безотчётная грусть, а пламенное желание охватывает всё наше существо — эти дни и часы отмечены высшим напряжением нашего духовного “я”: наше сознание, высшие силы нашего духа рвутся к деятельности, жаждут творческого полёта. Правда, этот духовный порыв остаётся скрытым, пока наше сознание сосредоточено в области плотского вождения; но достаточно одного только решительного напряжения воли, чтобы толкнуть эту отчаянную всепоглощающую страсть по иному направлению и оживить сознание интенсивнейшей деятельностью наших духовных сил». Ньютон, невежество которого по части женского пола сделалось «притчей во языцех» всей Англии, объясняет своё воздержание следующим образом: «Весьма важно знать, что изначальная творческая сила человека может найти гораздо лучшее применение, чем создание физического потомства, что эту силу можно потратить на кое-что более полезное, чем одни только минутные наслаждения. Сохранённый в нашем организме, этот элемент может превратиться в новые мысли, новые идеи, в величественные концепции добра, истины и красоты, он может явиться источником жизнерадостности и бодрости, к которым влечёт человека присущий ему инстинкт добра и благодеяния». Это положение, выдвинутое гениальным человеком и возведённое им на высоту личной нормы и непреложного закона для себя, нашло себе подтверждение в исследованиях биолога Рейбмайра. В своих работах «*Das Aussterben der talentierten und genialen Familien im Mannesstamme*» и «*Die biologischen Gefahren der heutigen Frauenemanzipation*» он приходит к тому выводу, что «сила, заложенная в половых железах, резко падает благодаря чрезмерной эксплуатации человеческого мозга». Говоря об эксплуатации, Рейбмайр, конечно, делает крупную ошибку; дело в том, что гениальный человек не может иначе пользоваться своим мозгом. В этом случае мозг пожирает те жизненные силы, которые обыкновенно затрачиваются в процессе сексуального наслаждения, и тут-то мы наблюдаем все эти редкие, изумительные факты, которые предшествуют жреческому или даже художественному откровению и которые играют главную роль в магии. Поэтому всякое иное применение жизненных сил может несколько задержать развитие способностей человека к магии; подчас оно ведёт их к полнейшему уничтожению.

Тем не менее, мы нередко видим, что строгое воздержание сменяется половыми излишествами. Правда, прислужницам солнечного храма в Куско предписывалась безупречная девственность, а римским весталкам вменялось в обязанность блюсти обет воздержания всю жизнь, более того — жрицы Афродиты Сикийской должны были бежать

далеко от мужского общества и избегать всяких соприкосновений с ним. Однако мы, с другой стороны, видим любовные торжества, устраиваемые в честь Афродиты Урании, и необходимо заметить, что именно таким образом чествовали Афродиту во всей остальной Греции¹. Аскетизм и излишества тесно сплетаются и в культе Милитты у ассириян. Очень многие сторонницы её приносили в качестве «исключительной жертвы» своё тело, поступая таким образом сообразно требованиям культа; но одновременно с этим «владычица над жизнью и смертью», «претенциозная богиня» требовала от своих прислужниц клятву в том, что они останутся девственными всю жизнь². Точно так же иранцы чествовали богиню вод и покровительницу полового акта Анахиту жертвами обоих упомянутых родов. Жрицы её должны были сохранить полнейшую девственность, в то время как обязанность иеродула заключалась в том, чтобы отдаваться мужчинам, посещавшим их храм³. То же самое происходило и в тех культах, где действующими лицами выступали жрецы. И здесь в пёстрой смене мелькают перед нами строгое воздержание и самооскопление рядом с самыми дикими сексуальными оргиями.

В пёстрой смене? Нет. Мы видим нечто ритмически правильное в этом приливе и отливе настроений, в смене самобичевания и половых излишеств. Сама жизнь отбивает такт этой музыке, звучащей то горьким плачем, то радостным ликованием. Боги, которым поклонялись, были богами жизни, ослепительной, радостной жизни, т. е. секса. Как разнообразны их имена, как различен их культ и как несходны между собою жертвы, приносимые им! И всё же они в основе своей одно и то же — Фаллос и Ктеис. В культе этих богов были воспроизведены все те стадии, которые проходит половой инстинкт в своём последовательном развитии — от пробуждения сексуальности до полнейшего упадка её. Можно было бы, по-видимому, с полным основанием предположить, что в подобном культе совершенно немислим такой идеал, как, например, идеал асексуальности. На самом же деле это не так. Этот идеал явился результатом желания обрести что-нибудь устойчивое среди этого бесконечного хаоса разнообразных смен. Человек, гонимый и затравленный сексуальностью, мучимый страшными картинами, которые являлись отражением и прообразом божеской судьбы, — этот человек стоял перед глазами жрецов и глубоким трагизмом своего положения побуждал их возможно скорее найти средство вырваться из когтей этого буйного вихря. Но каково могло быть это средство, как не полнейшее отречение. В этом заключался известный отказ как от будущего, так и от прошедшего. Жрец и служитель идее вечного возвысился над потоком времени. Правда, год бесконечных лишений и отказов прерывался отдельными днями, исполненными самой разнузданной страсти, но вот эти-то дни и являлись жертвой, приносимой жрецом, и притом жертвой весьма значительной. Она означала полнейшее отпадение в сферу повседневности, в горнило адских страстей. Человек, возвышающийся над чувственным миром, погружался в поток времени. Понятно, что подобное отпадение было очень приятно для некоторых жрецов, и эротика отдельных личностей, несомненно, играла здесь очень значительную роль; тем не менее, этим нисколько не нарушалась цельность общего мирозерцания. Следует тут же заметить, что глубокая мудрость заключалась в

¹ Svoboda, a. a. O., II, 131.

² Lajard. Recherches sur le culte de Venus. Paris, 1837. S. 54.

³ Svoboda, a. a. O., II, 126.

этом требовании порвать цепь замкнутости и выступить за пределы жреческого аскетизма; дело в том, что этим предотвращалась излишняя отчуждённость жрецов от условий народной жизни.

Половое своеобразие, конечно, в определённых границах, является, как мы видели, необходимою принадлежностью жреческого служения, как в прошлом, так даже и в настоящем; аналогичное явление мы встречаем в чародействе и колдовстве, которые стоят за пределами государственного культа.

Как средние века, так и античный мир представляли себе ведьм и сивилл в образе женщин, наделённых чисто мужскими чертами; этим, конечно, указывали на тот факт, что они во всех отношениях отличаются от обыкновенных женщин. Но зачем это? Естественно, для того, чтобы можно было объяснить добровольное выступление этих женщин из всего прочего гражданского общества особой своеобразием, глубоко заложенной в их физической природе. Люди смутно предугадывали, что обращение к оккультной области и связанное с этим обременение мозговой сферы обуславливают собою полнейший упадок и разрушение физических черт, свойственных природе женщины; от них не ускользнула и та мысль, что некий недостаток в половой организации усиливает склонность человека к магии. В обоих случаях мы наблюдаем два процесса, которые идут рука об руку, совершенно параллельно: отречение от половой жизни и усвоение чисто мужских особенностей. То же самое явление мы наблюдаем у мужчин, потерявших способность к половому общению; здесь заметно выступает наружу усвоение женских черт рядом с повышенной склонностью к медиумизму.

Так, Кардан и Парацельс, люди с ярко выраженными медиумическими особенностями, были совершенно импотентны, каковое обстоятельство сильно содействует развитию медиумических склонностей¹. Глубокими аномалиями в половом отношении отличался и Слейд, известный медиум Цёльнера. Элко в одной статье, написанной им по поводу пребывания Слейда в Берлине, говорит следующее: «Полиция положила конец медиумизму этой пробы; о нём как-то неудобно здесь упоминать». Подобно Слейду, гомосексуальны были также Бастиан, над которым производил свои опыты Гелленбах, и Эглинтон, известный английский медиум, к этой же категории относится и развенчанный будто бы издателями журнала *«Zeitschrift für Spiritismus»* медиум Бернхард, который вызвал большой интерес к себе в Берлине, где он пользовался покровительством Эгберта Мюллера. Подобные же слухи носят и относительно Хьюма, который показывал свои магические фокусы в доме Крукса в присутствии Наполеона III и других высокопоставленных лиц. Эти слухи не лишены некоторого основания; дело в том, что Хьюм отличался редкой, весьма утончённой чувствительностью. Всякий же мужчина, который обладает чувствительностью в более или менее значительной степени, носит на себе ярко выраженный отпечаток женственности. Это особенно ясно станет, если сравнить те свойства и отличительные черты, которые Райхенбах² приписывает людям чувствительным, а Гиршфельд³ — гомосексуалистам. Оба исследователя располагают богатейшими знаниями и колоссальным фактическим материалом, относящимся к их

¹ Kisevetter. Geschichte des Okkultismus. I. S. 47. Anm.

² Reichenbach. Der sensitive Mensch.

³ Hirschfeld. Leid der urningische Mensch.

специальности. Чувствительность же, в свою очередь, указывает на необычное тяготение к сфере оккультных явлений.

Половые аномалии свойственны не одним только мужчинам. Медиумы-женщины, которых вообще большинство, составляют самые разнообразные уклонения от типа средней женщины. Сюда присоединяется ещё тот факт, что различные процессы, протекающие в половой организации женщины, оказывают самое сильное влияние на её медиальность. Так, например, Райхенбах утверждает, что беременность и кормление сильно повышают восприимчивость женщины; с другой стороны, склонность и податливость всяким оккультным влияниям сильно понижается, когда ребёнка отлучают от груди; более того — имеющаяся медиальность совершенно исчезает вместе со вступлением в брак. Полный расцвет медиальности, как и магической одарённости, наступает у людей, одержимых безумием или сомнамбулизмом; она проявляется также в период полового созревания или после климактериума; во всяком случае, эта медиальность вполне отчётливо выступает при всевозможных половых аномалиях¹. На примере Флоренс Кук, этого знаменитого в своё время медиума, можно вполне ясно проследить тесную связь в развитии половой организации и медиумических задатков. Кизеветтер по этому поводу замечает следующее: «Первая ступень действительной материализации знаменуется выделением особого астрального тела; это явление имеет место как в период полового созревания, так и в моменты повышенной сексуальной возбудимости. Его можно было наблюдать у пятнадцатилетней девушки Флоренс Кук — с этим совершенно согласны все наиболее выдающиеся английские спиритуалисты; напротив, замужняя г-жа Корнер, которой был 21 год, сохранила лишь способность сомнамбулического блуждания². По сведениям, приводимым д-ром Джачини Лураджи, и Эвсапия Палладино отличалась ненормальной половой организацией; сюда он относит и большинство итальянских медиумов. В особую категорию следует отнести Полити и Томмази. Здесь необходимо упомянуть Анну Роти Е. П. Блаватскую, основательницу Теософского общества. Последняя, в силу *antiflexio uteri*³, свойственной ей от рождения, была совершенно бесплодна; кроме того, она обладала ярко выраженными гермафродическими чертами. Другое дело Анна Рот; она отличалась строгой внешностью, так что из этого уже можно заключить, что и тут медиальность является результатом резких аномалий в половой сфере. То же самое можно сказать и о Фредерике Хауффе, Ясновидящей из Префорста, а также о мадам д'Эсперанс.

Исследование медиумизма сильно осложняется преобладанием в половой организации медиума всевозможных аномалий, сопровождаемых к тому же различными истерическими явлениями. Надо полагать, что с этим согласен и Дюпре, приобретший богатый опыт благодаря результатам «Психологического общества». По крайней мере, это

¹ Kisevetter, a. a. O., I. S. 620.

² Kisevetter, a. a. O., I. S. 607.

³ *Antiflexio uteri* (антефлексия матки) — нормальный перегиб между телом и шейкой матки под тупым углом, открытым кпереди. Здесь, по-видимому, имеется в виду *anteflexio uteri patologica* (антефлексия матки остроугольная) — нарушение развития матки и её положения, возникающее в результате нарушения общего и полового развития у девочки в период роста под влиянием различных болезнетворных факторов и неблагоприятных условий внешней среды. *Прим. ред.*

можно заключить из слов Кизеветтера, который говорит, что Общество постепенно устранялось от исследования медиумических явлений «...отчасти по мотивам совершенно непонятной скромности». Основанное затем Дюпре «Общество экспериментальной психологии» страдало от всевозможных мелочных придирок полиции¹. Причиной этого послужили, очевидно, факты, опубликованные Себальдом как под своим собственным именем, так и под различными псевдонимами. И в этом случае самым крупным препятствием в работах являлась ненормальная сексуальность, которую полиция приписывала самому экспериментатору, а экспериментатор склонен был отнести её на счёт медиумов; о последнем факте нельзя ничего определённого сказать. Однако следует заметить, что в данном случае прав, по-видимому, экспериментатор, так как мнение полицейских властей относительно медиумизма не особенно веско и убедительно.

Установленная нами тесная связь между явлениями медиальности и сексуальности находит себе подтверждение и в психической организации человека в виде параллельных явлений медиумизма и сомнамбулизма. Блестящее красноречие, которое мы наблюдаем обыкновенно у сомнамбулистов, медиумов и родственных им индивидуумов, их умение изящно, отчасти даже поэтически излагать тончайшие особенности своей психической организации — всё это в сильной степени напоминает нам аналогичные факты из периода половой зрелости и влюблённости. Всякий человек, даже самый бездарный, ощущает в чаду любви некоторый подъём своих духовных сил. В погоне за своей возлюбленной он становится вдохновенным оратором, даже поэтом, хотя стихи его весьма далеки от совершенства. Достаточно известно, что художники только тогда окрыляются творческой фантазией, когда они влюблены, и нет для них большего несчастья, как достигнуть обладания своей возлюбленной. В браке «муза» застывает, опьянение проходит, творчество художника приходит в упадок. Возбуждённое состояние, в котором находится влюблённый человек, не может удовлетворить обыкновенным человечески языком. Только ритм поэзии, как и ритм танцев, может доставить ему успокоение среди бурного потока чувств, внезапно нахлынувших на его душу. Точно так же и человек экстатичный обретает покой в ритмических движениях. Ритм же представляет собой эротический элемент². Есть нечто общее между человеком влюблённым и сомнамбулистом, — это односторонность мышления. Все они схожи с безумцем и художником, т. е. с людьми, которых неотвязно преследует одна и та же мысль. Фишер говорит: «Тот факт, что внимание сомнамбулы сосредоточено в ограниченной сфере определённых предметов, объясняется отчасти чрезмерным углублением его в свои бредовые идеи»³.

В сфере этих идей сомнамбулист достигает изумительной прозорливости. Он подчиняет им решительно все явления, с которыми ему приходится сталкиваться в жизни; он старается всё использовать в интересах углубления и осуществления своих идей. Медиум находится под непосредственной властью образов, возникших в процессе его бессознательного творчества, подобно мечтателю, который всецело отдаёт себя в руки людей, измышленных его фантазией. То же мы видим и у сомнамбулиста; разница

¹ Kisevetter, a. a. O., I, 504-505.

² См. Kornfeld. Das Divergenzprinzip und die sexuelle Kontrektation (Zeitschrift für Sexualwissenschaft, 1909. I Jahrg. Heft 5).

³ Fischer. Geschichte des Somnambulismus. I, 133. Basel, 1839.

Библиотечка «Апокрифа»

заключается лишь в том, что здесь играет очень значительную роль магнетизёр. Отношения между сомнамбулистом и магнетизёром совершенно такие же, в каком находятся два влюблённых друг в друга человека.

«Сомнамбулист проникается глубоким безысходным страданием при одной мысли, что магнетизёр находится вдали от него; он льнёт к нему, погружается в мрачную тоску, когда магнетизёр отказывает ему в ласке и доверии; но какая *неподдельная* радость охватывает его, когда магнетизёр подходит к нему со своим трогательным вниманием и заботливой мыслью. Шаг за шагом отношение между ними принимает более интенсивный, интимный характер, пока оно не завершается полным душевным слиянием. Чувство любви — вот что влечёт сомнамбулиста к своему магнетизёру...

Он делит все чувства и взгляды своего магнетизёра, читает в его мыслях... и не только в тех мыслях, которые занимают его в исключительный момент духовного взаимодействия между ними, но и в тех помыслах, которые витают в душе магнетизёра в любой момент времени. Духовная одарённость, специальные знания, даже научная система, которую исповедует магнетизёр, — всё каким-то загадочным образом переходит на сомнамбулиста. Он превращается таким образом в орган магнетизёра»¹.

Гмелин делал себе незначительные уколы булавкой, а его сомнамбулистка ощущала в соответствующих частях тела острую боль; ей даже казалось, что Гмелин наносит эти уколы непосредственно ей. Сомнамбулистка явственно слышала бой часов, которые магнетизёр держал у своего уха, стоя в отдалённом углу комнаты; она была уверена, что эти часы находятся перед её собственным ухом. Она бросилась вперёд, желая схватить их своими руками. Фишер причинял своему сомнамбулисту боль в течение нескольких дней при помощи уколов, которые он наносил самому себе, так что вызвал даже у неё в этом месте лёгкую опухоль².

То спокойствие, в которое погружается влюблённый человек, когда перед его глазами находится или объект его любви, или что-нибудь принадлежащее ему, вроде писем, волос, лент и т. д., мы наблюдаем также у сомнамбулистки при виде таких предметов, к которым прикасается магнетизёр. Если пучок волос, принадлежащих магнетизёру, положить сомнамбулистке под чепчик, то она непременно заснёт. Одна из сомнамбулисток Кернера прогоняла у себя всякую боль при помощи лоскутка материи, которую тот всегда носил на правой руке. Сомнамбулистка Найка засыпала при помощи его шляпы, которую она прижимала к своей груди, как средство, благотворно действующее при всевозможных страданиях. Для объяснения всех этих фактов достаточно будет принять особую силу воображения, свойственного сомнамбулисткам, иными словами, ограничиться одним только действием внушения. Но, с другой стороны, те же факты указывают на наличие какого-то исключительного элемента во всех тех предметах, с которыми магнетизёр пришёл в непосредственное соприкосновение. Сюда, прежде всего, следует отнести те случаи, когда названные предметы сохраняли своё действие на сомнамбулистов, несмотря на то, что их неоднократно промывали, даже превращали в

¹ Wirth. Theorie des Somnambulismus. S. 185.

² Fischer, a. a. O., II, 171-172.

пепел, сжигая их. Остаётся невыясненным лишь вопрос о том, насколько здесь совершенно исключается действие внушения¹.

Опыты д-ра Тричлера над мальчиком-сомнамбулистом Мэттью Шурром самым решительным образом доказывают, насколько тесна и неразрывна связь между сомнамбулистом и магнетизёром. Взаимодействие между мальчиком и врачом дошло до таких пределов, что врач в глазах мальчика перестал существовать как отдельное, самостоятельное лицо. Как-то раз Тричлер лежал в ногах этого мальчика, который спал глубоким сомнамбулистическим сном; но вот Тричлера позвали к другому пациенту, он поднялся, ступил несколько шагов, как вдруг раздаётся крик мальчика: «Что это тянет у меня в ногах, что это отрывается от меня?» При этом он обратил исстрадавшееся лицо к уходящему врачу, и следует заметить, что глаза его в этот момент были совершенно закрыты. Тричлер из сострадания к нему снова вернулся на своё прежнее место, и в один миг мальчик опять спокойно улёгся, сказав: «Теперь мне опять хорошо, теперь всё снова на месте». На вопрос «что на месте?» он ответил: «Ах! теперь мне опять хорошо, теперь всё снова на месте». Но объяснить свои слова он был не в состоянии². Дюпре в своём труде «*Die odische Individualität des Menschen*»³ приводит одну сомнамбулистку Кернера; мягкие и тонкие волосы её приобрели ту же жёсткость и густоту, которой отличались волосы Кернера, благодаря тому, что она мыла голову в той же воде, в которой до неё мылся кернер. Люсиль, сомнамбулистка Доната, приобрела черты такого близкого сходства с Донатом, что их всюду принимали за брата и сестру. Подобное явление можно наблюдать и у супругов, которые в совместной жизни постепенно приобретают черты поразительного сходства между собою. В пояснение Дюпре говорит: «При всяком лечении с помощью магнетизма магнетизёр переносит свою жизненную силу, свою истинную эссенцию на магнетизируемое лицо». Действительно, под влиянием всех этих случаев, которые далеко не единичны, приходится согласиться с мнением тех людей, которые говорят об оккультном перенесении силы с одного лица на другое.

Отношение сомнамбулистов между собою тоже покоится на эротической почве. Д-р Дескотт производил опыты над двумя молодыми женщинами, причём он ясно подчёркивает, что они были «влюблены друг в друга». Находясь на далёком расстоянии друг от друга, каждая знала, что происходит с другой; каждая из них за три или четыре дня предсказывала те болезненные явления, которые постигнут как её саму, так и её подругу⁴.

Сравните с этим то, что Гиршфельд говорит в своей брошюре «*Berlins drittes Geschlecht*»: «Я лечил от серьёзной нервной болезни одну даму из дворянского круга, гомосексуалистку, которая в течение многих лет жила со своей подругой. Ни разу в своей практике я не видел ещё такого полного перехода здорового организма в больной... Женщина, отличавшаяся редким здоровьем, была фактически как бы спаяна с больной подругой. Стоило прикоснуться к какому-нибудь болезненному органу больной подруги, вторая рефлекторно вся съеживалась; чувство неудовлетворённости, постигшее больную,

¹ Fischer, a. a. O., II, 223-224.

² Kiesers Archiv für den Thierischen Magnetismus.

³ Übersinnliche Welt. 1899, III Jahrg. Heft 3. I, 168.

⁴ Kluge. Versuch einer Darstellung des animalischen Maanetismus. S. 358.

Библиотечка «Апокрифа»

немедленно отражалось на лице здоровой; плохой сон или скверный аппетит моментально сообщается здоровой».

Первый случай представляет собой повышенную степень второго. В последнем случае мы имеем полнейшее соответствие, выраженное, правда, в очень резкой и яркой форме. В первом же речь идёт об ощущении, которое обостряется под влиянием и повышенной чувствительности, свойственной сомнамбулизму, и страстной влюблённости. Сомнамбулисты поразительно точно определяют момент, когда их магнетизёр совершает то или иное действие. В этом случае они опять-таки сильно напоминают нам отношения, существующие между влюблёнными. Один молодой человек сообщил мне очень интересное наблюдение, которое он произвёл над самим собою. Стоило его другу быть неаккуратным при каком-нибудь заранее условленном свидании, как он, отделавшись от первого разочарования, с точностью определял тот момент, когда его друг придёт. Он определял момент, хотя для этого никаких данных не было. Это явление обыкновенно сопровождалось своеобразным физическим и духовным беспокойством, которое, правда, моментально исчезало.

До сих пор мы говорили о влиянии эротики на медиативность, сомнамбулизм, на деятельность жреца в области магии и в сфере посредничества между богами и людьми; далее мы подробно разберём роль эротики в явлениях одержимости. Теперь мы обратимся к вопросу о причинах подобных состояний и действий. Мы очень далеки от мысли совершенно исключить оккультный момент или свести его исключительно к эротическому элементу. Правда, в большинстве случаев он таков, но эротический характер его нисколько не исключает оккультного. Чтобы не ходить далеко за примерами, возьмём приведённый только что нами случай определения времени. Правда, повод и в данном случае чисто эротический, но вопрос о том, каким образом человек приобретает в таких случаях способность определять время, лежит всецело в сфере оккультизма. Одно несомненно: он находится в самой тесной связи с эротикой. Но если сомнамбулизм и медиумизм соприкасаются с половой сферой только в момент своего возникновения, то явления одержимости насквозь проникнуты сексуальностью. Трудно провести резкие границы между отдельными областями; в медиумизме, который носит лёгкий оттенок одержимости, как и в сомнамбулизме, мы нередко встречаемся с такими явлениями, которые следовало бы занести под рубрику «одержимость». С другой стороны, совершенно невозможно отграничивать одержимость инкубами и суккубами; всё это беспорядочным образом сплетается в один клубок самой дикой эротики. Создавая прекрасные и вместе с тем страшные картины, уходя всецело в своё магическое действие, душа человека освобождается от неотвязных привидений, созданных чрезвычайно возбуждённой и роскошной фантазией. Очень часто оккультный элемент, проявляющийся в одержимости, ограничивается созданием демона, безраздельно господствующего над всем. Это и должно было являться кульминационным пунктом оккультного воздействия в такое время, которое, подобно средневековью, всецело прониклось верою в бесов; то же самое можно видеть ещё в настоящее время у нецивилизованных народов, охваченных верою в духов. «Властвующий демон» потерял всякий оккультный смысл для нас, за исключением, конечно, отдельных спиритов, которые относятся к явлениям жизни с какой-то детской доверчивостью. Для нас этот демон, а пожалуй и целые толпы демонов,

представляет собой не что иное, как продукт духовного «я», поражённого безумием; в подобных случаях мы говорим, что сознание этого человека претерпело «драматическое раздвоение», вызванное чрезвычайным раздражением преимущественно полового характера.

Благодаря этому разладу между первичным и вторичным «я», как говорит Майнерт, т. е. между страстью и рассудком, «целые группы субъективных представлений достигают чувственной осязаемости и силы непосредственных внешних впечатлений; определённая часть психической жизни объективируется, исторгается из души и противопоставляется ей, так что наступает раздвоение личности, раздвоение “я”». Аналогичное явление мы наблюдаем при меланхолии, делирии и умопомешательстве. Меланхолик или сумасшедший разговаривает или спорит с воображаемыми людьми; они — плоть от его плоти, кость от его кости. В споре они проявляют больше находчивости и остроумия, чем он, побеждают его, и ему нередко приходится выслушивать от них различные наставления¹.

Уиган² приводит биографию одного интеллигентного человека, который отличался способностью видеть перед собою свой собственный образ. Сначала это вызвало в нём один только смех, причём казалось, что воображаемая фигура, его двойник, также смеялась. Но впоследствии его охватило такое раздражение, что он застрелился. Образ собственного «я» — это самое тривиальное измышление человеческой фантазии, которая ничего иного не в состоянии придумать. Это самое обыкновенное, самое избитое из всех привидений. Народная традиция сохранила очень простое средство вызвать к жизни свой образ: произносить ночью, находясь в тёмной комнате, своё имя и фамилию. Особенно удаётся это людям нервным, расположенным к грустной меланхолии.

Но как возникает раздвоение сознания? В нормальном состоянии мы отличаем субъект от объекта, субъективное представление от объективного, смотря по тому, налицо чувственное восприятие или нет. Совершенно обратное явление мы видим, когда начинает развиваться свою деятельность магический полюс души. Здесь раздражение исходит изнутри; но так как оно в своём следовании по нервам, в направлении изнутри наружу, может достигнуть нашего сознания лишь в форме чувственного впечатления, то мы в глубоком заблуждении готовы приписать ему вполне объективную реальность. Случаи смешения субъективных и объективных представлений являются исключениями при сумасшествии, *delirium tremens*³, страстной экзальтации; напротив, при магической жизни духа именно это наиболее характерно. Развивая свою деятельность в сфере обоих противоположных полюсов, дух выражает собою гармонию, единство человеческого «я»; там же, где элемент бессознательности получает перевес, возникает раздвоение, двойственность, и коль скоро чувство, пробившееся из сферы бессознательного, проникает в область сознательной жизни, появляется нечто чуждое, постороннее, внешнее. На всех ступенях научного и нравственного развития человечества мы наблюдаем черты поразительного сходства у народов, которые уделили господствующее

¹ Radestock. Genie und Wahnsinn.

² New view of insanity. London, 1893.

³ *Delirium tremens* (лат. «трясущееся помрачение») — алкогольный делирий, белая горячка. Прим. ред.

Библиотечка «Апокрифа»

положение бессознательному полюсу духа. Тогда впервые возникает ощущение двойственной личности¹.

Предположим, что мыслящее «я» подавило в себе все те чувства и представления, которые не мирятся с религиозными и нравственными воззрениями его среды, и отодвинуло их далеко за пределы своей сознательной жизни. Но весь этот материал ведёт там, так сказать, свою особую уединённую жизнь, и вдруг это мыслящее «я» испытывает могучий напор целого комплекса чувств и представлений, которые с течением времени развились из всего этого материала, забытого и подавленного в себе. Здесь у нас налицо раздвоение сознания. Этот процесс, естественно, может получить широкое развитие лишь при том условии, что мыслящее «я» ослаблено какими-нибудь внешними влияниями. В бреду мы наблюдаем совершенно аналогичный факт; но в более сильной степени это проявляется в феноменах сомнамбулизма и медиумизма.

Удивительнейшее явление сомнамбулизма есть не что иное, как пластическое завершение образов, являющихся в бреду... Перед болезненным сознанием сомнамбулиста проносятся яркие, прекрасные картины, исполненные живейшими красками; они появляются на поверхность, вызванные тем могучим инстинктом, который властно влечёт сомнамбулиста к созданию всё новых и новых образов; рождаясь, они совершают свой обычный путь, и, когда наступает конец всей этой беспорядочной, хаотической игре, они исчезают. Нет ничего удивительного в том, что сомнамбулист принимает их за явления непосредственной действительности; в этом отношении он ничуть не отличается от маниака, который свою *idee fixe* принимает за реальность. Оба они являются безвольной игрушкой в руках житейской действительности. Ведь и нам, людям нормальным, часто кажутся вполне реальными те мимолётные образы, которые проносятся в нашей голове и бредовом состоянии... Поразительным кажется это прозорливое, непосредственное понимание, этот искрящийся юмор, проникновенный разум, которые вплетаются самым причудливым образом в эту фантастическую игру. Особенно значителен заключительный момент, которым завершается процесс объективации этих фантастических образов: в этот момент воображаемый нами образ, сделавшись до известной степени властным и постоянным, проникается этим инстинктивным, светлым разумом, возвещает своими устами бессознательную мудрость, так что сомнамбулист, вслушиваясь в неё, принимает её за откровения какого-то высшего существа².

«Роковыми являются те случаи, когда видения приобретают неограниченную власть над сомнамбулистом; тогда сознание его совершенно поглощается, подавляется, и рядом с ним является постороннее “я”, приводящее его в состояние безумия. С наступлением безумия видения обыкновенно прекращаются, или, в крайнем случае, они теряются в этом чуждом, новом “я”, которое приобретает все привычки, манеры, мысли сомнамбулиста»³.

О психофизическом процессе, протекающем при явлениях одержимости, повествует Бельц; он наблюдал несколько подобных случаев в Японии. «Известно, что нормальный человек, у которого правая рука сильнее развита, чем левая, пользуется в своей духовной

¹ Schindler. Magisches Geistesleben. Breslau, 1857. S. 155.

² Fischer, a. a. O., I, 11-12.

³ Fischer, a. a. O., III, 50.

деятельности, особенно в области речи, левой половиной мозга, левша же — правой половиной. Отсюда легко заключить, что при явлениях одержимости другая половина мозга, находящаяся обыкновенно в состоянии покоя, начинает развивать усиленную деятельность. Обыкновенно это сопровождается болезненным ощущением в левой части груди, сильными подёргиваниями левой части рта и левой руки, и — тогда демон начинает возвещать свои истины. В то же время правая часть тела загорается протестом, правая рука производит всевозможные жесты, словом, начинается работа в левой части мозга. Она, в буквальном смысле слова, вступает в борьбу с левой половиной тела, т. е. с правой частью мозга. Но так как двигательные центры лица и руки расположены в мозгу в ближайшем соседстве с двигательными центрами речи, то отсюда можно вывести следующее заключение: психическое действие самовнушения протекает в сфере покоящейся, остающейся в резерве части мозга. Скрытая работа, совершаемая ею, вызывает раздражение в ближайших мозговых частях, что проявляется в виде подёргиваний и парестезий. Но вот бурный поток мыслей, приписываемых какой-то высшей силе, с бешенством врывается и наполняет все центры и органы речи. Нормальное “я”, истощившись в жестокой борьбе с этим грозным напором, окончательно выбивается из сил и... буйный поток, свободно растекаясь, наполняет все поры его духовного существа. Новая автоматическая личность автократически господствует над всем; это продолжается до тех пор, пока не иссякнут болезненные раздражения. Ясно, что при обилии различных соединительных путей между обеими частями мозга и вторая половина его подвержена жестоким страданиям»¹.

Аналогичные процессы, хотя и в более слабой степени, можно наблюдать и в явлениях медиумизма. Так, например, Селлинг приводит *«своеобразный случай автоматического письма»*², где медиум, приступая к написанию, «ощущал какой-то холод в левой части темени, а левая рука нервно дрожала и подёргивалась; он вообще испытывал отдалённое ощущение безумия. Ударив три раза левой рукой по столу или по колену — в знак того, что можно приступить к делу, — медиум начинал выводить правой рукой какие-то штрихи и приступал к самому процессу писания лишь тогда, когда приносили все необходимые для этого принадлежности».

Каспар Хаузер, отличавшийся в первое время чрезвычайной чувствительностью и подчиняемостью оккультным влияниям, имел лицо, «левая часть которого поразительно непохожа была на правую. Она была как-то искривлена и изуродована; по ней быстро, словно молнии, проносились резкие подёргивания. В этих подёргиваниях заметное участие принимала вся левая часть тела, особенно плечо и рука. Стоило вызвать чем-нибудь его любопытство, как эти подёргивания учащались; кончались они обыкновенно каким-то столбняком»³. Блеск металла и т. п. предметов Хаузер воспринимал левой частью лица отчётливее, чем правой.

«Долгое время Хаузер относился вполне равнодушно к различным сексуальным наслаждениям; его половой инстинкт проявлял едва заметную жизнь... К любовным

¹ Baelz. Ueber Besessenheit und verwandte Zustände. Wien, 1907. S. 32-33.

² Psychische Studien. Jahrg. XXV. S. Heft, 1898. S. 211.

³ Daumer. Mitteilungen über Kaspar Häuser. 1832. II, 46.

историям он питал крайнюю степень отвращения»¹. Он абсолютно не понимал ни любви, ни полового общения. Половою акта он никогда не переживал. Здесь невольно вспоминается мнение Вильгельма Флисса, который утверждает, что все левши скрывают в половой организации своей какую-то аномалию; он заходит ещё далее, говоря, что все они гомосексуальны. Последнее мнение нельзя считать особенно правильным, всё же общая ненормальность наблюдается у них у всех. Итак, во всех тех случаях, когда левая сторона получает перевес над правой, мы всегда имеем дело, если и не с постоянным, то, во всяком случае, с временным осложнением в половой сфере. А это лишний раз подтверждает правильность нашего взгляда.

Одержимость очень часто имеет своим источником какую-нибудь любовную историю, как это видно на примере эпидемии, вспыхнувшей в 1550 году в Бригиттском монастыре в Ксанфе.

Весьма интересны случаи, происшедшие со священниками Гауфриди из Марселя и Грандье из Людена. Истериичные монахини неоднократно жаловались на то, что эти священники соблазнили их. Дело Грандье сильно осложнилось благодаря личной неприязни, которую питали к этому тщеславному и высокомерному патеру св. Петра все его коллеги. Для этого баловня и любимца всех люденских женщин роковым оказался тот факт, что урсулиники тамошнего монастыря всячески желали иметь его в качестве своего духовника и вместе с тем никак не могли добиться этого. Слух о его стойкости и непорочности проник в монастырь, и все обитательницы его были охвачены сильным желанием узнать этого человека. Он безраздельно господствовал в их мыслях, несмотря на то, что они его совершенно не знали. Многочисленные монахини, сильно расположенные к истерии и нимфомании, очень скоро пришли к той мысли, что их непреодолимое влечение к Грандье объясняется особой чародейской силой, с помощью которой он покоряет их сердца. Но, дав простор этому предположению, монахини не остановились на нём; они пережили момент обладания и совокупления с инкубом в образе Грандье. Противникам Грандье не стоило уже большого труда раздуть это уже и без того сильно разгоревшееся пламя. Они всячески старались поддерживать среди монахинь враждебное отношение к Грандье, пользуясь различными экзорцизмами, т. е. формулами, которые произносились с целью изгнать дьявола из человеческой души. Они шпионски выведывали у монахинь мельчайшие подробности их одержимости; материал же они получали самый богатый, благодаря пышной фантазии этих женщин. В те моменты, когда надвигались приступы безумия, монахини произносили самые мерзкие слова, вели себя самым бесстыдным образом, несмотря, или, вернее, именно в силу этих экзорцизмов, которые страшно возбуждали их вместо того, чтобы успокаивать. Так продолжалось несколько лет. Кончилось тем, что ему вменили в вину союз с Дьяволом и колдовство, и он, подобно Гауфриди, был приговорён к сожжению. С его смертью одержимость, однако, не прекратилась; лишь по истечении нескольких лет она начала постепенно исчезать.

Половой мотив явственно звучит и в труде Кернера *«Geschichten Besessener neuerer Zeit»*. Например, девушке из Орляха явилось раз видение: то был монах в образе её соседа Хансели. Раз он явился к ней в поле, и она услышала его слова: «Я пришёл к тебе; ведь

¹ Daumer, a. a. O., 11, 13.

монах не у тебя, не так ли? Ну вот, я хочу тебе кое-что сказать, — не хочешь ли ты чего-нибудь? — Вчера, когда я был у тебя — это было вчера? а, пожалуй, и третьего дня — ты взяла на руки моего мальчика и пошла с ним в сад. Когда мы остались одни, отец твой начал тебя ужасно ругать и в заключение сказал, что он не может тебя оставить дома, что ты должна уйти куда-нибудь. По его мнению, тебе следует или пойти в монастырь — разве это не странно со стороны твоего отца¹, — или выйти замуж. Так сказал твой отец — и я не мог не согласиться с ним. Что ты скажешь насчёт монастыря? Когда я был солдатом, я как-то посетил женский монастырь; там не так скверно, как обыкновенно думают. Я хочу лишь сказать тебе, что твоя подруга, дочь хозяина, также собирается теперь в монастырь. Разве ты предпочитаешь замужество? Скажи! Если ты хочешь замуж, то у меня есть для тебя отличный парень. Тогда ты будешь делать всё, что тебе угодно»².

Незадолго до того, как произошло, наконец, мнимое исчезновение «демона», монах сделал ей обширное признание, которое пестрело многочисленными монахинями, соблазнёнными и убитыми им, а также и детьми, которых он прижил с этими монахинями и которых тоже убил. После исчезновения демона у девушки больше припадков не было. В момент последнего приступа одержимости девушка выразила настойчивое желание, чтобы родительский дом был снесён. Это было немедленно сделано, и через несколько дней после её выздоровления были найдены под сломанной стеной человеческие кости, в том числе кости детей³. Вполне возможно, что девушка случайно знала о том, что там находятся кости, и на этом основании её живая фантазия нарисовала те дикие картины, которые пронеслись перед нею в момент одержимости. Но очень может быть, что причиной безумия послужил какой-нибудь страшный, непостижимый призрак, долго скрывавшийся под сломанной стеной, и этот призрак глубоко поразил эту девушку и без того чрезвычайно чувствительную, склонную к сексуальным фантазиям. Во всяком случае, мы из всей этой истории можем заключить одно: припадки безумия возникли на почве полового влечения, правда, не вполне осознанного, но сильно обострённого каким-то посторонним влиянием.

Интересна также история одержимости, поразившей г-жу У., которая, по словам Кернера, была вполне счастлива в браке и имела трёх детей. И здесь субъект, овладевший психикой больной женщины, выставлен в свете забияки и юбочника. В его «признаниях» центральное место занимают его различные похождения с женщинами. Точно так же и второй «дух», овладевший этой женщиной после того, как её покинул первый, хвастался всевозможными половыми мерзостями⁴.

Сексуальной мотив звучит и в рассказе Вернекке⁵ об одном случае одержимости, имевшем место в передней Индии.

Один чиновник, туземный житель деревни Малабар, член касты тураев, рассказал корреспонденту «*Simla News*» об удивительной болезни, поразившей его сестру. Спокойная и смиренная до того девочка, которой тогда было не больше одиннадцати лет,

¹ Девушка была протестантка.

² Kerner, a. a. O., S. 31.

³ Kerner, a. a. O., S. 46.

⁴ Kerner, a. a. O., S. 90, 96.

⁵ Rätselhaftes. Psychische Studien 1899, XXVI. Jahrg. Heft. S. 411 (Nach den Simla News).

Библиотечка «Апокрифа»

вдруг начала проявлять какое-то беспокойство при всяком приближении к ней какого-нибудь члена их семьи. Она серьёзно и строго заявила, что принадлежит к высшей касте наяров, и что всякое соприкосновение с тураем оскверняет её. Когда к ней подошёл её брат, чиновник, она вдруг набросилась на него с упрёками, обвиняя его в том, что он сломал и совершенно испортил зонтик, который она ему одолжила. При этих словах он вспомнил своего друга-наяра, который застрелился вследствие несчастной любовной связи с замужней женщиной своей же касты. С тех пор прошло почти девять лет; случай с зонтиком произошёл, таким образом, в то далёкое время, когда девочка ещё не умела говорить. И несмотря на то, что эта история ей ни в коем случае не могла быть известна, она рассказывала чиновнику такие вещи, о которых знали лишь он да его покойный друг. Приглашённый заклинатель духов в несколько дней вылечил её от одержимости. Оправившись от пережитой болезни, она рассказала следующее: накануне того дня, когда с ней случился припадок, она рвала цветы на могиле, расположенной на земле покойника. Вдруг на мосту, около которого она находилась, послышался шум, похожий на стук палки. Стук повторился несколько раз, но она никак не могла узнать, откуда он исходит; тогда она, страшно испугавшись, побежала домой. Ничего не подозревая, она случайно очутилась на том месте, где покончил с собою наяр. На следующий день ею овладело безумие, которое затем сообщилось её младшей сестре; но и последнюю вылечили с помощью всевозможных заклинаний.

Описанный нами случай приключился с одиннадцатилетней сестрой индийского чиновника, т. е. с девочкой, которая, по условиям индийской жизни, считается вполне зрелой. Любовная связь, о которой девушка, несомненно, слышала, отложилась где-то глубоко в её сознании, и, когда наступил подходящий момент, она с силою прорвалась наружу. Поводом к этому послужил тот факт, что она находилась на месте самоубийства; этого не могла не почувствовать её возбуждённая психика. Далее, что касается её осведомлённости относительно всевозможных фактов, сопровождавших это самоубийство, то это не что иное, как ясновидящее проникновение в воспоминательный материал, сохранённый в мозгу её брата; ведь кроме того, что знал её брат, она ничего нового сообщить не могла. Что касается стука, который раздавался с моста и который, вероятно, похож был на выстрел, лишивший покойника жизни, то он является результатом того, что девушку преследовали какие-то привидения; последнее и неудивительно, так как она находилась не только в сексуальном, но и в магическом возбуждении. Вообще, одержимость очень часто сопровождается появлением всевозможных призраков.

«Мы имеем дело с раздвоением личности, как при одержимости, так и во всех тех случаях, когда человека преследуют привидения. Но в то время как при одержимости раздвоенное “я” выходит из недр самой личности, магически и болезненно настроенной, оно при привидениях совершенно теряет характер определённой личности и действует как некая бессознательная, безличная сила. Получается, словно магическое болезненное “я” отрывается и совершает свои действия где-то вдали, на стороне, в то время как нормальный, здоровый человек спит или, в лучшем случае, занят делами обыденной жизни. В глубочайшей же основе человеческого существа эта извращённая, злая, мстительная воля, терзающая человека, является единственным корнем этого

болезненного состояния. Привидения действуют сильнейшим образом на людей; последние могут противопоставить им лишь силу своего трезвого, здорового разума»¹.

Лейтмотив, который господствует в труде Кернера «Одержимые нового времени» (*«Die Besessenen neuerer Zeit»*), явственно раздаётся и со страниц другого произведения того же автора, «Одержимые новейшего времени» (*«Die Besessenen neuester Zeit»*). Везде слышна одна жалоба: духи ведут себя самым бесстыдным образом, держат самые отвратительные речи, «несут с собой безбожие и скверну»². Современная вера в духов, возведённая в 1848 году в Америке на степень научного понятия «спиритизм», нисколько не изменила фактической стороны дела. «Милые покойники» современности отличаются тем же плотским мирозерцанием, что и бесчисленные демоны античного мира и бесы средневековья. Нечего тут оправдываться различными кобольдами и злыми духами, никакие уловки не в состоянии устранить этого факта. Ведь эти кобольды суть не что иное, как другое обозначение всего того, что служит поруганием всего святого в человеке и осквернением всякой непорочности и целомудрия. Вера в духов, распространённая в наше время, волей-неволей должна была примириться с этими печальными фактами, так как духи всё же являются порождением человеческой фантазии. Это — образы, вышедшие из глубины внутреннего, духовного мира человека; в удобные моменты, в бреду и в трансе, они всецело овладевают человеком и превращают его в игрушку. Укротить эти образы может лишь тот человек, который, подобно художнику, в состоянии превратить их в образчики красоты и мудрости. Обуздание темперамента — вот залог успеха этого дела. Приобрести подобную власть над собою — значит стать жрецом. Жрецом в том смысле, в каком мы понимаем это слово, т. е. в смысле посредника между вечным и временным в человеке и во вселенной.

¹ Perty. *Mystische Erscheinungen der menschlichen Natur*. Leipzig, 1872.

² Peebles, J. M. *Spirits Obsessions*.

КУЛЬТ ПОЛА

Древнейший из всех культов – Живительная сила детородных органов – Фетишизм – Знак жизни – Фаллизм – «Мужское» и «женское» – Родственные сексуальные символы – Индийский пулляр – Посвящения девадаси в храме Травискара – Почитание лингама – Индийский рай – Турецкий «святой» – Жертвы девственности в Индии – Право первой ночи у жрецов – Праздник в Малабаре – Тайные оргии секты шактистов – Праздник Луны – Дуарте Барбоза на религиозные обряде лишения девственности в Южном Декане – Чжинчан, буддийские и даосские священники – Секта махараджей – Гопи, пастушки Кришны – Японские божественные гермафродиты – Творение Земли в японской мифологии – Японский культ секса – Японский праздник весны – Обнажение как способ защиты – Китайский Минь – Фаллические мистерии Египта – Чествование Осириса – Почитание Хатхор – Мендесский козёл, символ плодородия – Дионисии – Легенда о происхождении фаллические обрядов на празднествах Диониса – Таргелии – Лампсак и культ Приапа – Фаллический элемент в Элевсинских мистериях – Мистерии в честь Венеры – Лернейские мистерии – Сосиполис, Божественное дитя – Бракосочетание богов – Орфизм – Оккультные основы греческой педерастии – Родственные обычаи австралийских окилии – Юношеские гимназии на Тире – Любовь к мальчикам как религиозный акт – Сексуальные боги Рима – Луперкалии – Либер и Либера – Возложение венков на Фаллос – Вакханалия – Мистерии в честь Вона Деа – Петроний о культе Приапа – Почитание Кибелы – Культ Астарты и Милитты – Ассирийские «девичьи горницы» – Африканские убежища любви – Половой акт как религиозный обряд – Фаллосы в Иераполе – Адонис и финикийская Венера – Почитание Фаммуза у евреев – Бельфегор – Фаллический культ в Мексике – Чествование мексиканской Флоры – Праздник плодородия у индейцев-моки – Уицилопочтли, обновитель мира – Сексуальные жертвоприношения майя – Союз эрриоев – Жестокие акты самоотречения – [Австралийская церемония «бора»] – [Обряд посвящения в мужчины] – [Следы фаллического культа в абиссинцев] – [Корона Каффы] – [Почитание Фаллоса] – [Эротические культовые пляски у каффичо] – Культ Фаллоса в Конго – «Древо жизни» в Дагомее – Священные торжества друидов – Фрейр и Фрейя – Фрейр торжествующий – «Госпожа Фрейр» – Культ Нертуса – Почитание материнства среди немцев – Культ Приапа в Антверпене – Потримпс, бог плодородия у балтийских славян – Почитание Укко у финнов – Культ пола в христианской церкви – Почитание Венеры в Римской империи до VII в. н.э. – Аль-Хабар, Великая – Друзы Ливана – Культ Ктеис у назареев – Святой Футен как преемник Приапа – Андрогинные святые – «Меч Ролана» – Гроб святого, дарующего плодовитость – Присяга на Фаллосе – Фашина – Культ пола и протестантизм – Демоны растительности – Возвращение к старым богам – Мера естественности – За постижением следует понимание.

¹ Пункты развёрнутого содержания, заключённые в квадратные скобки, отсутствуют в русском переводе (включая данное издание), но, по всей видимости, имелись в оригинале.

Церемония «бора» — в Восточной Австралии — посвящение мальчиков в тайны племени. *Прим. ред.*

² *Каффа* — одна из наименее изученных областей Эфиопии, расположенная в юго-западной её части, родина кофе. *Каффичо* — один из населяющих её народов из группы сидамо.

Подробнее с историей и культурой каффичо можно ознакомиться, например, здесь:

Бибер Отто. Таинственная Кафа. — М.: Издательство Восточной литературы, 1961. — с.146. — <http://historic.ru/books/item/foo/soo/zoo00081/index.shtml>. *Прим. ред.*

Культ пола — древнейший из всех культов. Ошибочно полагают некоторые исследователи, будто он представляет собой выродившуюся форму мирозерцания, отличавшегося первоначально глубокой чистотой и непорочностью. Иные думают, что он явился в результате наивного представления о том дуализме, которым проникнут процесс воспроизведения — но и это неправильно. Культ пола вырос на почве элементарного, простого наблюдения над органами деторождения, обладающими могучей, дарующей жизнь силою. Жить значит воспроизводить. И если культ пола не остановился в своём развитии на грубом фетишизме и выработал более высокие формы, то причину этого является глубокая прозорливость человеческого духа, который за материальной оболочкой всегда найдёт духовное содержание. Это именно духовное содержание, обозначаемое различными именами, остаётся всегда одним и тем же, подобно символу, который среди всевозможных превратностей остаётся неизменным. Последний есть знак жизни, первое — сама жизнь.

Культ пола, именуемый обыкновенно фаллизмом, имеет два совершенно различных, но вместе с тем неразрывно связанных между собою объекта поклонения. По этому поводу Бакли¹ говорит: «Подобно тому, как слово “*Man*” (“человек”) служит обозначением для всего человечества, т. е. для мужчины и для женщины, точно так же и “фаллизм”, или, вернее, “фаллоктенизм”, означает культ Фаллоса и Ктеис. Этот дуализм сказывается у всех народов в противопоставлении упомянутых двух принципов: в Индии — Лингама и Йони, в Сирии — Массебы и Ашеры, в Греции — Фаллоса и Ктеис, в Египте — Креста и Кольца, объединённых в *cruх ansata*, в Китае — Ян и Инь, как это можно видеть на корейских гербах, и, наконец, в Японии — Ёсеки и Нисеки. Тот же дуализм поражает нас и в других предметах поклонения, которые сильнее приближаются к образу человека; они изображаются в виде половых органов мужчины и женщины. Индусы ставят Кали рядом с Шивой: их символами являются преимущественно Фаллос и Ктеис. Минакши — местное мадурское божество, аналогичное Кали — уносится каждую ночь разделить ложе с Сундарешварой... В Сирии мы видим Астарту вместе с Ваалом, в Египте — Исиду и Осириса, в Северной Европе — Фрейю и Фрейра; каждое из этих божеств пользуется исключительным почитанием; вместе с тем оно оказывает губительное влияние на нравственные устои народа. Некоторые учёные указывали на почитание Девы Марии как на последний пример подобной тенденции. Дуализм в процессе воспроизведения представляется до того необходимым, что там, где нет соответствующего божества женского рода, женскими чертами наделяется какой-нибудь мужчина, что мы видим на примере Кецалькоатля, бога плодородия у ацтеков. То же самое мы встречаем в Японии:

¹ Phallicism in Japan.

Ками мусуби-но ками — “божественный родитель”, а Таками мусуби-но ками — “божественная родительница”, или Идзанаги — “мужчина, который зазывает”, и Идзанами — “женщина, которая зазывает”. Тамошние христиане отождествляют их с Адамом и Евой — и вполне правильно; дело в том, что обе эти пары относятся к фаллической мифологии, хотя они впоследствии сильно отличались друг от друга по своей религиозной ценности вследствие дальнейшего развития нравственного учения».

Индийцы придавали особенное значение символу плодородия, который представлял собою соединение органов обоих полов. Подобное соединение, которое встречается в религиозном культе не одной только Индии, но и многих других стран, называется обыкновенно пуллеяром. Пуллеяр употребляется большею частью в качестве амулета.

В храме Травискара, посвящённом Шиве, находится гранитный пьедестал; колонна этого пьедестала украшена чашей, в центре которой возвышается лингам длиной в 3 фута. Чаша с длинным разрезом посередине изображает половые органы женщины. На этом священном камне жрецы посвящают девадаси, танцовщиц бога, в мистерии любви. Танцовщицы, которые участвуют в этом культе, являются вместе с тем и жрицами. В полдень жрицы украшают священный лингам гирляндами и сандаловым деревом. Затем они принимают ванну, готовясь к предстоящему богослужению. В культе змей жрецов заменяют женщины. Они носят лингам, окружённый двумя змеями, к берегу реки. Там они купаются, умывают идола и сжигают дерево, заранее предназначенное для жертвоприношения. Затем они молятся, просят о богатствах, многочисленном потомстве и продолжительной жизни для своих мужей. Всякий почитатель Шивы обязан ежедневно засвидетельствовать своё благоговение перед лингамом, возливая на него молоко. Оно тщательно сохраняется; его дают обыкновенно умирающему, чтобы он взошёл на Кайлас, т. е. в индийский рай.

Жрецы народа каннара, совершенно голые, расхаживают по улицам, звеня в бубенчики. По этому знаку все женщины должны выйти навстречу жрецам и целовать их половые органы в знак почтения Шиве.

Аналогичные явления можно наблюдать ещё в настоящее время в Турции. Один миссионер рассказывал Крауссу, что был свидетелем такого события: «святой» встретился со знатной турчанкой, разъезжавшей верхом; он велел ей сойти с лошади и совокупиться с ним. Турчанка согласилась сделать это в присутствии многочисленной посторонней публики; затем она, счастливая, снова уселась в седло и поехала.

Бесплодные индианки касаются своими половыми органами конца священного лингама, чтобы стать способными к деторождению. В окрестностях Пандияра новобрачная обыкновенно приносит свою девственность в жертву божеству. То же самое происходит и в землях каннара, и в окрестностях Гоа. В некоторых частях Индии жрецы исполняют обязанности богов. Калькуттский король оставляет первосвященнику своего государства на первую ночь ту девушку, на которой он хочет жениться; за эту услугу король выплачивает ему крупную сумму денег.

В Джаггернауте во время восьмидневных торжеств в честь Вишну жрецы уводят в храм девушку, чтобы ночью она сошлась с богом и расспросила его о предстоящей засухе

или урожае. Тот факт, что она отдаётся богу, должен, по их мнению, расположить его в их пользу¹.

Кемпфер сообщает о таком же празднике в Южном Малабаре. Богу плодородия посвящаются там девушки, которые удовлетворяют его ангелов, боги дают за это богатый урожай. В сопровождении брахманов они выводятся из храма перед лицом многочисленных зрителей. Их лица прекрасны, скромны и, как говорит Кемпфер, не носят на себе никаких признаков безумия. Пока жрец читает различные изречения из Вед, девушки начинают передвигаться, танцевать и прыгать; они сверкают глазами и принимают при этом самые отвратительные позы. Народ полагает, что всё это они проделывают под влиянием какой-то демонической силы, проникшей в их душу. Тут же играет весёлая музыка, в которой принимает участие и народ. Наконец, девушки устают, и брахманы уводят их в храм отдохнуть. Отдохнувши и придя в себя, девушки снова выходят к народу, который их восторженно встречает; толпа полагает, что демон оставил их и бог окончательно умиловлен².

Кемпфер прибавляет, что девушки приходят в неистовство благодаря какому-то снадобью, которое употребляют при этом жрецы. Вполне возможно, что помимо музыки здесь применяется какое-нибудь средство, вызывающее эротическую экзальтацию; но важнее всего в данном случае вера самих девушек в то, что ими овладел демон.

Лямер³ приводит обычай одной индийской секты, которая в своих тайных оргиях почитает Шакти (Шакти — это чувственное проявление Шивы в образе женщины). Жена кого-либо из присутствующих представляет собою Шакти. Обнажённую, кладут её на алтарь, и один из участников путём совокупления с нею совершает установленную жертву. Церемония кончается тем, что все мужчины оплодотворяют женщин, причём каждая пара олицетворяет собою Шиву и Шакти. Верующий должен совершить этот акт, возносясь своими мыслями к божеству и не стремясь к удовлетворению собственной чувственной страсти. Догматы этой секты представляют собою возвышенную, чуть ли не аскетическую мораль.

У каулов (секта, почитающая Шакти) мы встречаем такой обычай. Во время богослужения каждая женщина должна бросить какую-нибудь безделушку в ящик, который хранится у священнослужителя. По окончании религиозного торжества эти безделушки раздаются мужчинам. Когда дело доходит до сексуальных обрядов, каждая женщина отдаётся тому мужчине, который получил брошенную ею в ящик вещицу⁴, даже будь она его родной сестрой.

Подобные празднества любви сохранились в Индии до настоящего времени. В «*Revue Indo-Chinoise*» Леклерк описывает «Праздник Луны», на котором он сам присутствовал. Запрещённое ещё 200 лет тому назад, это торжество справляется ежегодно в октябрьское новолуние. По понятиям китайцев, луна является олицетворением женской природы; находясь на далёком востоке, она представляет собой богиню плодородия. В день праздника женщины пекут пироги из бананов, которые

¹ Dulaure, a. a. O., S. 45-48, 50. Anm. 23 u. S. 80.

² Amoenitalum exolicarum politico-physicomedicarum fasciculi V. Lermgoviae, 1712.

³ Le Kama-Soutra. Regies de Vatsyayana, Introduction.

⁴ Bloch, a. a., N. S. 117-118.

они украшают цветами и кладут ночью на пороги домов. Около них устанавливаются маленькие бамбуковые тумбочки с курительными свечками, которые зажигаются в момент высшего стояния луны. Вместе с тем раздаётся песня «пра»; это — своего рода приветствие луне. Затем начинаются танцы, истинный смысл которых трудно угадать. В заключение молодёжь расходится парочками, чтобы принести жертву богине плодородия.

У индийцев существовала также жертва половых первенцев. Дуарте Барбоза присутствовал в Южном Декане при обряде лишения девственности десятилетних девушек, которые сообразно местным условиям являются в сексуальном отношении вполне зрелыми. К более позднему времени относятся сообщения Яна Гюйгена ван Линсхотена и Каспара Бальби относительно одного обряда, очень распространённого среди жителей Гоа. Там обыкновенно уводят невесту в храм и в её влагалище вводят мужской член, сделанный из железа или слоновой кости; естественно, девственная плева при этом разрывается. Или её заставляют коснуться своими половыми органами члена идола, расположенного в 18 милях от Гоа. Сущность этой жертвы прекрасно выяснена В. Шульцем в его труде «Путешествие по Ост-Индии» («*Ost-Indische Reise*»).

Там он говорит: «С помощью этого Приапа девушка в присутствии многочисленных друзей и родственников насильно лишается девственности. Жених несказанно рад тому, что мерзкое и проклятое божество оказало ему эту честь; он надеется, что подобное благоволение к нему божества принесёт ему семейное счастье.

В Камбодже обряд лишения девственности совершался буддийскими и даосскими священниками. К этим девушкам они отправлялись в носилках. У каждой девушки была свечка с маленьким значком на ней. Половой акт должен быть совершен до того, как свечки успевали выгореть до нанесённой отметки»².

Глава секты махараджей претендовал на самый неограниченный доступ к жёнам верующих; право же лишения девственности принадлежало исключительно ему. В акте совокупления женщин со жрецом секта видела знак величайшего почитания божества; это, по их мнению, было достойным подражанием «пастушкам», этим любимицам бога Кришны. Кроме того, жрец за свою деятельность получал во имя божества богатые подарки³.

Рядом с жертвой первенцев мы встречаем в Индии и половую жертву, существовавшую там довольно продолжительное время. Во всяком более или менее значительном индусском храме мы видим многочисленных нач, т. е. танцовщиц, которые пользуются глубоким уважением наряду со всем персоналом храма. «Эти жрицы, посвятившие себя ещё с детства служению божеству, должны отдаваться всем и каждому уже в силу одного только официального положения своего. Подобное занятие вовсе не считается позорным. Совсем напротив. Весьма богатые семьи считают для себя большой честью иметь среди своих дочерей жрицу. В одном Мадрасе насчитывается до 1 200 таких храмовых проституток»⁴.

¹ Bloch, a. a., N. S. 117-118.

² Abel Remusat. Nouveaux Melanges Asiatiques.

³ Karsandas Mulji. History of the Sect of Maharajas.

⁴ Ploss-Bartels. Das Weib in der Natur- und Völkerkunde, I.

Библиотечка «Апокрифа»

«Японские синтоистские божества, подобно древнегреческим, большей частью гермафродиты; они сами в состоянии себя удовлетворить или в случае нужды могут разбиться на два совершенно отдельных существа — мужское и женское... Одна японская космогония говорит, что из мирового яйца вышел дух земли; он является существом, наделённым двумя противоположными характерами; один из них является представителем мужского, а другой — женского элемента. Идзанаги, бог-творец Японии, выудил землю из бушующих волн моря с помощью своей небесной пики, усеянной драгоценными камнями. Эта пика называется Амэ-но Тама-боко. Согласно толкованию синтоистского теолога Хиреты (1776-1843), эта пика является изображением Фаллоса, верхушка которого украшена драгоценными камнями. И немецкий народ пользуется пикой для изображения мужского члена. Обходя высокое изображение Фаллоса, Идзанаги и Идзанами сходятся вместе и при сладострастных криках совершают акт зачатия»¹.

В Японии культ секса пользуется большим почётом ещё и в настоящее время. Помимо многочисленных храмов, в которых находятся только символы Фаллоса и Ктеис, мы видим фаллические знаки на больших дорогах, прорезывающих страну.

«В Японии существует обычай, в силу которого приносятся в жертву то Фаллос, то Ктеис, сообразно тому, желательна ли в данном случае приобрести жениха и сына или невесту и дочь. Этот обычай, подобно всем прочим видам колдовства, кроет в основе своей ту мысль, что внешнее сходство с каким-нибудь объектом даст человеку власть над самим объектом»².

В своём эскизе Бакли сообщает: «Каждый японский храм помимо всех больших национальных праздников справляет праздник в честь того божества, которому данный храм посвящён. В 1892 году я по случаю одного праздника посетил святые места в Кондо; этот праздник справляется 18 числа третьего месяца (старого стиля). Он наступает за день до праздника перед фаллической скинией в Мориока и, вероятно, совпадает с весенним праздником всех народов. Праздник этот ничем не отличается от других. Синтоистский священник, пришедший на это торжество из далёких стран, возложил на алтарь обычные приношения: рис, пирог и фрукты. Мужчины, женщины и дети, возложив свои небогатые дары, после короткой молитвы возвращались по домам... Поведение их вполне безупречно, ибо целью этого паломничества является половое здоровье и умножение семьи». Дрессер даёт объяснения по поводу одной не вполне понятной фаллической процессии. «В одной деревне (по дороге из Токио в Никко), куда мы случайно попали, совершалось грандиозное синтоистское богослужение. Тысячи людей смеялись, кричали и следовали за огромной повозкой, похожей на индийскую колесницу Джаггернаута. На этой колеснице находится платформа, обнесённая низким бруствером; по самой середине её возвышается длинная (в 30-40 футов) мачта, верхушка которой украшена бумажками, символизирующими религию синто; в нижней же части мачты расположен шалаш из белой или красной материи. На платформе сидят музыканты; своими гонгами и свистками они оглашают пространство страшнейшей музыкой; тут же комедиант показывает свои

¹ Krauss, a. a. O., 16, 18-19.

² Buckley, a. a. O.

отвратительные фокусы. Я уверен, что палка, находящаяся в руках этого комедианта, должна изображать собою Фаллос.

Очень возможно, что это торжество является пережитком чисто фаллического праздника. Перед нами все признаки полового символизма, который нам сейчас представляется столь чуждым. Праздник этот справляется во дворе одного буддийского¹ храма, который, по всей вероятности, ещё в давние времена перешёл этот грубый ритуал и впоследствии смягчил его. Молодые люди обоего пола в тихий августовский вечер сходятся во дворе храма Хиёси-тайся, расположенного в лесу по пути к горе Хиэй. Там они проводят всю ночь в сплошных танцах; образуя смешанные ряды, они с силою прокладывают себе путь сквозь толпу стариков, окружающую их. При этом они распевают своеобразную песнь. В начале этой песни выражается сочувствие знаменитому преступнику Горобэю, стоящему перед лицом своего грозного судьи; кончается же эта песнь эротическими излияниями молодой женщины. Символизм её заключается в следующих словах: “Из каких слов составить мне любовное письмо? Из таких, которые относятся к птицам, рыбам или овощам? Да, да, я торгую овощами, а потому буду писать их названия”. После многочисленных метафор и игры слов она заканчивает: “Не хотите ли вкусить первый длинный боб? Если нет, то не хотите ли взломать безволосый персик? О, скоро! Я страстно хочу отдаться тебе!”

В Японии воздвигали Фаллос ещё для того, чтобы устранить от себя всякие дурные влияния. Если под рукой нет фаллических божеств, которые могли бы разогнать злых духов, тогда обнажают половые органы или зад. Иногда просто рисуют эти знаки на воротах дома.

Вообще обнажать свои половые органы считалось у многих народов вернейшим средством вспугнуть демонов. Точно так же поступил и Мартин Лютер. Желая прогнать Дьявола, искушавшего его целую ночь, он показал ему зад.

В Китае изгоняют домового при помощи изображений мужского и женского принципа — Ян и Инь. Их приклеивают обыкновенно к входным дверям»².

Бездетные китайки отправляются в храм Минь и там касаются живота или, вернее, полового органа медного идола. Это, по их мнению, должно доставить им лёгкие роды³.

В Египте совершались мистерии, специально посвящённые культу Фаллоса. Диодор Сицилийский сообщает, что люди, посвятившие себя жречеству, должны были предварительно принять участие в этих мистериях⁴.

Во время праздников в честь Исиды жрецы носили с собою мистические хлебные веялки, которые были наполнены зёрнами и отрубями. Жрецы Осириса имели всегда при себе священный Тау-крест, или ключик, который отпирал лучшие замки. Этот крест является изображением мужского органа, а веялка — женского. Сюда присоединяли обыкновенно глаз с бровями или без бровей; он должен был изображать собою отношения обоих полов друг к другу⁵.

¹ На самом деле синтоистского. *Прим. ред.*

² Krauss, a. a. O., 27.

³ Dulaure, a. a. O., 49.

⁴ Dulaure, a. a. O., 32.

⁵ Dufour, a. a. O.

Библиотечка «Апокрифа»

Во время праздников в честь Осириса двенадцать жрецов выступали вперёд с роскошными носилками на плечах. На носилках был разостлан ковёр, усеянный пышными цветами лотоса. Посередине возвышалось изображение Осириса с кнутом и высоким Фаллосом в руках. То же самое происходило и в Гермонтисе, Карнаке и других местах Египта. По поводу фаллических празднеств в Египте Геродот замечает: «Они справляют праздник в честь Вакха совершенно так же, как и греки; но вместо Фаллоса они употребляют фигурки вышиною в 1½ фута, которые приводятся в движение с помощью особых шнурков. Деревенские бабы моют эти фигурки; впереди их выступает флейтист. Они следуют за ним и распевают песни в честь Вакха»¹.

Египетскую Хатхор чествовали с помощью полового акта. На её празднества стекались огромные толпы народа².

Если апиев бык погибает, то египетские жрецы всячески хлопочут о подыскании ему преемника. Когда последний найден, его отводят в Никополис после всевозможных церемоний. В этом городе женщины имели право в течение 14 дней осматривать нового бога. По словам Диодора Сицилийского, женщины обнажали перед ним свои половые органы. Смысл этой церемонии заключается в том, что бог должен был даровать им плодовитость. То же самое и с той же целью проделывали египетские женщины перед изображением Приапа; в своём религиозном фанатизме они иногда заходили ещё дальше.

Женщины также отдавались и мендесскому козлу. Делалось это с той целью, чтобы рассеять колдовство, обрётшее их на бесплодие³.

Торжества в честь Диониса, Цереры и других божеств ясно указывают на наличие фаллического элемента и в греческом культе. Празднества в честь Диониса продолжались обыкновенно три дня. Четырнадцать жриц, избранных архонтом-базилевсом, появлялись перед народом под предводительством его жены. Первоначально празднества эти протекали без особенной пышности. Плутарх говорит: «Празднества в честь Диониса отличались в прежние времена необычайной простотой и жизнерадостностью. Во главе шествия находились обыкновенно двое мужчин. Один из них нёс кувшин вина, а другой — виноградную лозу. Третий вёл за собою быка, а четвёртый нёс корзину, наполненную финиками; шествие замыкалось грандиозным изображением Фаллоса... Теперь уже не видать этой счастливой простоты». В позднейшие времена шествие открывалось вакханками, которые имели в своих руках сосуды, наполненные водой. За ними следовали молодые девушки, отличавшиеся чистотой нравов и благородством своего происхождения; они несли золочёные корзинки, в которых рядом с первыми плодами находились и разукрашенные змеи, цветы, некоторые мистические предметы, как кунжут, соль, мак, а также Фаллос, роскошно убранный цветами. За этой толпой следовали девушки-фаллофоры. Их лица были покрыты красивыми гирляндами из тимьяна и аканта, головы же их были украшены густым венком из фиалок. На них были длинные плащи и платья авгуров; в руках они держали длинные палки, на концах которых находился Фаллос. Далее шёл хор музыкантов, игравший различные пьесы, относящиеся к данному торжеству. Во время пауз они выкрикивали: *Evoe Bacche! io Bacche, io Bacche!* К этому хору

¹ Dulaure, a. a. O., 32-33.

² Svoboda, a. a. O., II, 130.

³ Dulaure, a. a. O., 27, 29.

примыкали Итифаллосы. По данным Гезихия, они были одеты в женские платья. Атений сообщает, что они выступали с венками на голове, в расцвеченных перчатках и в белой тунике. Своими манерами они подражали пьяницам, при этом они распевали всякие фаллические мотивы. За ними несли разнообразные мистические и священные вещи. Вдруг среди этого блестящего шествия появлялись иногда вакханки и сатиры. С тигровой шкурой на плечах, полуобнажённые, с распущенными волосами, вакханки выступали вперёд, неся в своих руках пылающие факелы и тирсы. В экстатическом порыве они металась в разные стороны, кричали «*ειοε*» и избивали окружающих жителей. Всё это сопровождалось фаллическими танцами, в которых главную роль играли сладострастные телодвижения. Сатиры водили за собою жертвенных быков, украшенных цветами; за ними верхом на осле выезжал полуобнажённый Силен, воспитатель и кормилец Вакха. Древний врач Аретей рассказывает, что сладострастная возбуждённость у сатиров проявлялась в отчётливой, заметной для всех форме; продолжительность этой страсти являлась милостью неба¹. Этот внешний видимый знак был, конечно, искусственный Фаллос, а не естественный, как думает Аретей.

Во всяком случае, сатиры позволяли себе такие вольности, которые были запрещены другим людям. Феодорит утверждает: «Самый грязный, похотливый человек не позволит себе совершить, даже в четырёх стенах своей комнаты, те гнусные мерзости, которые совершает хор сатиров во время публичных шествий».

Чествования Фаллоса происходили и в так называемые Таргелии; это были торжества, устраиваемые в честь Аполлона и Дианы. Они вылились в особый культ у жителей Лампсака. Там Фаллос назывался Приапом. Культ Приапа был распространён во многих греческих городах; всюду можно было видеть его изображение в виде колонки с человеческой головой и мужским членом небольших размеров. Торжества, устраиваемые в честь Приапа, отличались особенной пышностью. Его называли Искупителем мира. Ему приносили в жертву ослов, цветы, фрукты, мёд, молоко и вино.

Фаллос, а по-видимому, и Ктеис, играли очень важную роль в Элевсинских мистериях. По этому поводу мы читаем у Тертуллиана²: «Всё, что в мистериях было наиболее священного, всё, что вызывало самое горячее преклонение со стороны служителей, это изображение половых органов мужчины». А Феодорит прибавляет, что в тайных элевсинских оргиях оказывали знаки почтения и женским половым органам³.

В малых элевсинских мистериях представлялась обыкновенно история похищения Прозерпины. Здесь мы видим также Цереру, пустившуюся на поиски похищенной дочери. Вот перед нами Юпитер, который заставляет Цереру отдаться ему; вот он налагает на себя кару, чтобы умиловить разгневанную богиню; далее идёт рождение Прозерпины; её соблазняет отец под видом змея. В заключение — похищение Прозерпины Плутоном и жалоба Цереры, которая, согласно преданию, знакомит афинян с мистериями.

В мистериях в честь Венеры изображается акт оскопления Сатурна. В культе Юпитера мы встречаемся с таким обрядом: человек, который посвящается в тайны мистерии, пропускает себе за пазуху золотую змею, проходящую другим концом до

¹ Arctcus, lib. 2. Auctorum cap. 12.

² Tertullian. Adversus Valentianos. Terulliani Opera pag. 850.

³ Theodoretus. Petrus Castellanus, a. a. O. (Antwerpen. Ausgabe des Hieronymus Verduss), 8. 143-144.

самого низу. Эта змея, по-видимому, не лишена была определённого сексуального значения. Арнобий, человек прекрасно знакомый с этим обрядом, говорит следующее: «Для каждого, даже непосвящённого человека ясно, какова цель обряда, сколько бесстыдства заключается в подобных мистериях».

Культ Фемиды олицетворялся следующими символами: светильник, меч и женский гребень. По мнению Клементия Александрийского, эти предметы изображают половые органы женщины¹. В лернейских мистериях особым почётом пользовался культ Диониса, представленного в виде Фаллоса².

В Афинах, Коринфе, на острове Хиос и в других местах существовала секта баптов, которая устраивала мистерии в честь местной богини Коттито, родственной Венере. При этом предавались различным излишества, чтобы снискать милость богини. В Элиде особым почитанием пользовался Сосиполис, «Спаситель мира», это «божественное дитя», которое до рождения появилось в образе змеи. Змея же является «символом жизни»; она — физический знак, необходимый атрибут божественного творца мира и жизни³.

Греки праздновали также бракосочетание своих богов. Ритуал этот совершался только избранными жрецами и чиновниками; он облакался в глубокую тайну. Но Петерсен замечает, что «мистические обряды, совершаемые на обыкновенных свадьбах, выступают здесь с особенной отчётливостью. В начале года, в месяце Гамелион (наш январь) происходит первая свадьба — Урана и Геи. В конце этого месяца — свадьба Зевса и Геры. Далее шло бракосочетание Зевса и Деметры, Зевса и Кору, Гадеса и Кору или Персефоны, Диониса и Ариадны, Диониса и Кору и т. д. Единственная священная свадьба, о которой мы имеем достоверные сведения, это бракосочетание Диониса с женой архонта-базилевса. Неизвестно только, какую роль играет в данном случае жена архонта: является ли она Корой, Ариадной или символическим обозначением Афин. Но мы могли уловить лишь общий смысл этого обряда, так как он совершался в глубокой тайне»⁴.

Распространение христианства явилось опасной угрозой культу Фаллоса и Приапа. Тем не менее, христианству не удалось искоренить его окончательно. Среди орфиков, например, объявилась секта, поклонявшаяся Фаллосу⁵. Орфики — это мистическая секта, которая в центре своей пантеистической теогонии ставила культ Диониса; они налагали на себя обет строгой, воздержной жизни, которая включала в себя и самобичевания. Однако некоторые мистерии орфиков не лишены некоего оргиастического элемента⁶.

Бете, разбирая вопрос о любви греков к мальчикам, приводит соображения оккультного характера; по его мнению⁷, греки предпочитали эту любовь, руководствуясь такой мыслью: только этот акт в состоянии перенести добродетели любящего человека на возлюбленного. По древнегреческому воззрению, подобное перенесение может быть совершено только физическим путём, например, путём ввода семени, которое содержит в

¹ Über alte und neue Mysterien. Berlin, 1872. S. 109, 44, 42.

² Svoboda, a. a. O., I, 263.

³ Lajard, a. a. O., 90, 65.

⁴ Petersen. Der geheime Gottesdienst bei den Griechen. Hamburg, 1848. S. 14,

⁵ Dulaure, a. a. O., 60.

⁶ Petersen, a. a. O., 24, 26.

⁷ Die dorische Knabenliebe (Rheinisches Museum für Philologie).

себе, по крайней мере, некоторую долю человеческой души. Следует поэтому предположить, что это были гомосексуальные акты, напоминающие собою акт совокупления. Благодаря этому метафизическому обоснованию греки, вероятно, иначе смотрели на гомосексуализм, чем односторонняя «*pruderie*» позднейших веков.

Почти подобными мотивами руководствовался центральноавстралийский народ окилия, устанавливая у себя обряд обрезания. У мальчика срезают обыкновенно крайнюю плоть и передают её брату его. Тот растирает её различными жировыми веществами и отдаёт младшему брату своему, который должен её съесть. Идея, лежащая в основе этого обряда, сводится к тому, что мальчик, съев крайнюю плоть, становится здоровым, сильным юношей¹.

Мнение Бете подтверждается данными, приводимыми Лихтом². На греческом острове Тира, который раньше назывался *Καλλιστος* — прекраснейший, были найдены вблизи храма Аполлона Карнейского камни с надписями, из которых видно, что в этом месте совершались акты физического перенесения добродетелей любимого человека на возлюбленного. *Corpus inscriptionum Graecarum*, в XII книге, под №№ 536-601 и в приложении под №№ 1410-1493 приводит целый ряд подобных надписей. Вот первая из них:

*Φειδιππίδας ωφε. Τιμαγόρας και Ένφέρης και εγωωφομες.
Ένπυλος τάδε-πόρνος.
Ένπεδοκλής ενεκόπητο τάδε κωρφείτο μά τον Απόλλω.*

Итак: *Phidippidas futuit. Timagoras et Enpheres et ego futuimus. Enpylus haec (hic!)...
Πόρνοσ* — позднейшее обозначение нравственно развращённого человека.

Enpedoeies fututus est hic et saltavit pro Apollinem.

Судя по этим надписям, мы можем с полной достоверностью утверждать, что первый подобный акт был совершен в честь богов; мнение Бете о метафизическом значении этого акта является поэтому вполне правильным. Очень может быть, что торжества в честь Аполлона Карнейского играли только ту роль, что давали людям возможность познакомиться с наиболее прекрасными юношами страны. Половой акт в данном случае совпадал с праздником лишь по времени, но он никакого отношения к этому празднику не имел; он также лишён был всякого оккультного значения.

Однако нет никакого сомнения, что у многих народов любовь к мальчикам приводилась в связь с религиозным культом, что видно на обозначениях: *puer sanctus*, *kinalda* и т. д. Гельвеций сообщает, что в Перу педерастия рассматривается как акт, совершаемый в честь богов. В Японии ещё и в настоящее время половое общение священника с женщиной считается делом «грязным и недостойным», тогда как любовь к мальчикам — «и достойной, и святой»³.

¹ Stall. Das Geschlechtsleben in der Volkerpsychologie. S. 526.

² Licht. Das etische Moment der sogenannten hellenisehen Liebe. Zischr. f. Sexualwissenschaft, Jahre I Heft 8. S. 491-492.

³ Doriphorus. Die Verbreitung der Päderastie in Japan, aus Krauss, a. a. O. S. 89.

Библиотечка «Апокрифа»

Особенно велико было число сексуальных богов в Древнем Риме. Конечно, не потому, что римляне отличались исключительной похотливостью, а потому, что в делах культа они были особенно мнительны. Никогда они не навязывали покорённым народам свои религиозные убеждения; часто даже римляне перенимали у них то или иное божество и возводили его на высоту государственного культа, чтобы данное племя не чувствовало себя в обиде и не восставало против римского владычества. Большинство этих божеств являлось покровителями половой жизни; сообразно с этим церемонии, устраиваемые в честь их, носили ярко выраженный сексуальный характер. Древнеиталийские сабиняне воздавали почести Флоре, богине плодородия, при помощи полового акта. Как передают Августин, Лактанций и Арнобий, невеста должна была сесть на половой орган статуи Приапа и тем самым совершить акт лишения девственности, которая приносится в жертву *Dea Perfica*, *Dea Pertunda* и *Mutunus Tutunus*. Согласно одному преданию, зачатие Окризии совершалось именно этим путём.

Бык пользовался большим почитанием также и в Риме, правда, в несколько меньшей степени, чем в Египте. По этому поводу Овидий говорит: «Римляне, огорчённые бездетностью похищенных сабинянок, удалились в священную рощу, чтобы помолиться и просить заступничества у Юноны. Оракул при этом сказал: женщины должны быть оплодотворены быком. Совет этот римляне приняли с холодным равнодушием; но этрусский маг истолковал им эти слова в том смысле, что бездетных женщин нужно бить по спине или животу ремнями из бычьей кожи. Так и было сделано во время луперкалийских празднеств. В день праздника, т. е. 23 февраля, обнажённые юноши бегали по всему городу и избивали прохожих ремнями, сделанными из бычьей кожи. Особенно же доставалось женщинам, которые охотно подставляли свои спины под удары кнута в надежде получить красивое и многочисленное потомство». Здесь Дюлар замечает: «По всему видно, что римская церемония во многом отличалась от мендесской. Бык, правда, не играл здесь главной роли, но он всё же был причастен к этому обряду. Словом, мотив тут один и тот же». То же самое можно сказать и о церемонии обрезания у масаи. В этих праздниках принимают участие и женщины, особенно бездетные. Юноши, предназначенные к обрезанию, забрасывают их экскрементами быка; женщины надеются благодаря этому приобрести способность к деторождению¹.

Культ Вакха перешёл в Рим после периода цезарей. Римляне называли Вакха *Pater Liber*, а Венеру — *Venus Libera*. Августин говорит: «Мужской половой орган пользуется почитанием в храмах *Либеры*, женский — в храмах *Либеры*... Оба бога были известны под именем отца и матери, так как они являлись покровителями акта зачатия». Фаллос римляне называли *Mutunus* или *Tutunus*; Приап — это тот же Фаллос, помещённый на каком-нибудь пограничном столбе. Обе формы являлись символами мужской силы и женской плодовитости; люди думали, что эти боги в состоянии устранить всякое вредное чародейство при свадьбах и беременности.

В праздник Либералий, 17 марта, по всему городу проезжал Фаллос огромнейших размеров. Он останавливался обыкновенно на базарной площади, куда стекались все

¹ Stoll, a. a. O., S. 510.

знатные дамы города. Первая же дама возлагала на него венок; это делалось с той целью, чтобы вымолить у него богатый урожай.

В конце марта справлялся праздник Венеры. В Греции, Сирии и Египте культ Венеры был тесным образом связан с культом Фаллоса. В день праздника все римлянки торжественным шествием направлялись к Квиринальскому холму, к храму Фаллоса. Там они брали изображение его и относили в храм Венеры, где богиня брала его к себе на колени. Точно таким же торжественным образом его относили обратно¹. Наиболее горячие поклонницы богини проявляли своё благочестие в том, что после этой церемонии уходили в баню и там вступали с мужчинами в связь, столь приятную богине².

Римские вакханалии превосходили по своей разнузданности всё то, что мы видели в греческих мистериях в честь Диониса. Первоначально торжественные церемонии происходили там при участии одних только женщин. Впоследствии сюда были допущены и мужчины. Вот тут-то начался самый настоящий, грубый, безудержный разврат. Торжества были перенесены на ночь; они происходили каждый месяц в течение пяти дней, тогда как раньше они справлялись лишь один раз в году, и то только три дня. Юноши, которые допускались на эти торжества, были не старше 20 лет. Жрецы уводили их в подземные помещения, где вступали ними в любовную связь. Отчаянный вопль, раздававшийся при этих актах изнасилования, заглушался звуком труб и игрой на цимбалах. Волна грязного разврата подхватывала и уносила с собой людей, а те спокойно плыли по ней, пользуясь густым мраком ночи. Здесь всё мешалось: возраст, пол. Всякий отдавал долг своим страстям. Чувство стыда было забыто; все формы извращённости были испробованы. Юноши должны были беспрекословно подчиниться и покорно отдаться в руки жрецов; в противном случае их ждала страшная кара: их приносили в жертву. Боясь разоблачений этих таинственных церемоний, жрецы многих убивали. При помощи особых приспособлений их быстро вздымали на воздух, а затем бросали в пропасть. Народу жрецы говорили, что их убили боги, разгневанные упорным нежеланием этих юношей подчиниться всем правилам культа. На этих вакханалиях можно было нередко встретить и людей из высших слоёв общества. Число участников было колоссально. В этих оргиях принимала участие не какая-нибудь секта или общество, а громадная толпа народа. Наконец, сенат запретил эти вакханалии. Конечно, его мало тревожили буйные эксцессы, которыми они сопровождались. Сенат скорее имел в виду устранить политическую опасность, которая была связана с подобными церемониями. Это видно из того, что мистерии в честь *Vona Dea* продолжали существовать и отличались той же разнузданностью, хотя в них принимали участие одни только женщины.

Подробную картину этих церемоний рисует нам Ювенал в своей VI сатире, конечно, не без поэтических преувеличений: «Они нам хорошо знакомы, эти тайные обряды, совершаемые в честь *Vona Dea*. Неистовые вакханки с распущенными волосами, оглушённые трубными звуками и возбуждённые вином, — они носятся в дикой пляске, взывая к помощи Приапа. Кто в состоянии описать эту безграничную похоть? Кто может себе представить эти бешеные танцы, сопровождаемые диким, безумным воем? Какие

¹ Dulaure, a. a. O., 30, 63-64.

² Svoboda, a. a. O., I 266.

потоки вина изливаются на этих торжествах? Вот София; с цветами в руках она хочет совратить даже самую низкую тварь, непотребную женщину; но Медулина далеко превзошла её. Высшая разнузданность даёт здесь высший почёт. Это не призрак; здесь всё неподдельно и реально. Их неистовство могло бы возбудить самых отживших стариков, Приапа и Нестора. Эти фурии, истерзанные своим горячим сладострастием, вопиют: «Настал момент! Подавайте нам мужчин! Разве мой возлюбленный спит? — Разбудите его. А если не разбудите, тащите рабов. Если не найдёте рабов, приведите водовоза!»»

Относительно ночных мистерий в культе Приапа сообщает нам Петроний. Он говорит, что накануне праздника в приаповы храмы стекались огромные толпы женщин. Каждая имела в своих руках большое кожаное изображение Приапа; «далее этого не позволено было видеть», — добавляет он. Кроме мёда и молока, этому божеству приносились в жертву миртовые ветки, символ счастливой любви.

Импотенты или люди, страдающие венерическими болезнями, приносили восковые или мраморные изображения детородного органа своего в надежде снова выздороветь¹.

Заимствованный в Риме культ Кибелы справлялся в Малой Азии с особенной пышностью. В день праздника, 22 марта, люди удалялись в кедровую рощу богини; выбрав наиболее красивое дерево, они обматывали его шерстяными лентами, а ветки его украшали символами культа: посохом, тимпанами, флейтами и барабанами. Всё это они красиво убирала свежими фиалками и другими весенними первоцветами. В самой середине висела фигура Аттиса, любимца Кибелы. Дерево же, на котором висела фигура, вырубали и относили в капище богини. За этим торжеством следовал период поста, траура и экстатического плача. Но 25 марта радость и ликование снова воцарялись в стране. День зримо одерживал победу над ночью, Аттис возродился к новой жизни и вернулся к Кибеле, измученной продолжительным ожиданием. Далее следовал день перерыва, а за ним — торжественное шествие. В центре его на колеснице, запряжённой быками, находилось изображение богини, а вокруг неё пёстрая ликующая толпа. Процессия направлялась по всему городу к реке; в ней купали богиню при радостных песнях всего народа.

Культе Астарты и Милитты, существовавший первоначально в Сирии и перешедший затем в Рим, среди многочисленных других жертв знал также жертву девственности. Смысл этой жертвы заключался в том, что богиня, умиловленная этим актом, должна была явиться покровительницей данной девушки в её дальнейшей брачной жизни. Только этим можно объяснить тот странный факт, что девушки охотно отдавались всем посетителям храма этой богини. Ведь в случае отказа она рискует навлечь на себя гнев богини.

Подобные жертвы существовали не только у девушек, но и у юношей². Это практиковалось не в одной только Сирии; по данным Бастиана и Нахтигаля, мы встречаем этот обряд во всей Африке. Пережитком его является «хижина красоты» — учреждение, родственное ассирийской *Суккот-Беноф* — «девичьей горнице». В этой горнице выставлялись напоказ разряженные девушки, готовые вступить в брак. Люди, желающие

¹ Mannhardt, a. a. O., S. 572-573.

² Dulaure, a. a. O., 79.

вступить с девушкой в более или менее продолжительную связь, имеют здесь возможность осуществить своё желание. Девушка приобретает здесь за определённую цену. Тайное совокупление мужчины и женщины считается в некоторых местах преступным нарушением исконных обычаев общины. Деньги, приобретаемые таким образом девушкой, считаются вполне приличным и правомерным заработком, и ни один даже самый святой ганга не побрезгует отчислить от этих денег некоторую долю в пользу храма¹.

В африканском королевстве Аюда существует своеобразный религиозный акт: основывать убежища любви и населять их иностранцами. В Африке и Малой Азии, в Полинезии и Внутренней Азии — всюду половой акт считается религиозным обрядом, который доставляет милость неба и благоволение божества. Иными словами, половой акт, с точки зрения основной цели его, рассматривается как некоторое оккультное действо. В Камуле, расположенном в Тангутской провинции, акт гостеприимства доходит до того, что при приходе гостя хозяин оставляет свой дом и возвращается лишь тогда, когда гость уже успел уйти. До своего ухода он строго-настрого приказывает своей жене, дочерям и прочим родственницам угождать во всём гостю. И этот обряд имеет исключительно религиозное значение.

Во время пребывания Кука на острове Гаити жители этого острова предложили его спутникам присутствовать при одном жертвоприношении, которое совершалось в честь любви одного юноши к 12-летней девочке².

В Иераполе Сирийском, на берегах Евфрата, около теперешнего Мембиджа, Фаллосу воздвигнуты громадные памятники. Перед главным храмом города, величайшим и священнейшим из всех сирийских храмов, были сооружены два громадных Фаллоса. По этому поводу Дюлор замечает: «Эти два Фаллоса, которые возвышаются перед храмом наподобие двух высоких башен, служили, вероятно, общепринятым образчиком тогдашней архитектуры. Башни с яйцевидными вершинами так и назывались во времена Витрувия — *phalae*. Тем же именем обозначались в средние века различные башни, которые служили для защиты городов и крепостей. Подобное совпадение с названием заставляет нас думать, что высказанный нами взгляд правилен». Но оба Фаллоса, воздвигнутые перед зданием храма, служат не только для украшения, но и для различных религиозных обрядов. Ежегодно какой-нибудь человек взбирался на самую вышку и оставался там в течение семи дней. Пищу ему подавали снизу, он же втаскивал её с помощью длинной цепи; таким же образом он доставал и дрова, из которых сооружал маленькое сидение наподобие гнезда. Посетители храма отдавали все свои приношения жрецу, стоявшему у основания Фаллоса; тот же передавал имена жертвователей человеку, сидевшему на верхушке. Последний возносил к Богу молитву от имени жертвователя, причём ударял в какой-то металлический инструмент, издававший резкий звук. В течение всех семи суток этот человек не должен сомкнуть глаз. И по соседству с Сирией, в Финикии, Фаллос пользовался глубоким почтением; его культ связывали с культом Астарты. В Библосе и Адонис, и финикийская Венера чествовались в одном храме. В

¹ Lippert, a. a. O., 313114 u. Bastion. Deutsche Expedition, I 175.

² Dulaure, a. a. O. S. 148, Aum. 5.

Библиотечка «Апокрифа»

подражание египтянам финикийцы праздновали смерть и воскресение Адониса. За траурными мистериями следовали дни живой радости. Во время церемонии разносили изображение Фаллоса, полового органа; именно в это место Адонис, согласно преданию, был ранен кабаном; но, излечившись, он освятил навсегда этот орган¹.

Евреи почитали Адониса под именем Фаммуза. В одном месте Иезекииль жалуется: «И сказал мне: обратись, и увидишь еще большие мерзости, какие они делают. И привел меня ко входу в ворота дома Господня, которые к северу, и вот, там сидят женщины, плачущие по Фаммузе»². Этот бог Фаммуз, вероятно, не кто иной как Таммуз или Шамаш, которому поклонялись финикийские ханаанеяне, моавитяне и мадианитяне. Ему царь Соломон выстроил храм, впоследствии разрушенный Иосией³.

Большим почитанием в форме фаллического культа пользовался у фригийцев Аттис. Согласно преданию, он сильно изувечился или, по другой версии, кто-то другой нанёс ему тяжкую рану.

В областях, расположенных по соседству с Палестиной, почитался Бельфегор, или Ваал-Фегор. И иудеи неоднократно возвращались к этому культу. Центром всех церемоний, относящихся к данному культу, являлась, по-видимому, нагота. По словам Филона, люди совершенно обнажались перед изображением этого божества. В библейском тексте мы встречаем указание на то, что все верующие душой и телом отдавались этому божеству. Раскрывая смысл библейского текста, Бейер приходит к заключению, что моавитянки отдавались этому идолу до вступления в половую связь с каким-нибудь израильтянином⁴. Рабби Соломон Иархи (Раши) говорит, что люди обнажали свой зад перед изображением Бельфегора; тут же они отправляли свои потребности и оставляли экскременты в качестве жертвоприношения⁵.

Из культурных стран Востока перенесёмся на Запад.

Уже в то время, когда была открыта Мексика, фаллический культ насчитывал в г. Пануко много веков. В Тласкале пользовался религиозным поклонением символ, представлявший собой соединение мужских и женских половых органов. Гарсиласо де ла Вега со слов Бласа Валера говорит, что Тласолтеотль была у мексиканцев богиней развращённости. Точно так же и жители острова Таити (Сан-Доминго) посвятили Фаллосу специальный культ. При раскопках, произведённых в 1790 году, было найдено множество фаллосов самых разнообразных размеров. Перуанцы изготовляли бокалы в форме Фаллоса; эти бокалы нередко клали в могилу вместе с умершими. Всё это указывает на весьма распространённый фаллический культ⁶.

Фаллос играл весьма видную роль и во время праздников жатвы, происходивших в Мексике. В старинной мексиканской живописи, изображающей картину этих праздников, мы встречаем чрезвычайно знаменательную черту: шествие фаллоносцев. Каждый носит с

¹ Dulaure, 38-41.

² Иез. 8:13-14.

³ Könige, II 23, 13.

⁴ Andreas Beyer. Addilamcuta ad Joh. Selden de dūs Syrūs Syutagmata. Leipzig, 1668, 5. Kap. Syntagma I Baal-Peor.

⁵ R. Salomon Jarehi. Commentarius in Quinque libri Mosis. Gothae, 1713. Kap. 25.

⁶ Dulaure, a. a. O. S. 51, 61. Aum. 9.

собою огромный фаллос, поддерживаемый рукой; торопливым шагом они направляются к божественной матери Тетеоиннан, в честь которой и справляется этот праздник. В начале ноября тласкальтеки и другие племена справляют праздник в честь богинь Шочикецаль и Шочитекатль (богиня, родственная Флоре); здесь приносятся в жертву девушки в память о возлюбленных. В этот же месяц выступают на сцену проститутки, которые предлагают и свою жертву. Идя на смерть, они призывают на себя жесточайшие проклятия, причём произносят самые непристойные слова. Можно поэтому вполне согласиться с Пройсом, который утверждает, что одним только выступлением публичных женщин и непристойными словами дело не ограничивалось; надо полагать, что здесь имели место и приапические телодвижения, и публичные половые акты. Всё же это, вместе взятое, облекалось в форму религиозного культа. Во время этих праздников жертвами, как мы уже говорили, являлись девушки и публичные женщины; смысл этих жертв заключался в том, что благодаря их смерти богиня любви приобретает молодость, свежесть и жизнерадостность¹. Индейцы-моки справляют праздник плодородия и зимой. Главным эпизодом этих торжеств является 14-дневная церемония, которая, между прочим, сопровождается избиением детей обоего пола. По поводу этих торжеств Фокс сообщает следующее²: «Группа танцоров отправляется к священному дому. Там каждый из участников получает горсть муки; кроме того, их обкуривают табачным дымом. Далее толпа идёт вперёд, останавливается в каком-нибудь месте и просит там мяса; при этом она заводит шутивную речь с хозяевами. Когда они выходят на площадь, им навстречу выступает другая толпа, оглашающая воздух криками радостных песен. Затем выступают два танцора, которые симулируют эротический экстаз; они ложатся на землю и производят при этом самые непристойные телодвижения, извиваясь в мнимых конвульсиях сладострастия. Через пять минут они вскакивают, набрасываются на жриц-мамзрауту и совершают с ними акты, которые неудобно назвать их настоящим именем».

Обряд посвящения жрецов заканчивался обыкновенно у ацтеков половыми излишествами. В конце «смертного пути» (этим именем обозначался обряд посвящения) неофиты посещали танцовщиц храма. Совершенно обнажённые, они совершали религиозную пляску. После пляски они предавались половым излишествам, столь приятным Уицилопочтли, обновителю мира³.

В своей «*Historia general de los hechos de los Castellanos en las Isias i Tierra Firme del Mar Oceano*»⁴ Херреро говорит, что испанцы де Кордовы нашли множество идолов «с дьявольскими лицами и чертовскими фигурами; тут были и мужчины, и женщины, предававшиеся ужасному содомическому пороку». Овьедо в своей «*Historia general y natural de las Indias*»⁵ сообщает, что подобные идолы были найдены у лагуны Терминос.

¹ Preuss, K. Th. Phallische Fructbarkeits-Dämonen als Träger des altmexikanischen Dramas. Archiv f. Anthropologic, Neue Folge, Bd. I Braunschweig, 1904.

² Fewkes. Waller. Tusayan Katanas in Fifteenth Annual Report of the Bureau of Ethnology 1893-1894. Washington, 1897. R. 251 ff.

³ Heckethorn. The Secret Societies of all Ages and all countries. I 97, 98.

⁴ Madrid 1730, Bd. 2. 1.2. Kap. 17.

⁵ Lib. XVII. Kap. 17. Stoll, a. a. O. S. 953.

Библиотечка «Апокрифа»

Религиозные союзы, покоящиеся на весьма оригинальных формах культа, существовали также на отдельных островах Полинезии, оторванных от всего прочего мира. Здесь, как и повсюду, религиозные обряды подчинены естественным потребностям человека. На Ладронских и союзных островах существовала особая каста эрриоев, в которую входили преимущественно представители господствующих классов. Здесь обращают на себя внимание те жестокие условия, которыми было обставлено вступление в это общество. Человек, желающий войти в касту эрриоев, обязан вступить брак; дитя же, происшедшее от этого брака, должно быть убито. На ближайшем собрании он обязан представить свидетелей в том, что предписание это исполнено в точности; только тогда его принимают в число членов. Но эрриои убивают и тех детей, которые рождаются после принятия их в союз; так они поступают до тех пор, пока окончательно не выйдут из него. Если хоть один ребёнок их остался в живых, они считаются выбывшими из союза. Многие, таким образом, расстаются с союзом в возрасте 30-35 лет. Некоторые же остаются в нём всю свою жизнь и предаются так гнуснейшему разврату. Эрриои нередко усыновляют чужих детей, что им вполне разрешается. У них существует особая татуировка; различными рисунками они отмечают различие в положении того или иного члена в этом союзе. Эрриои представляют собой военную касту, которая пользуется в народе большим почётом. В их празднествах принимают участие народ и различные высокопоставленные лица, не принадлежащие к этому союзу. Они связаны между собою тесными узами дружбы; даже товарищи, незнакомые друг с другом, и те пользуются взаимным гостеприимством¹. Народ видит в них посредников между богом и человеком. Празднества, устраиваемые ими, отличаются невероятной развращённостью². В основе этого союза лежит та же идея, которую мы отмечали повсюду: разрыв с нормой обыденной жизни путём жестокого, хотя и несколько запоздалого, акта отречения.

Культ Фаллоса пользуется большой популярностью и в Конго. Там в лесах можно нередко видеть маленькие храмы, в которых находятся мужские и женские фигуры величиною в человеческий рост с непомерно большими половыми органами. «Однако, — говорит Джонстон³, — в этом не следует видеть ничего особенно мерзкого; тот, который так смотрит на дело, находится в состоянии ослепления или полнейшего невежества»⁴.

В Дагомее тоже существует весьма развитый фаллический культ. Почти все улицы столицы украшены этим символом. Всё это фигуры самых различных размеров. «Древо жизни» орошается пальмовым маслом, которое стекает в сосуд, поставленный внизу.

Но вернёмся к былым временам. Посмотрим, каково было отношение древних галлов, германцев и славян к культу пола. Майские торжества, устраиваемые друидами, носили характер какого-то обновления, пробуждения природы; иными словами, отличительным моментом их был момент половой. Здесь мы рядом с суровым аскетизмом встречаем самые дикие эксцессы. Жрицы друидов не все обязаны были сохранить свою девственность; некоторые из них по своим функциям походили на греческих и египетских иеродул.

¹ Ellis. Reise durch Havaii und Owhyhee. Hamburg, 1828. S. 172.

² Heckethorn, a. a. O., II. 286.

³ Bieber. Geschlechtsleben der Aethiopier. Anthropyticia V.

⁴ Johnston, H. N. Der Kongo.

Фрейр и Фрейя были у германских народов фаллическими божествами. В своём труде «*Gesta pontificum Hammerburgensium*» Адам Бременский говорит: «В Уппсале, вблизи города Сигтуна, были воздвигнуты для поклонения три главных божества Севера. В самой середине на высоком троне сидел Тор, наиболее могущественный среди богов; по бокам находились Вотан и Фрейр. Последний был снабжён громадным Фаллосом. В прежние времена, когда германцы ещё не научились у римлян представлять богов в виде живых людей, символом Фрейра был большой Фаллос. Сестра Фрейра, Фрейя, северная Венера, была изображена с огромным фаллосом в руке. Ей обыкновенно приписывали признаки, принадлежащие обоим полам¹. В Северной Швеции Фрейру был воздвигнут роскошный храм. Рядом с его статуей находилась красивая, молодая женщина, которую называли его женой. По народному поверью, эта женщина находится в сожительстве с богом Фрейром; когда одна из подобных женщин забеременела, радость прошла по всей стране, ибо это было счастливым предзнаменованием. Зимой «жена Фрейра» уезжала вместе с Фрейром в самые отдалённые углы Швеции, чтобы дать возможность тамошним жителям искупить свои грехи и проникнуться надеждой на предстоящую плодовитость².

На севере Германии существовал культ Нертуса; Тацит видит в нём подобие культа Кибелы. По мнению Маннхардта, слово «Нертус» обозначает не богиню; по всей вероятности, здесь подразумевается «мужественность», или «проявление мужественной силы», или «человек, который проявляет себя, как мужчина». Поэтому в лице Нертуса следует видеть бога плодородия. По словам Тацита, всюду, куда Нертус ни приезжал, его встречали как «званого, дорогого гостя»; всякие раздоры при этом прекращались и ему оказывали величайший почёт, соответствующий значению его культа.

Среди германских женщин Фаллос пользовался самым глубоким поклонением. Улоф Рудбек³, видевший в Фаллосе символ солнца, по этому поводу замечает: «Они поклоняются Фаллосу в надежде, что плодородие распрострет своё благодеяние как на всю землю, так и на них самих. Ими руководил не мотив сладострастия, а соображения материнского достоинства, ибо для них не было ничего более отвратительного, как бесплодная красота». Римляне после победоносных походов своих отдавались всевозможным церемониям приапова культа; последний был усвоен и другими племенами, у которых «символ жизни» пользовался религиозным почитанием. Германцы воздвигали Приапу алтари, статуи; под его защиту они отдавали свои поля и города; им же они пользовались для того, чтобы отвратить от себя всякую порчу⁴.

Приапов культ был до того популярен в Антверпене, что просуществовал там вплоть до XVII века. Он был известен там под именем Терса. По словам Горопия⁵, в Антверпене существовал знаменитый храм Приапа; к нему стекались многочисленные паломники. Статуя Терса находилась также у ворот городской тюрьмы. Гёльниц⁶ сообщает, что бездетные размешивали кусочки штукатурки этой статуи в воде и принимали внутрь.

¹ См. Pömer. Die androgynische Idee des Lebens. Jahrbuch f. sex. Zwischenstufen V; II S. 744.

² Mannhardt, a. a. O., S. 591, 589-590.

³ Atlantica. Upsala, 1679.

⁴ Dulaure, a. a. O., 91.

⁵ Ivan Goropii Becani. Origines Antwerpianae, 1569. Buch I. S. 26, 101.

⁶ Ulysses. Belgico Galliens von Abraham Göllnitz. Leyden, 1631 S. 57.

Библиотечка «Апокрифа»

Славяне, жившие в Пруссии, почитали Фаллос в лице Потримпса. Он являлся существом, средним между мужчиной и женщиной.

В финляндской области, Карелии, пользовался большим почитанием Укко, бог грома и плодородия. Этому Укко поклонялись и эсты. Празднества в честь него происходили в дни весеннего равноденствия; бездетные женщины обязаны были принять участие в них. В сущности, эти праздники представляли собой самые дикие вакханалии, сопровождаемые обильными, щедрыми жертвами богу Укко.

Культ пола сохранился отчасти и в христианской церкви. Последняя должна была примириться и принять в себя целый ряд обычаев и предрассудков, с которыми сжился народ ещё с давних времён. Выход из этого положения она нашла в том, что уделила своим святым те функции, которыми заведовал Приап. Как передаёт Комбл, в Англии один священник заставил маленьких девочек вести хороводную пляску, он же тем временем проносил перед ними изображение Приапа.

Согласно данным, приводимым Симмахом и Макробием, культ Венеры сохранялся ещё очень долго в христианском мире, например, в Италии и вообще во всей Римской империи. На христианском Востоке храм Венеры в Йемене был разрушен халифом Османом. Сам же культ продолжал, однако, существовать ещё долгие века. С введением ислама новообращённые в моменты приступа жестокого сладострастия всё же обращались к *аль-Хабар*, к Великой. Сарацины, перешедшие в христианство, получили от церкви формулу отречения, в которой также фигурировала *аль-Хабар*. Всё это лишнее раз доказывает, как велико было почитание этого божества. Исламско-христианская секта, друзья, во время своих тайных богослужений посвящают женским органам особый культ; это совершается преимущественно в пятницу вечером. «Их церемонии, — говорит Лажар¹, — могут вызвать в человеке самое горячее возмущение, если не принять в соображение, что они покоятся на предписаниях чистейшей морали»; ведь половой акт для друзей — смертный грех. Назареи воздают почести Ктеис; половой акт является для них единственным средством общения с божеством.

В Провансе, Лангедоке и Лионе пользовался большим почётом св. Футен, преемник Приапа. Св. Футену приписывалась сила наделять плодовитостью тех женщин, которые были лишены её; он вселял пламенную страсть в душу тех мужчин, которые лишились её; он утешал тайные страдания. Согласно ритуалу, ему подносили изображения ослабленных или больных членов. Амбрёнская церковь имела среди самых важных реликвий своих фаллос этого святого; благочестивые женщины часто обливали этот фаллос вином. В Пуаяне и Вале почитание св. Футена продолжалось до XVIII века. Статуя его имела вид громадной фаллической ветви. Женщины, нуждавшиеся в его помощи, откалывали мелкие частицы от этой статуи, размешивали их в воде, которую пили для поднятия своей плодовитости. Следы культа св. Футена можно найти и в Германии. Один немецкий автор говорит о нём как о святом, пользовавшемся большой известностью в XVII веке; девушки в день своей свадьбы приносили ему своё девичье платье.

Здесь следует отметить ещё и св. Кюммерн, отличавшуюся андрогинным строением; в католической части Баварии женщины, страдающие болезнями матки, воздавали ей

¹ Lajard, a. a. O., 53-54.

религиозные почести. Подношениями служили изображения жаб. В самые древние времена матку ставили в какую-то таинственную связь с жабой. И в Эльзасе истеричные, бездетные женщины приносят в жертву жаб; но изображения их чаще всего подносят к статуе св. Витта. Те же самые жертвы приносятся и другим божествам в надежде приобрести способность к деторождению¹.

В Деоле фаллический святой назывался святым Герлишоном или Грелухоном; в настоящее время этим именем обозначается сутенёр. Бездетные женщины, отыскавшие такого святого, молились в его капелле в течение девяти дней. Они припадали к статуе, которая лежала горизонтально, и в глубоком экстазе возносили молитвы к богу. Затем они соскабливали слегка статую, размешивали осколки с водою и выпивали её. К этой же категории святых относятся и св. Жиль в Бретани, св. Рене в Анжу и св. Арно в Бургиньоне. Но тогда как первые два находились на таком же положении, что и св. Герлишон, третий доставлял человеку все блага плодovitости при одном только взгляде, брошенном на его фаллос. Обыкновенно фаллос был закрыт передником. В окрестностях Бреста этот святой был известен под именем Гиньоль.

С дальнейшим развитием человеческой культуры все эти культы были устранены; но тогда возник вопрос о том, чем можно было бы их заменить. Выход был найден очень легко. Например, бездетные женщины должны были пить воду из источника, посвящённого святому; или — в течение 9 дней возносили к нему молитвы. В Орсивальской Базилике Богоматери они должны были стоять, обнявши обеими руками церковную колонну. Или они целовали железный стержень, Меч Ролана, имевший отчасти фаллическое значение. В Сарагосе, в церкви св. Антуана де Пола, женщины обыкновенно припадали к гробу святого, дарующего плодovitость. В общине Сент-Женевье 20 июня совершаются паломничества к храму св. Иоанна и св. Ремигия. Сюда стекаются мужчины, женщины и дети. Все они совершают жертвоприношения с возлияниями. Вино, которое служит для этой цели, они смешивают с водою из источника св. Иоанна и выпивают. Эта смесь служит, по их мнению, прекрасным средством против бесплодия, импотенции и сглаза.

В Италии место Приапа занимает св. Косма. Страждущие и угнетённые приносят в жертву изображение Фаллоса, сделанное из воска.

Даже в христианские времена и под христианскими правителями Фаллос служил для судебной присяги. Герцог Британский, Хивел Добрый, издал для английской провинции Уэльс закон, в силу которого изнасилованная женщина, желая привлечь к ответственности своего насильника, должна была принести присягу, держа свою правую руку на святых мощах, а левую — на половом органе подсудимого. Этот обряд наблюдается ещё в настоящее время у арабов, особенно когда они хотят торжественно подкрепить данное ими обещание. То же самое делали и евреи при различных видах присяги. Такая присяга была нерушима. В XIV веке синодальные статусы турецкой церкви предписали трёхдневный пост тому человеку, который, стоя перед фашиной, сделает своей рукой символический знак, изображающий соединение мужских и женских половых органов, т. е. фигу. Здесь

¹ Hovorka u. Kornfeld. Vergleichende Volksmedizin, Sluttgart, 1900.

разрешено было только произносить молитвы, вроде «Отче Наш» и т. д.¹ Фашина — это изображения, символизирующие подобное соединение мужских и женских половых органов; они находились обыкновенно на домах и церквах и служили предохранительным средством против всякого рода колдовства.

Штоль² говорит, что нет никакого основания признавать фашину исключительно фаллическим амулетом.

Вообще, культ пола, проникший тайным образом в христианство под видом культа Фаллоса, существует ещё и поныне, правда, в сильно ослабленных и едва заметных формах. Люди же верующие, которые взывают к святым за помощью, отлично понимают, в чём дело. Из этого ещё не следует, что протестантизм искоренил зло, устранил святых. Правда, в протестантских странах народ взывает не к св. Витту и не к св. Кюммерн; но он, следуя обычаю своих предков, обращается к лешим, водяным и тому подобным духам. Человек даже не знает, какой цели служит тот или иной обряд; он совершает его непосредственно, зная лишь, что данный обряд принёс тому или иному человеку пользу. Искоренить это зло совершенно невозможно. Напрасны все обличения в глупости и узости человеческого рода. Человек, обрушивающийся на всё это, вряд ли понимает основу этой веры. Но покуда последняя существует, сохраняются и все обычаи, связанные с нею, и даже наиболее культурный человек взывает к старым богам в минуту тяжёлой душевной драмы. И если они даже остаются глухи к его мольбе, то они всё же приобщают его — человека, потерявшего меру естественности, — к общечеловеческой черте. Иногда это является для него несчастьем; но большей частью в этом лежит отрада и счастье его. Ибо это приобщение обуславливает собою постижение, а за постижением следует понимание.

¹ Dulaure, a. a. O., 84, 95-96.

² A. a. O., S. 681.

ПОЛОВАЯ МИСТИКА

Религиозный и сексуальный экстаз – Превращение физической сексуальности в духовную – Метаморфозы жестокости – Провозглашение полового воздержания – Отказ от сексуальности характерен для монотеистических религий – Мнение мистиков об аскетизме – Переоценка духовных переживаний – Состязание аскетов – Гарнак о монашестве – Монашеская беллетристика – Половая жизнь святых – Образчики силы анахоретов – Одухотворённый эротизм – Служение божественной личности – Чувственная составляющая мистического совершенствования – Женская экстатичность – Покорность высшей силе – Стремление подчиняться – Интеллектуальные эквиваленты – Видения св. Иеронима – Точка зрения Сузо – Генрих фон Нёрдлинген и Маргарета Эбнер – Галлюцинаторный опыт – Екатерина Сиенская – Вероника Джулиани – Катерина Эммерих – [Агнесса Бланбекин] – [Крайняя плоть Христа] – «Покровительница истеричек» – Характер св. Терезы – Явления Христа и посещения Дьявола – Что такое истерия? – Мария фон Мёрль – Бесовские искушения – Превосхождение над истерическим – Объект влечения для Марии фон Мёрль – Патер Капистран – Доминика Лаззари – Экстатические стигматы – Появление стигматов – Творческие силы «трансцендентального субъекта» – Крещенция Никлич – Св. Армелла – Мари де л'Инкарнасьон – Мария Магдалина да Пацци – [Екатерина Генуэзская]² – Мехтильда Магдебургская – Современные экстатички – Мать мира – Жанна Мария Гюйон – Экзальтированные мужчины – Иосиф Купертинский – Франциск Ассизский – Альфонс Лигурийский – Пробуждение и воскрешение – Хемме Хайен – Слуховые и обонятельные галлюцинации – Явление неуязвимости – Беата из Вюртемберга – Мистик Гихтель – Ревнитель дела Божия – Молитвы – Франке – Язык пробуждённых – Анна Мария Флейшерин, лютеранская визионерка – Христина Понятович – Юлия фон Крюденер – «Возлюбленная Господа Бога» – «Скакуны» православной церкви – Исламские экстатики – Религиозные песни о любви – Сотворение человека по Мухаммаду – Оценка полового акта в исламе – Доктрины «Новой мысли» – «Реформированный» американский брак – Духовное размножение – «Годы созревания» – Зарождение фантазий – Подмена ценностей – Продукты физического и психического экстаза – Подавление и воссоздание инстинктов – Мистические секты – Сарабиты – Карпократ и его учение – Павликиане – Каиниты – Катары – Верующие и совершенные – Клятва – Тамплиеры – Братство тамплиеров – Подозрения в культе секса – Половая свобода – Непристойные поцелуи – Начало церемонии – Значение Бафомета в тайном обществе – Церемония крещения – Влияние сарацин – «Вина тамплиеров» – Педерастические мистерии – Офиты – «Оргии» – «Song of the Devil's Own» Оскара Уайльда – Современные тайные братства – Адамитские секты – Мессии нашего времени – Святоша из Кёнигсберга – Кёнигсбергский «утешитель» – Пиетистский скандал – Догмы Эбея – Очищение и освящение – Генри Джеймс Прайнс и его «Храм любви» – Спакстонская жертва – Половой акт как символ.

¹ *Агнесса Бланбекин* (ок. 1244 — 10 марта 1315) — австрийский христианский мистик. Во время службы и молитвы начал слышать голоса, которые объяснили ей духовные тайны. Её откровения включали видения обнажённых монахов, женщин и Иисуса. В одном видении, по её утверждениям, она почувствовала крайнюю плоть Иисуса у себя во рту. *Прим. ред.*

² *Екатерина Генуэзская* (1447 — 15 сентября 1510) — итальянская католическая святая и мистик. В 1473 году, во время исповеди, на Екатерину снизошла Божественная благодать. Вскоре к Богу пришёл и муж Екатерины, став францисканцем-терциарием. *Прим. ред.*

Наличие тесного духовного родства между религиозным и сексуальным экстазом было весьма тонко прочувствовано и воспринято языческим миром. Последний только в чрезвычайно редких случаях рассматривал один вид экстаза недостойным противоположением другого. Тем не менее, мы в язычестве ни разу не встречаем замены одного состояния другим, той замены, которая отлично знакома христианской церкви. Разве только в тайных собраниях жрецов дело иногда доходило до того, что духовный момент получал перевес над физическим, половым. Языческие народы всегда относились отрицательно к этому своеобразному превращению полового инстинкта. Вполне понятно, что определённая метаморфоза имела место и у них; но она чаще направлялась к моменту жестокости. Правда, подобная метаморфоза производит разрушающее действие на отдельного индивидуума, но в принципе она не содержит в себе никакого отречения от радостей мира. Принцип полнейшего отречения от земных благ мог возникнуть лишь в такую эпоху, когда понятие божества стало понятием абстрактным в высшем значении этого слова. В тот момент, когда в человеческом мозгу впервые вспыхнула возвышенная мысль: *не делай себе кумира и никакого изображения, кроме Меня*, — в этот самый момент был провозглашён принцип строжайшего аскетизма в форме полового воздержания.

Жертва воздержания была не чужда и языческому миру. Но в сфере половой жизни она никогда не шла дальше общих ограничительных определений; значительно чаще человеку представлялась здесь полнейшая свобода. Абсолютное воздержание, решительный отказ от плотских наслаждений — всё это было впервые провозглашено монотеистическими религиями. Закон Моисея и ислам — два учения, всецело покоящиеся на принципах земной жизни, превратились в резкую проповедь абсолютного полового воздержания благодаря своим глашатаям, проникнутым глубочайшим мистицизмом. Во всяком почти культе, по крайней мере, на первых порах его возникновения, принцип отречения от земных, плотских радостей находит себе сторонников в таких группах, которые отличаются некоторою склонностью к мистицизму; да это и вполне понятно, так как подобные группы всегда стремятся к внутреннему постижению. Всякая вообще мистика возносит субъективное, духовное переживание единичного лица над объективной, внешней действительностью. Чтобы достигнуть чистоты и ясности этого переживания, необходимо порвать ту связь, которая соединяет его с земным, плотским; иными словами, должен восторжествовать принцип полнейшего отказа от всего того, к чему стремится человеческое сердце, и, прежде всего, принцип полового воздержания. Мистик как бы инстинктом постигает ту колоссальную роль, которую играет половое воздержание в общей совокупности его стремлений и идеалов. Он знает или, по крайней мере, чувствует, что мудрая умеренность в сексуальных радостях ведёт к

Библиотечка «Апокрифа»

физиологическому оздоровлению и укреплению мозговой деятельности его. Подобная «переоценка ценностей» представляется и религиозному человеку единственно правильной и дозволенной. Субъективная склонность к духовному самоуглублению приводит его к преувеличенной оценке двух моментов — духовного переживания и полового воздержания. Являясь провозвестницей духовного преображения человека, христианская церковь во главе со своими мистиками выступила защитницей принципа полового воздержания и вознесла его на высоту идеала.

Состязание аскетов было в самом разгаре. Могучая волна аскетизма бурно поднялась и захлестнула всё человечество в первые века христианства.

«Человек должен свергнуть с себя всё то, что толкает его на путь греха: радость, знание, аристократизм... Один ищет голодной смерти, другой, подобно дикому зверю, мечется по бесконечным пустыням; тот бросается в страшные болота Нила, отдавая своё тело насекомым на съедение, а другой, обнажив свою голову и грудь, подставляет их под жестокие удары бури и непогоды. Человек душит и убивает в себе живую плоть. Душа его ищет мира и покоя; ибо только таким образом ей дано созерцать Промысел Божий. И всё же мы очень часто слышим от самих аскетов, что мир сходит в их душу лишь урывками, на отдельные моменты. Но зато они живут фантазиями, страшными фантазиями, потрясающими нашу душу. Современники жадно хватаются за эти величественные картины. Мир, скованный в тисках дряхлости и бессилия, восторгается величием аскетического подвига и дикой фантазией странствующих монахов. У обыкновенного человека не было ни сил, ни характера решиться на такой возвышенный подвиг; он хотел насладиться им, по крайней мере, в своём воображении. Фельетонисты в монашеском одеянии писали романы и новеллы, в которых изображали различные моменты из жизни кающихся грешников, смешивая в одно и действительные, и фантастические переживания. Зародилась новая отрасль литературы: монашеская беллетристика»¹. Уже здесь можно подметить истинную природу этой мании. В своём труде «*Geschlechtsleben der Heiligen*» Штайнгиссер приводит мнение Эвагрия об анахоретах, мнение, которое является знаменательным во всех отношениях. «Они обходили многочисленные города, желая похвастаться перед всем миром своей непорочной чистотой. Там они посещали дома терпимости и купались вместе с женщинами. Но они были настолько выше всякого плотского вожделения и страсти, настолько властны в сфере своих природных инстинктов, что ни созерцание, ни прикосновение, ни даже объятия женщин не могли вызвать в них сладострастного возбуждения»². Бесконечное спокойствие духа, наблюдаемое у этих кающихся христиан, объясняется, по мнению Эвагрия, очень просто: «Ибо среди мужчин они — мужчины, а среди женщин они — истинные женщины». Указание Эвагрия на некоторую половую аномалию у анахоретов пожалуй и правильно. Но если бы оно было даже и неправильно, то вряд ли можно «подобное» воздержание признать победой над плотью; нет — оно является результатом тех буйных эксцессов, которые привели этих аскетов к полнейшей дряхлости и импотентности. Во всяком случае, оно ничего общего не имеет с той одухотворённой эротикой, которая так свойственна христианской церкви.

¹ Harnack. Das Mönchtum, seine Ideale und seine Geschichte. 7 Aufl. Glessen, 1907. S. 28-29.

² Steingisser, a. a. O., S. 27.

Эта эротика появилась вместе с догматами церкви и развитием мистических спекуляций. Догматика развенчала понятие Бога; она лишила его того чрезмерно абстрактного значения, которое придавали ему раньше. Но раз это дело было закончено, религиозные экстатики начали наделять понятие Бога различными атрибутами человеческой личности. Отдаться этому божеству, подчинить ему свою волю и желания, посвятить себя служению ему — это должно быть поставлено основной целью человеческого существования. Ничего нет странного в том, что мы питаем к божеству, завоевавшему наше сердце, те же нежные и возвышенные чувства, которые встречается у нас любимый нами человек. «Язык, которым говорят подобные экстатики, есть язык земной любви; достаточно вместо имени Иисуса подставить какое-нибудь другое человеческое имя — и мы увидим перед собою женщину, сгорающую в огне любви», — Чувство страсти, проникающее и в душу, и тело в момент религиозного экстаза, «есть не что иное как страстная влюблённость; но человек упорно отказывается признать в этом чувстве любовь, так как объект любви в данном случае слишком резко возвышается над всеми человеческими, земными понятиями»; тот факт, что это божество обладает отчётливыми чертами мужчины, несколько не является препятствием для этих энтузиастов. Их ощущения совершенно сходны с ощущениями влюблённой женщины, которая страстно жаждет подвергнуться насилию со стороны объекта своей любви. По мнению религиозного человека, этот эффект может быть наиболее успешно достигнут одним только Богом. Но христианская церковь позаботилась также о таких людях, которые нуждаются в нежных ощущениях и которых пугает энергичный и суровый образ Иеговы. Для них объектом преклонения была Мария. Это воплощение женского начала даёт мужчине всё то, чего жаждет его страстная истомлённая душа. Люди, которые мыслили несколько рассудительнее, нашли своё дополнение «в великой любовнице Софии»; в лице Христа фанатички нашли не только Бога, но и «жениха духа» и «агнца». Чувство верующего человека, столь враждебное земным вождениям, искало самого тесного общения с олицетворёнными кумирами своей веры; это стремление было тем сильнее, чем воздержаннее был человек в физическом отношении. Правда, среди них были люди с уравновешенным темпераментом, которые в своём воздержании не видели ни жертвы, ни испытания; но таких людей было меньшинство. Большинство же состояло из таких людей, которые искали физического удовлетворения в величественных фантазиях, созданных их творческой психикой.

Половое влечение и религиозный экстаз имеют один общий корень. В обоих случаях человек жаждет сойтись со своим дополнением, причём это желание носит обыкновенно оттенок сладостного ощущения. В религиозной сфере этот эффект достигается путём подчинения высшей силе, путём абсолютной покорности, с какой человек отдаётся высшему существу. Аналогичное явление мы наблюдаем в сфере половой жизни; и здесь человек часто находит удовлетворение не в том, что он покоряет, а в том, что он покорён. Религиозный человек отлично знаком с этим ощущением; даётся ли оно ему в силу воспитания или природных задатков — это безразлично. И как страстно желает этого человек нерелигиозный, но, увы! — безнадежно. В силу этого религиозный человек видит в своих страданиях, вызванных его любовью к Богу, лишь подтверждение тех надежд, которые единственно наполняют его существо. Вместе с тем у него зарождается такая

Библиотечка «Апокрифа»

мысль: отказ от плотских наслаждений вознаграждается повышением духовных радостей. Эти радости он уже теперь ощущает; они проникают в душу и тело его; они пленяют и околдовывают его. Ибо как можно вообще предположить, чтобы чувственное существо, подобное человеку, могло отказаться от своей изначальной природы. Это значило бы — оболгать самого себя. В крайнем случае, человек может освободиться от своего природного инстинкта, изменив лишь его направление или сузив сферу его проявления.

Поясним это на примерах. Св. Иероним спасался; он искуплял грехи своей молодости в сирийской пустыне. Но, несмотря на все истязания, которым он подвергал себя, страсти его не покидали. В безумном, страшном отчаянии он вопиет: «О, как часто мне казалось там, в пустыне, в этой бесплодной стране, выжженной горячим солнцем, где отшельники встречают ужас и отчаяние, — как часто мне казалось, что я извиваюсь в бешеных страстях развратного Рима». «Моё лицо помертвело от голода, но душа моя сгорает от сладострастия... После бесконечных слёз, вознеся свои глаза к небу, я редко-редко встречал вокруг себя ангелов — и тогда в радостном упоении я взывал к Властителю: Мы бежим за тобою в аромате пахучего елея твоего»¹. Это восклицание указывает на то, что одно видение, носившее первоначально сексуальной оттенок, было вытеснено другим, не менее чувственного свойства. Сексуальной характер этих видений ещё ярче выступает в фантазиях других мистиков и святых. Так, например, Сузо, чувствуя близость к своей «небесной страсти», восклицает: «Мне кажется, что я вознёсся над временем и пространством и стою в преддверии вечного блаженства». Этот человек, который подвергал себя самым мучительным истязаниям, который связывал себе руки, чтобы как-нибудь не покончить с собой в минуту прилива «адских страстей», — этот человек упивается картиной своего «духовного бракосочетания» с Иисусом, этой «вечной мудростью».

Аналогичные мысли мы находим в письмах Генриха фон Нёрдлингена доминиканке Маргарете Эбнер. В его словах чувствуется нотка сожаления: «Мы охотно вошли бы с тобой, но нас не пустили туда» (в брачную комнату). Далее он в сильных поэтических красках рисует картину брачной ночи, которую провела его духовная дочь с её «царственным женихом». Он пишет: «Нам нужно стоять неподвижно — это вполне справедливо; ты же тем временем войдёшь в отдельную комнату со своим царственным женихом. Там девственная грудь твоя наполнится небесной благодатью, которую буду вкушать не только я — твой недостойный раб; ты станешь кормилицей всего христианства». Далее идёт смелое поэтическое описание того экстаза, который охватывает её при общении с женихом. Это описание дышит восторгом — физическим и духовным. Прислушаемся: «Далее заметь... возлюбленная жена опьянена одним видом благородного лица. Она сильна и бессильна; в прекраснейшем блеске — она слепа; в глубокой слепоте своей она видит особенно ясно; в прозрачной ясности она — и жива, и мертва; чем доле она мертва, тем радостнее живёт она, — чем уже брачное ложе, тем пламеннее объятия, тем ароматнее... поцелуи — чем сильнее она горит, тем прекраснее светит»².

¹ Steingiesser, a. a. O., S. 11-13.

² Mehlhorn, a. a. O., S. 48.

Мне, пожалуй, возразят, что здесь речь идёт об одних только поэтических сравнениях. Совершенно правильно; но подобные поэтические сравнения употребляет лишь тот человек, который упивается представлениями, связанными с ними. Уже по одним только этим сравнениям можно с достаточной точностью определить направление мыслей человека. Но разве дело ограничилось здесь этими поэтическими параллелями? Разве не пламенная страсть, горевшая в груди этих экстатиков, заставила их пережить все эти сравнения? У этих людей фантазия чрезвычайно возбуждима. Обыкновенный человек мыслит образами только в сновидениях, они же делают это в состоянии экзальтации. Эти образы представляются экстатикам столь же реальными, как и те картины, которые реют перед глазами спящего, испытывающего радость и муку в своих волшебных сновидениях. На примере св. Екатерины Сиенской мы видим, насколько реальны эти образы. Ей представилось, будто она в присутствии многочисленных святых была помолвлена с Христом; с тех пор на её пальце будто бы появилось обручальное кольцо, которое она видела своими собственными глазами. Но помолвками удовлетворяются далеко не все «божественные невесты». Св. Вероника обручилась с агнцем Божиим. В трепетном благоговении она взяла к себе в постель ягнёнка, которого пыталась вскормить своей грудью¹. Катерина Эммерих тоже была сильно занята мыслью о ягнёнке. Св. Тереза, как это видно из её мемуаров, ощущала в моменты экзальтации чувства бесконечной радости; она издавала при этом страшные крики, «смешанные с таким радостным чувством, что она, казалось, не хотела освободиться от своих страданий; эти страдания доставляли ей отраду, ту отраду, которой не найдёшь ни в глубоком покое, ни в тихой удовлетворённости, а в самом Боге».

Жане называет Терезу «покровительницей истеричек». Пронзительный свист раздаётся в ушах истеричек всякий раз, когда надвигается гроза истерического припадка; то же самое мы видим у Терезы. Об этом она рассказывает в одном отрывке «*Die innere Burg*». Там мы читаем: «Я прислушиваюсь к тому, что происходит в моей голове, к тому страшному шуму, о котором я раньше говорила и который лишил меня возможности выполнить работу, заданную мне начальником. Этот шум похож на страшный плеск бурных потоков; это — пение несметного числа птиц, сопровождаемое оглушительным свистом. Не ушами слышу я это; я чувствую этот шум всей верхней половиной своей головы». Мы встречаем у неё все прочие симптомы истерии: истерический комок и истерические конвульсии. С этим соглашается и учёный иезуит Ган². «Но, — замечает он, — если повышенная чувствительность её организма и сближает её с истеричками, то всё же она отличается от этого типа больных железным характером и сильнейшей волей». Он расточает всяческие похвалы её «чисто мужскому организаторскому таланту» и удивляется её редкому искусству проводить различные реформы во внутреннем распорядке своего ордена. Что касается её видений, то он признаёт только те из них, которые носят характер небесного божественного откровения. Но если мы вспомним только, что она истязала своё тело непрерывным постом, что припадки истерии не

¹ Müller, Alphons Viktor. Die hochheilige Vorhaut Christi, im Kulte und in der Theologie der Papstkirche. Berlin, 1907. S. 37-39.

² Hahn. Die Probleme der Hysterie und die Offenbarungen der heiligen Therese, deutsch von Trina. Leipzig, 1906. S. 22, 121-125, 43.

покидали её вплоть до 50-летнего возраста, то мы поймём, что эти божественные откровения также явились результатом этих страданий. Эти откровения отличаются от явлений Дьявола лишь по форме своей; во всём остальном они совершенно схожи между собой.

Субъективная ценность откровений св. Терезы несколько не умалится, если мы отбросим различные сопровождающие феномены, рождённые её буйной фантазией. Объективная же ценность их, измеряемая объектом внутреннего содержания, напротив, сильно повысится, если оставить в стороне эти проявления религиозной фантазии. Творчество святых, как например, реформа ордена кармелитов, несколько не теряет в наших глазах от того, что благочестие со своими принципами и запросами является перед ними в видениях в образе человеческих фигур.

Нечто аналогичное мы встречаем и в видениях Блаватской. Многие считают её провозвестницей новой религии; она же сама видит в себе остаток «первобытной мудрости». Св. Терезе является Христос, Блаватской — Махатмы. Склонность этих женщин к мистицизму объясняется одной и той же причиной: половой аномалией. Блаватская относилась совершенно индифферентно к мужчине как к половому существу; точно так же и Тереза. Блаватская находилась в самых интимных отношениях с подругами. И у Терезы была подруга, к которой она питала «самые нежные чувства». Чтобы снова вступить с нею в связь, она поступает в кармелитский монастырь, находившийся в её родном городе. В одном только мы находим разницу между Терезой и Блаватской, причём разницу очень значительную. Блаватская была слепой игрушкой в руках своих страстей, Тереза же — твёрдость характера и сила воли. В этом отношении она вовсе не была истеричкой. А впрочем, разве эта строгость, повышенная строгость к самой себе не является симптомом истерии? Ну, в таком случае следовало бы всё признать истерией. Но что такое истерия, мы ведь в точности не знаем. Поэтому если мы всё же пользуемся и будем пользоваться этим термином, то вовсе не в пояснительном, а в описательном смысле.

Очень симпатичную мистичку представляет собой Мария фон Мёрль. Чрезвычайно нежная от рождения, она быстро превратилась в типичную экстаичку. «Непрерывный пост, бессонные ночи, твёрдое ложе, скудное питание и другие лишения — всё это постепенно подтачивало её силы... Сильные конвульсии и частые кровотечения... Эти физические испытания сопровождалась душевными муками. Её душа была окутана густой сетью страшных соблазнов... Она поборолась в себе дьявольские искушения. На неё надвигалась целая армия демонов-соблазнитель... Отвратительные, мерзкие образы носятся и днём, и ночью по её комнате; они заграждают ей дорогу в церковь». Гёрресу она рассказала следующее: «Люди, которые толпятся вокруг меня, — это всё отвратительные мужчины. То в одиночку, то целыми массами они становятся передо мною и грозят увлечь меня. Часто я вижу среди них несчастных людей, то чёрных, то пламенных; они мешают мне молиться. Иногда они кричат: с тобою уже давно покончили, ты отвергнута и проклята. Ты можешь слушаться духовника, сколько твоей душе угодно; он несколько не в состоянии тебе помочь! Они стараются совратить меня с пути истины и веры: они вкладывают в мои уста кощунственные слова, слова протеста против Бога и Пречистой Девы...». Часто эти фигуры подводят её к окну, где перед нею открываются цветущие рощи и богатейшие сады. Вдруг она видит перед собою роскошную лестницу, которая

ведёт в этот земной рай. Призраки, преследующие её, усиленно приглашают её сойти вниз и насладиться. Благо, что какая-то невидимая, таинственная сила сковывает её ноги; в противном случае, как она сама сознаётся, ей не устоять было бы против соблазна¹. Любопытно было бы сравнить это с рассказом Рихера²:

«Весь третий период своих припадков истеричка Мэтч... оставалась неподвижной, со смеющимся лицом и скрещёнными на груди руками. Она находилась в состоянии каталепсии... Вдруг её будят. Она просыпается, сильно разочарованная: “О, как это было восхитительно!..” — восклицает она. Она видела роскошный замок с пёстрыми, блестящими шарами, с пышной растительностью; в нём жили люди, одетые в пёстрые шёлковые платья. Во время другого припадка она видела небо, ангелов, блестящие шары и сверкающие звёзды! Другой раз она заснула с лицом, перекошенным страшной гримасой ужаса и отвращения. Её тотчас же разбудили; при этом она воскликнула: “Вы хорошо сделали, что разбудили меня! Мне теперь гораздо лучше!” Она была в аду, видела там Дьявола и огненные шары!».

У Марии фон Мёрль встречаются также явления магически-демонического характера. Но относительно них мы знаем лишь с её собственных слов или со слов её духовника, патера Капистрана — показания, которые трудно признать особенно беспристрастными и достоверными. Ведь в период своей борьбы она лишена была способности спокойно наблюдать за собою; что же касается патера Капистрана, то он не находился при ней, а узнавал всё с её слов. В её искренности он несколько не сомневался. И вполне обоснованно. Ведь она ему не говорила ничего такого, чего она на самом деле не пережила. Но это переживание, говоря языком теософов, вращалось в совершенно другой плоскости. Оно было реально, но не в том смысле, в каком мы это обыкновенно понимаем, а потому оно лишено было характера объективности.

Взаимодействие между нею и патером Капистраном было необычайно велико. Он имел неотразимое влияние на неё. Только он в состоянии был вывести её из состояния экстаза: «Тихо шевелились при этом уста духовника; он не произносил ни малейшего звука — в один миг потухший взгляд молящейся озарялся блеском живой силы»³. Один протестант, посетивший Марию фон Мёрль, характеризует патера в следующих выражениях:

«Черты его строгого лица носят оттенок мягкого благочестия и сурового самоотречения. Достаточно взглянуть на него раз, чтобы не быть в состоянии оторвать от него взгляда; до того он сильно привлекает к себе»⁴.

Тот же протестант рассказывает много интересных подробностей относительно экстатичек в Тироле. Дело в том, что пример Марии подействовал весьма заразительно. Наиболее интересной среди них является Доминика Лаззари. И она боролась со всевозможными искушениями. Вдруг перед ней являлось «лихо», «то в образе собаки, то молодого юноши, и они мешали ей молиться и работать».

¹ Die Tyroler ekstatischen Jungfrauen. Regensburg, 1843. I 32-35.

² Etudes eliniques. Paris, 1881. S. 456.

³ Die Tyroler ekstatischen Jungfrauen, I 24.

⁴ A. a. O., I 21.

Во время стигматических кровотечений у неё появлялся сверхъестественный жар. Температура бывала до того высока, что ей нередко приходилось открывать настежь окно даже в самый жестокий мороз. Старуха-мать согревала свои озябшие руки у пылающей головы своей дочери¹.

Автор упомянутого труда прекрасно описывает появление стигматов:

«Все эти больные женщины влюблены; возлюбленный — Спаситель; Он — высшее благо их души... Исполненные любви и страданий, они погружаются в мысли о страшных мучениях Возлюбленного; эти мучения сильно раздувают бешеное пламя их страсти. При всём эгоизме, которым отличается обыкновенная человеческая любовь, мы замечаем в ней одну глубоко альтруистическую черту: человек радостно принимает на себя страдания своего возлюбленного. И как сильно проявляется эта черта в бескорыстной, чистой любви к Иисусу! Как велико должно быть желание принять на себя хоть часть тех невыразимых страданий, которым подвергался Спаситель»². Известно, что стигматы являются результатом органического изменения, протекающего под влиянием сильного продолжительного самовнушения. «Трансцендентальный субъект (по терминологии Дюпре) обладает колоссальной силой воображения; призраки его отличаются подлинной объективностью и способны подчас воздействовать на физическую природу человека.

У третьей экстатички, Крещенции Никлич, ярко выступает наружу половой момент. В её любви к Спасителю не было ничего, кроме ханжества. Она часто писала письма к своему Возлюбленному, умоляя его, чтобы «Он обратил своё милое лицо к ней». — «В минуты отдыха она имела в руках своих маленькое распятие, к которому питала безграничную любовь. Стоило ей поцеловать или даже только посмотреть на распятие, как она впадала в сильнейший экстаз и её пылающие глаза устремлялись к небу»³.

Св. Армелла отличалась ещё большей страстностью. Она так горячо и сильно любила, что порой казалась себе огромным горящим пламенем. По словам одной урсулилки, написавшей её биографию, она и днём, и ночью всё бредила своим Возлюбленным; она бегала за ним по пятам и, не найдя его в одной комнате, сбегала и другие комнаты в надежде найти его. Часто она взывала к нему нечеловеческим голосом, прижимала к своей груди все предметы, попадавшиеся на её пути. Она бродила по полям, убегала в леса, чтобы поведать птицам невероятные муки своей любви.

Мари де л'Инкарнасьон часто восклицала: «О, моя любовь! Я слилась с тобой и растворилась в твоём пылающем сердце. Я живу и умираю, страдаю, тоскую и наслаждаюсь. Мне кажется, будто возлюбленный хочет уничтожить меня в своих божественных объятиях. Мой возлюбленный — разлитый елей, от сладости которого я погибаю в целомудренных объятиях. Душа моя чувствует его; он зажигает меня огнём радости. Восторг моей души ищет выхода; он жаждет излиний, но дух не хочет этого».

Мария Магдалина да Пацци часто стояла неподвижной до тех пор, пока не наступало любовное изливание; вместе с ним новая жизнь вселялась во все её члены. Часто она вскакивала с кровати, хватала за руку одну из сестёр и кричала: «Бежим со мной, зовём

¹ А. а. О., I, 51, 53.

² А. а. О., II, 303-304.

³ А. а. О., 60-61.

любовь». Опьянённая любовью, она убежала в монастырь и там шёпотом повторяла: «Любовь, любовь, любовь, ах, не нужно больше любви! Слишком уже много её!»¹.

Откровения Мехтильды Магдебургской заключают в себе все любовные стадии, которые проходит человек от ранней молодости до глубокой старости.

В своей «*Relation Sur Le Quiétisme*» Боссюэ Моский описывает видение одной экстастики: Иисус принял её в отдельной комнате и на её вопрос, для кого поставлены здесь две кровати, ответил: «Смотри! Одна кровать для моей матери, а другая — для тебя, моя невеста; я избрал тебя»².

Сравним это с тем случаем, о котором рассказывает Штайнгиссер:

Тереза М., поражённая каким-то наследственным пороком, отличалась ещё в ранней молодости живейшей фантазией. На первом же причастии она почувствовала, что сердце её принадлежит всецело Иисусу. После смерти матери, а также одной очень любимой её учительницы, ей часто казалось, что она видит этих умерших перед своими глазами и слышит их голоса. Её уговорили поступить в монастырь. Там она отдаётся исключительно служению Христу. «Я хотела любить Иисуса сильнее, чем какая-либо другая монахиня, — говорит она, — мне даже казалось, что и Он питает ко мне какую-то особенную любовь... Целых два года меня неотступно преследовала эта мысль; она превратилась в *idee fixe*; я старалась очиститься от своих грехов и злых помышлений, чтобы снискать себе любовь Христа». Рядом с этим выступает наружу половое влечение, которое она всячески старается в себе подавить. Она рассказывает всё это своему духовнику. Он советует ей сосредоточить свои желания в сфере духовной жизни. С жаром бросается она на дела религии. Она ежедневно причащается. Наконец, явилось к ней видение. «Раз вечером, — пишет она, — когда мне ясно стало, что Иисус окончательно покинул меня, я вскрикнула: “Мать! Скажи, что мне сделать, чтобы завоевать любовь Твоего Сына!” — Мои глаза были обращены к небу, и я вся застыла в безумном ожидании. Смешно было. Я хотела стать матерью мира! А моя душа вторила: Да, Он придёт. Долго после этого я находилась в каком-то чаду. Повсюду я встречала Его: Он подавлял меня своей непорочной нежностью». Эротические видения её становятся всё ярче и рельефнее. Её описания вопиющи; они вызывают соблазн и подражание в широких слоях народа. Наконец, её религиозная страстность постепенно падает. Через некоторое время она пишет: «Покидая высоты, на которых я раньше витала, я до того приблизилась к земле, что скоро все мои желания не подымутся выше её». Ещё позже она говорит: «Теперь я верю лишь в Бога и муку; я чувствую, что мне необходимо выйти замуж»³. Разумным лечением её взвинченная эротика была приведена к нормальному уровню. Если бы Тереза М. вращалась среди ханжей и фантазёров, она, пожалуй, давно получила бы кличку святой. И кто знает, сколько зла могла бы ещё причинить её необузданная фантазия?

Очень верны замечания г-жи Гюйон, которая говорит по собственному опыту: «Источником экстаза является особая склонность к *духовной чувственности*. Душа теряет последний остаток своих сил, погружаясь в томные, сладостные ощущения»⁴.

¹ Steingiesser, a. a. O., 45-47.

² Hennings. Von Geistern und Geistersehern.

³ Steingiesser, a. a. O., S. 59-63.

⁴ Guyon, Jeanne Marie. Lehen. Buch I, Kap. 9.

Библиотечка «Апокрифа»

Но эти ощущения свойственны не только истеричкам. Подобные переживания наблюдаются и у экзальтированных мужчин. Когда Филипп Нери совершал возношение даров, он, по словам одного биографа, «до того проникся сладостным ощущением, что дрожал всем своим телом»¹.

Возьмём для примера Иосифа Купертинского. Это был до того бездарный человек, что капуцины давно уже махнули на него рукой; изучение латинского языка, например, давалось ему с большим трудом. И всё же все поклонники его в один голос говорят, что «он своим суровым благочестием и святым преклонением перед Матерью Божьей достиг глубочайшей прозорливости в делах религии; учёные представители ордена говорили, что беседа с Иосифом несравненно поучительнее всяких трактатов». Как страстно было его преклонение перед Матерью Божьей, видно из того, что одно упоминание её имени погружало его в сильнейший экстаз².

Св. Франциск Ассизский, одна из наиболее симпатичных фигур среди сонма святых, вышел одной холодной лунной ночью в сад. Он шёл по глубокому снегу совершенно нагой. Сделав семь снежных баб, он сказал: «Смотри! Та большая — это твоя жена; те двое — твои сыновья, а те — твои раб и рабыня! Скорее согрей их, они умирают от холода! Но если такой труд тебе не по силам, отдайся всецело Богу!» По этому поводу Хазе³ говорит: «В таком виде Франциск представлял себе семейную жизнь; он сумел подавить в себе влечение к ней». В имени Христа воплощалась всякая любовь; это имя вызывало в нём сладостное ощущение, в котором он способен был забыть весь мир. Продолжительная молитва была его потребностью, а не долгом. Его любвеобильное сердце и не мечтало о воздаянии. Любить Христа и быть любимым им — такова его религия⁴.

Св. Альфонс Лигурийский, ревностный поклонник Марии, «гимны» которого насквозь пропитаны эротикой, ощущал в себе «плотский стимул» ещё на 88 году своей жизни. Ему казалось, что он устраивает свидания с божественной королевой, которая «в девственной красе стоит перед глазами очарованного раба своего»⁵. Всего этого нельзя объяснить одной только религиозной и сексуальной экзальтацией, охватившей Европу в первые века христианства. Ведь подобные явления можно наблюдать всякий раз, когда какая-либо страстная личность ищет морального спасения в убиении плоти и подавлении полового инстинкта. Обманутая природа жестоко мстит: она наполняет умы апостатов эротическими образами.

Многочисленным святым католической церкви соответствовали столь же многочисленные «воскресшие» протестантизма. Один из них, Хемме Хайен, после тяжких ударов судьбы удостоился, наконец, милости Божьей. При этом «он ощутил такую сверхъестественную, сверхчеловеческую сладость в своей душе, что от избытка радости должен был вскрикнуть».

Он испытывал при этом «какое-то беспокойство, смешанное с мукой, но всё же оно было сладостнее муки, так как в нём таился совершенно исключительный приятный

¹ Die Tyroler ekstatischen Jungfrauen, I 288.

² Gentzel, Joseph von Copertino. Psych. Studien. IV. Jahrg. 1877, Juniheft. S. 242-43, 45.

³ Franz von Assisi, ein Heiligenbild. Leipzig, 1856, S. 45.

⁴ A. a. O., 44.

⁵ Steingesser, a. a. O., S. 34.

оттенков. Его тело до того сильно проникалось этим ощущением, что он ясно чувствовал его в себе».

Его состояние часто доходит до ясновидения. У него бывают слуховые и обонятельные галлюцинации. Последние были свойственны и его жене. У них обоих мы наблюдаем следующее явление: под влиянием какого-то внутреннего голоса они ставят в огонь свои ноги, которые остаются совершенно невредимыми. Экстатика и влюблённые остаются совершенно равнодушными ко всяким внешним влияниям; более того — при некоторой степени возбуждения они делаются абсолютно неуязвимыми. Какова причина этого явления? Относительно этого можно высказывать одни только предположения. Не является ли экзальтация, так сказать, аномальной деятельностью «животной силы», как утверждают теософы? Пожалуй. Ибо в состоянии экстаза мы всегда ощущаем себя в виде какой-то силы.

Годы невероятных мучений пронесли над Беатой Штурмин. Она долго и горячо боролась постом и молитвой; наконец, «милость неба» снизошла на неё. «Она снизошла на неё шумными потоками. Когда Он явился к ней, она должна была Его попросить не подавлять её столь бесконечной милостью». «Эту радость трудно выразить словами! — говорит она. — О, если бы люди, ищущие радостей жизни, ощутили хоть сотую долю того, что я испытала! Очень прискорбно, если хоть одна душа в мире не знает нашего любвеобильного Бога!» В одном месте она сама говорит: «Щедрость Бога до того бесконечна, что вместе с душой расцветает и тело моё... благодать, ниспосланная Творцом на мою душу, сообщалась и телу моему»¹. Её брат, сидя у смертного ложа её, с горечью вспоминал все те лишения, которым она подвергалась в жизни своей. Но она горячо прервала его: «Я хотела рассказать тебе о приятной встрече моей со Спасителем, которая произошла в прошлую ночь. Нет, я вполне счастлива»².

Другой человек, также обретший милость Божью, смотря в лицо Христа, воскликнул: «Отврати свои глаза от меня; они меня страстно разжигают»³.

Иоанна Элеонора Петерсен ещё в детстве своём возымела сильную любовь к Спасителю. Дело дошло до того, что она оставила должность придворной дамы при герцогине Гольштинской и отдалась всецело служению Христу. В браке своём она видела перст Божий; следует при этом заметить, что её муж также принадлежал к числу «восставших из праха»⁴.

Мистик Гихтель также пережил момент просветления. Ему казалось, что «душа его превратилась в сплошной огонь любви. Он часто припадал к груди Спасителя и ощущал при этом неопишное сладостное чувство. Вся душа его совершенно преобразилась; он чувствовал себя новым человеком. Просветлённый внутренний мир сверкал каким-то особенным блеском в глазах его». «Два года продолжалось это блаженство; любовь ко Христу была до того сильна, что больше двух часов в день он не спал; всё остальное время он проводил в горячей молитве». — «Когда в голове у него рождалась плотская мысль, что бывало очень редко, он... вдруг весь уходил и замыкался в своей любви к Христу;

¹ Kanne. *Leben und aus dem Leben merkwürdiger und erweckter Christen*. Bamberg, 1816. 1, 7-8, 13, 18, 14, 19.

² Kanne, a. a. O., I, 89, 91, 91-93, 107.

³ Kanne, a. a. O., I, 89.

⁴ Kanne, a. a. O., I, 185.

Библиотечка «Апокрифа»

пламенной молитвой и страшными истязаниями он вытравлял всякую скверну из своего мозга. Или он обращался с вызовом к искусителю: эй! ты вкуси хоть одну каплю Христовой любви! Насколько она радостнее и лучезарнее твоей скотской страсти! Соблазн тотчас же исчезал». Но ему никогда в голову не приходило, что радостное ощущение его есть не что иное, как своеобразная форма эротики, которую он так упорно подавлял в своём физическом организме.

Гихтель смотрел на женщину как на низшее существо, он видел в ней не вполне достойную подругу своей жизни. Его поклонницы часто делали ему предложения вступить в брак, но он решительно отклонял их. Правда, во время молитвы озаряла его иногда мысль, что ему необходимо жениться, ибо такова воля Божья, но всё же он упорно воздерживался от брака. С другой стороны, он окружал себя многочисленными доброжелателями, из которых Веберфельд привлекал его исключительные симпатии. «Он горел пламенной любовью» и к Юстиниану Эрнсту фон Вельцу, в котором он почувствовал такого же «ревнителя дела Божия», как и он сам. Барон Вельц отвечал ему самым восторженным чувством. «Барон был необычайно рад этой находке; дело в том, что после продолжительного и бесплодного знакомства с многочисленными теологами, которых он даже поддерживал денежными средствами, он, наконец, обрёл человека, которого искал. Мало того. Барон нашёл в нём ещё нечто большее, чем искал».

Оккультный момент в жизни Гихтеля сказывался в том, что некоторые просьбы его, обращённые к Богу, были в точности исполнены. Когда он молил Бога за других людей, очень часто получалось впечатление, что его мольба была услышана. Временами его посещали различные видения. Особенно характерно одно из них; оно явилось ему в рождественскую ночь 1673 года, когда умер его братчик Хариас. Около полудня, повествует его биограф, «он стоял на коленях перед Распятием, охваченный молитвенным экстазом... Вдруг он почувствовал сильное волнение: перед ним явился божественный образ Христа, озарённый светлой, радостной любовью. С глубоким трепетом приблизился он к Нему, и тогда его осенила мысль, что Христос пришел к нему не как друг или брат, а как нежный “муж” его души. Нежнейшая любовь вела таинственный разговор с его душой; она клялась ей в верности... Он хотел лишь поведать миру, как сильна и лучезарна любовь Христа. Но он этого не сказал и не должен был сказать, ибо этим самым он предал бы тайну своей любви»¹.

К этой же категории относится и Франке, основатель сиротского дома в Халле. Его любовь к Спасителю не лишена некоторого чувственного оттенка. Экстаз, который его часто охватывает, он сравнивает со «сладким молоком», которым «милый Авва кормит своих нежных питомцев». Эти люди говорят со своим Богом тем же детски-воркующим голосом, как обыкновенно говорят влюблённые между собою.

Видения посещали также Анну Марию Флейшерин, известную визионерку XVII века; у неё они были вызваны безнравственной репутацией, которой она пользовалась в широких слоях общества. Её переживания довольно подробно описаны фрейбургским суперинтендантом в его труде «*Beschreibung Frieburgs*». Она навлекла на себя подозрение благодаря одной очень «сомнительной» личности, которая часто навещала её. Духовник

¹ Kanne, a. a. O., II, 57-58, 62-63, 20, 98-99.

не хотел пускать её к причастию до тех пор, пока она не представит веских оправданий. Этот факт до того сильно подействовал на эту болезненную женщину, что её начали посещать различные видения. К ней явился «злой дух» и сказал: «Люди убеждены в том, что ты, безусловно, виновата. Нечего тебе искать утешения; ты нигде не найдёшь его — это ясно хотя бы из того приёма, который оказал тебе духовник. Но я хочу помочь тебе в твоей беде; для этого я потребую от тебя только одного: повторяй за мной всё, что ты услышишь от меня». Она отказалась от такого предложения, но Дьявол явился ещё раз. Стоя в это время на лестнице, она почувствовала сильный толчок и упала к порогу своего дома. Все эти припадки кажутся ей наваждением Дьявола; болезненное состояние её постепенно прогрессирует и заканчивается половой истерией. Биограф Флейшерин упоминает также о левитации, будто бы наблюдаемой у неё; но здесь мы, вероятно, имеем дело с обыкновенными прискакиваниями, вызванными сильно расстроенным состоянием истерички; подобное явление можно обычно наблюдать при пляске св. Витта.

Христина Понятович была дочерью одного ксёндза, принявшего протестантизм и переселившегося в Богемию. Она воспитывалась в самом строгом и благочестивом духе. Заметим кстати, что её отец был ярким противником Коттера; он даже писал огромные статьи против него, разоблачая всю подпочву его видений. Но Понятовичу вскоре пришлось бежать из Богемии. Наша юная героиня была принята в дом знаменитой баронессы Садовской, в котором оставалась недолго. Когда Христина покинула этот дом, её постигла страшная болезнь, которая закончилась экстазом. С тех пор на неё нападали частые и продолжительные экстазы. Сюжет видений, которые являлись ей, вращался исключительно вокруг её собственной личности; перед её глазами проносились картины божественной свадьбы и бракосочетания её с Христом. Экстатическое состояние нападало на неё как днём, так и ночью. Как она сама нередко сознавалась, её видения носили порою чувственный характер, но всё же они большею частью были проникнуты духовным содержанием.

Известная пиетистка Варвара Юлия фон Крюденер, вдохновительница «Священного союза», находилась, по словам её биографа Эйнарда, в близких отношениях с Христом. Она называла его «*mon bien aimé*» или «*le plus aimable*».

Половую мистику мы встречаем и в византийской церкви. По словам Леруа-Болье, в России существует секта «скакунов», которые устраивают по ночам собрания с танцами, доводящими людей до эротически-религиозного экстаза. Часто дело кончается гнуснейшим развратом до кровосмешения включительно.

Дервиш тоже страстно жаждет духовного общения с Богом. Песни, в которых он взывает к Аллаху, дышат страстной, пламенной любовью, ибо религиозный человек относится к Богу совершенно так же, как влюблённая невеста к своему возлюбленному. Приведём несколько строф из религиозных песен дервишей:

«Тихая грусть, грусть сладкой любви точит сердце моё; тоска смертная сомкнула вежды мои. Сердце моё надрывается: море слёз течёт из глаз моих. Счастье моё далеко. Узрю ли я Возлюбленного? Ах, если бы не разлука! Я не плакал бы так горько».

«В удел мне достались скорбные ночи; надежду оставил я. Разлука страшна. Мои слёзы, словно перлы; моё сердце — горячее пламя. Кто страдал, как я? Нет, никогда не блеснёт мне луч надежды. Ах, если б не разлука! Я не плакал бы так горько».

Библиотечка «Апокрифа»

«О, горлинка, скажи мне, что так горько ты плачешь? Скорбишь ли ты в разлуке? Или у тебя отняли твои крылья? — А она в ответ: я изнываю от тоски, тоски разлуки и любви. Ах, если б не разлука! Я не плакал бы так горько».

«О, Ты Единственный и Вечный! Прости Свою милость надо мною. У твоего раба нет другого Властителя, кроме Тебя. Скажи великому пророку Твоему, Та-Ха. Пусть он исполнит мою просьбу. Ах, если б не разлука! Я не плакал бы так горько»¹. Впрочем, ислам вообще очень удачно подменяет сексуальной момент религиозным. Мухаммед говорит, что Аллах сотворил человека из «одной капли своей спермы». «Адам же, всмотревшись в женщину, которая произошла от него, заметил, что она прекрасна. Опылённый её красотой, он овладел ею, нисколько не сомневаясь, что он таким образом совершает акт, угодный Богу. Этим он положил начало великой человеческой семье». Так говорит Аль-Китаб². Далее мы читаем: «Для Адама совокупление явилось величественным и прекрасным откровением: оно — источник бесконечных наслаждений, оно, кроме того, превращает мужчину, этот активный принцип, в творца, исполнителя воли Божьей. Вместе с тем он заметил, что совокупление является основой всякого творчества»...

В Аль-Китабе мы встречаемся со следующей аргументацией: «Вникнув несколько глубже в этот акт, мы сейчас же замечаем, что он восстанавливает первобытное единство, связывая мужчину и женщину в единую плоть. Отсюда следует, что именно этот акт служит для вящего прославления любви и могущества Всевышнего»³... «совокупление — великая и священная хвала, благородное стремление мужчины и женщины к примитивному единству, к райскому наслаждению»⁴.

Итак, повсюду мы наблюдаем один и тот же процесс развития. Элис Стокхэм, говоря о «реформированном» американском браке, замечает: «Оба субъекта при взаимном согласии достигают полнейшего удовлетворения своих желаний, не переживая ни кризиса, ни физического потрясения. Через какой-нибудь час физическое напряжение начинает заметно падать, тогда как духовный экстаз достигает самых крайних пределов. При таких обстоятельствах нет ничего удивительного в том, что начинают появляться различные видения из сферы трансцендентной жизни; мало того — очень часто человек начинает ощущать в себе пробуждение новых, дотоле неведомых сил». Мужчины и женщины, живущие «реформированным» браком, уверяют, что «души их, слитые воедино, проникаются необычайной живительной, оплодотворяющей силой, ведущей к *духовному размножению и рождению*».

Подобные явления наблюдаются у всех людей, склонных к мистицизму и фантастике. В период первой зрелости мы замечаем у людей какое-то неустойчивое состояние, колебание между религиозным и половым началом. Ещё Ослэндер в своей статье «Годы созревания» («*Die Entwicklungsjahre*») замечает: «Никогда девушка не бывает так нежна и спокойна, вместе с тем так соблазнительна и заманчива, как в период юной зрелости своей». То же самое можно сказать и о юношах. Фантастические видения, с которыми мы встречаемся у подобных людей, с внешней стороны как бы проникнуты религиозным

¹ Busch Wunderliche Heilige. Leipzig, 1879. S. 50-51.

² Paul de Regia. El Ktab, des lois secretes de l'amour, pag. 31.

³ А. а. О., pag. 34.

⁴ А. а. О., pag. 85.

содержанием; на самом же деле они таят в себе глубокую половую сущность. Это вполне подтверждается опытами Фрейда, Нэке и др.

Мне могут возразить, что в этом самопроизвольном зарождении религиозных фантазий таится какая-то изначальная религиозность, присущая данному человеку; поэтому нет ничего неестественного в том, что у подобного человека мы наблюдаем полное подавление полового влечения, победу над половым стимулом. Это возражение не лишено некоторого основания. Однако следует заметить, что все эти представления, носящие большей частью церковно-обрядовый, а не религиозный характер, очень редко выступают на почве изначальных ощущений, глубоко заложенных в природе того или иного человека. В процессе зарождения подобных идей главную роль следует отвести традиции и воспитанию. Тем не менее, нельзя отрицать и того факта, что каждому человеку до некоторой степени свойственно определённое чувство, которое, подобно половому инстинкту, настоятельно требует удовлетворения. Но это чувство отличается от полового инстинкта тем, что оно нуждается не в дополнении, равноценном себе, а в чём-то высшем, более ценном, чем оно само.

Но теперь возникает вопрос: является ли это «высшее» действительно чем-то более ценным? Обоснованно ли будет утверждать, что искупление, пережитое нами в огне религиозного экстаза, по своей ценности выше того спокойствия, которое мы приобретаем в результате сексуальной оргии? И в том, и в другом случае мы имеем дело с совершенно одинаковым фактом. Психическая удовлетворённость неизменно сопровождается физической реакцией точно так же, как физическое наслаждение не остаётся без влияния на психику человека. Вспомнимся несколько глубже — и мы увидим, что религиозный экстаз кроет в себе глубокую силу. Вспомним те великие истины, которые были созданы людьми в подобные моменты; правда, эти истины не лишены некоторого фантастического оттенка, но это несколько не умаляет их ценности. Вполне естественно, что воображение человека, охваченного глубоким сильным экстазом, созерцает предметы и отчётливее, и рельефнее; также естественно и то, что изречения подобных людей, отличаясь чрезмерной картинностью и образностью, часто кажутся нам неясными и туманными. Глубокое проникновение в сущность вещей, достигаемое экстатиками в сфере религии и искусства, имеет своей обратной стороной создание произведений социального содержания, рождённых на почве плотской любви. Но величие и блеск этих проникновенных творений человеческого духа не в состоянии утолить земной голод большинства людей. Обе ценности нуждаются во взаимном дополнении. Поэтому ошибочно будет утверждать, будто одна из них является по значению своему выше другой.

Переоценка значения психического экстаза имела самые печальные последствия; достаточно сказать, что она вызвала страшнейшую бурю негодования. Всякое вообще излишество, будь то физическое или психическое, в одинаковой степени вредно. Но всё это не играет никакой роли в оценке их философского и мистического творчества.

Теперь мы уже знаем истинную основу всякого рода экстазов, а также религиозного экстаза. Пусть это знание послужит нам на пользу и даст возможность критически оценить те требования, которые ставят людям фанатики религии. Не риторический аскетизм, а благородное подавление в себе всяких инстинктов и страстей — вот в чём заключается

благо человечества. Но тут же следует высказать пожелание, чтобы это проникновение в физиологические мотивы экстаза не умалило значения и ценности психических результатов этого состояния.

То, что мы сказали относительно отдельных мистиков, приложимо и к целым мистическим сектам; разница заключается лишь в том, что в последних материальные формы эротики получают перевес над всеми прочими. Хельмнот¹, ревностный защитник мистической идеи, предостерегает нас, однако, от многолюдных мистических собраний, в которых принимают участие лица обоих полов; подобные собрания он называет «убежищем тайного порока». Это предостережение вполне обосновано; в пользу него говорит вся история мистических союзов. Так, например, религиозные торжества секты сарабитов сопровождалась самыми отвратительными половыми эксцессами. Эта секта существовала до IX века.

Гностик Карпократ требовал для водворения Царства Божия на земле обобществления всякого имущества; отсюда вытекало отрицание частной собственности и брака. Он учил, что наслаждение есть основная цель человеческой жизни. Приверженцы его применяли эту теорию на практике². По учению павликиан, низший бог, Демиург, создал нашу землю, тогда как Отец неба создал Небесный Иерусалим. Этот высший Бог послал на землю Христа, телесность которого была лишь мнимая. Смерть его, таким образом, не была настоящей смертью, а крест является знаком не искупления, а проклятия и хитрости Демиурга, которого они отождествляют с Сатаной. Отсюда — их бесконечное пренебрежение к кресту. По тем же соображениям они нисколько не отказывались «от запретного эдемского плода», под которым понимали половое общение; совершенно напротив — в этом акте они видели освобождение от тиранического господства Сатаны³. Каиниты учили, что человек должен пройти все ступени человеческого порока, чтобы достигнуть конечной цели. По их теории, каждый порок имеет своего ангела, которого призывают в момент совершения соответствующего акта⁴.

Аналогичным было учение катаров. Они тоже признавали высшее и низшее божество, считали смерть Христа одной только видимостью; крест и для них является признаком позора. Они отрицали свободу воли, а земную жизнь считали своего рода испытанием, после которого человек вступает в высший мир, но лишь в том случае, если он вёл на земле совершенный образ жизни. Под совершенным образом жизни они понимали половое воздержание, отрицание причастия, клятвы, светской власти. У них не было обычая крестить детей; они крестили обыкновенно взрослых, причём духовным или огненным крещением. Те из них, которые не приняли ещё *consolamentum*, назывались *credentes* — верующие, все прочие — *perfecti* — совершенные, посвящённые. К посвящённым они предъявляли самые строгие требования. Плотские наслаждения и всякие иные радости жизни были им абсолютно запрещены. Это было страшно обременительно для них, тем более что посвящённые-то сами не знали, насколько им

¹ Opera omnia. Mentis eomplementum, S. 26.

² Dankmar. Ketzertum und Hexerei in ihrem kultur-historischen Zusammenhange, Uebersinnliche Welt. VII Jahrgang, 1899, Heft 2-9. S. 50.

³ Dankmar, a. a. O., S. 49-50.

⁴ Gruber. Die Ophiten. Würzburg, 1864. S. 160.

удастся противостоять всяким соблазнам. Но вот найден был выход: сектанты начали принимать огненное крещение на закате дней своих, лёжа уже на смертном одре. Этим они, конечно, обеспечивали себе «самую благочестивую кончину». Но подобный обычай повлёк за собою неприятные последствия двоякого рода. Во-первых, «верующие» потакали всем своим потребностям, не отказывая себе решительно ни в чём; ведь они знали, что последний день их жизни, день святого крещения, принесёт им искупление от всех грехов. Во-вторых, тяжелобольной, чувствовавший приближение смерти, принимал обыкновенно крещение и таким образом переходил в разряд «посвящённых»; но, оставаясь жить, он не чувствовал в себе достаточно сил следовать тому строгому режиму, который был обязателен для «посвящённых». Поэтому он предпочитал умереть с голоду, чем нарушить раз данную клятву¹. Всё это дало повод представителям церкви узреть здесь влияние Сатаны. В результате произошло то, что секта катаров, которая действительно была безукоризненно чиста, навлекла на себя подозрение в том, что она приносит половые жертвы Дьяволу.

Подобных обвинений не избежал и орден тамплиеров. По крайней мере, один из тайных союзов, существовавших в нём, подвергся самому решительному преследованию за какой-то «гнусный» обряд, который совершался в тайных собраниях его. Инквизиторы, пожелавшие во что бы то ни стало уничтожить этот орден, построили против него обвинение весьма искусно: они связали идею отрицания Христа (в чём вполне сознавались некоторые тамплиеры) с фактом существования у них различных «гнусных обрядов»; в результате такой комбинации получился, конечно, культ, насквозь проникнутый половым моментом. Правда, половое общение между членами тайного союза вполне допускалось орденскими властями; но в этом проявилась определённая степень свободы, которую власти хотели предоставить своим членам. Говоря о допустимости полового общения со своими товарищами, тамплиеры нередко прибавляют такие выражения: «если вы не в состоянии владеть собою», или «чтобы выдержать эту невозможную палестинскую жару» (кстати сказать, довольно странное оправдание), или «это гораздо лучше для престижа ордена, чем вступать в связь с женщинами» и т. д. Отсюда ясно, что эту свободу нельзя смешивать с ритуалом «*consolatis*». Этот ритуал заключается в том, что новичок должен был поцеловать тамплиера, совершавшего акт посвящения, в рот, пуп и половой член. Что касается этих поцелуев, то здесь показания тамплиеров совершенно расходятся: одни говорили, что они ни от кого подобных поцелуев не получали, другие же утверждали как раз обратное. Вообще в показаниях тамплиеров замечаются самые вопиющие противоречия. Это объясняется, вероятно, тем, что «тайные статуты», на которые ссылались обвиняемые, давали председателю капитула право в каждом данном случае изменять обряд посвящения по своему усмотрению. Правда, в устах тамплиеров все половые акты, совершённые ими, приобретали какой-то религиозный и вместе с тем оккультный характер; я же лично склонен думать, что все эти акты совершались для того, чтобы обязать новичков к абсолютному молчанию. На это указывают некоторые места из «тайных статутов».

¹ Dankmar, a. a. O., S. 52-54.

Библиотечка «Апокрифа»

В параграфах 11-13 мы находим относительно обряда посвящения следующее: «Братья..., перепоясавшись своим поясом, в назначенный час ночи собираются на заседание. По окончании пения псалма “Как вождельны жилища Твои...” капитулу докладывается, кто такой вновь принимаемый брат, как его зовут, каковы его сведения и поведение. Если все присутствующие подадут свой голос за избрание кандидата, члену-рекомендателю даётся позволение привести просителя в капитул в сопровождении двух свидетелей... Сперва заставляют кандидата... дать и подписать страшную клятву, что он под страхом вечного заключения и даже смерти будет молчать обо всём, что с ним последует при его приёме; когда клятва дана, его приводят к дверям... и заставляют раздеться... Тут же или... позади алтаря один или оба свидетеля раздеваются донага, и вводитель приказывает принимаемому поцеловать их в уста, в пупок или в нижнюю часть спинного хребта, или прямо в член. Если же принимаемый откажется сделать это, или же попытается при этом сказать... что-либо неприличное..., его следует немедленно вести в кухню или погреб, и там... убедить, как будто он действительно был принят... Если же принимаемый поцелует спокойно, серьёзно и прилично..., двери капитула перед ним открываются и он допускается к настоящему приёму.

При входе в заседание вводиателя, свидетелей и принимаемого, присутствующие поют псалом “Да восстанет Бог, и расточатся враги его...”; принимаемый склоняется перед вводителем и, положив левую руку на сердце, а правую вытянув вверх..., клянётся вечно молчать обо всём том, что он когда-либо увидит или услышит в капитуле, и... о сообщённых ему тайных статутах; клянётся также, что он верует в Бога Творца и его... Сына... который никогда не рождался, не страдал, не умирал на кресте или воскресал из мёртвых; клянётся, наконец, в ненависти и в непримиримой вражде как к мирским тиранам, так и к синагоге Антихриста, новому Вавилону, т. е. Риму, о пришествии которого возвестил Иоанн. По окончании клятвы все братья бросают на землю свои кресты, которые держали в руках, попирают их ногами и оплёвывают. То же самое приказывается сделать и принимаемому... в таком случае он окончательно принимается в среду “избранных”».

Церемония крещения, описанная в третьем отрывке «тайных статутов», в *Liber Consolamenti*, также не содержит никаких указаний на то, что половые акты совершаются с оккультной целью. Закон требует лишь соблюдения строжайшего молчания, верности и беспрекословного повиновения; кроме того, он предписывает тамплиеру, совершающему акт посвящения, «разрешить [новообращённого] ото всех грехов, а равно и от соблюдения законов, обрядов, обычаев и догматов Нового Вавилона». Далее перед новообращённым произносят три молитвы: первая — Моисеева, вторая — «Сына Марии, имя которого Иисус»; вместе с тем новообращённый надевает кольцо «в знак вечного единения с Богом, истиною и [братьями]», после чего прочитывается третья и последняя молитва — молитва Бафометова. Как видно из содержания молитвы, Бафомет — это не кто иной, как Мухаммед. После прочтения последней молитвы идол Бафомета, сделанный из дерева, а по иным источникам, из металла, совершенно обнажается; при этом все тамплиеры восклицают: «*ja allah!*», что означает «слава Божия». «Потом все братья поодиночке подходят к приёмщику, целуют идола и прикасаются к нему своим поясом. Наконец подходит и новый брат и делает то же самое. Приёмщик берёт его за обе руки и

говорит: “Ныне прославился сын человеческий, и Бог прославился в нём. Вот, братья, новый друг Божий, который может говорить с Господом, когда пожелает; воздайте Ему благодарность за то, что Он привёл вас туда, куда вы желали, и ваше желание исполнилось. Слава Господа да пребудет в духе и сердце всех нас”. Сказав это, приёмщик отпускает нового брата, и для окончания капитула начинает петь гл. 24 из Книги Иисуса, сына Сирахова, а присутствующие продолжают...»

Как видно из приведённого отрывка, либеральные идеи, а пожалуй, и более свободные нравы пустили самые глубокие корни в ордене тамплиеров. Эти идеи всецело покоятся на отрицании церковной догматики. Наличие подобных идей объясняется близостью тамплиеров к сарацинам и катарам, у которых они заимствовали некоторые церемонии, вроде опоясания, отречения от Рима и т. д. Вполне возможно, что строгие правила, предписанные тамплиерам относительно прекрасного пола, были значительно умерены под влиянием сарацин, допускавших половые акты и всевозможные эротические связи. С этих пор мы даже замечаем какое-то особенно снисходительное отношение к половым излишествами; но тут же следует заметить, что орден тамплиеров ко всему этому совершенно непричастен. Правда, со всеми этими фактами мы встречаемся в ордене тамплиеров, но они вовсе не являются особыми формами религиозного культа или отрицанием обрядов официальной церкви. Ведь сами-то «тайные статуты» говорят, что отрицание символа креста ещё не означает отрицания божественности Христа.

Правда, фон Хаммер-Пургшталь придерживается противоположного взгляда. Он ссылается на различные надписи и изречения, найденные им и Миньяром на развалинах храма тамплиеров. В своих трудах по этому вопросу — «*Mysterium Baffometis revalatum*» и «*Die Schuld der Tempeler*» — он высказывается в том смысле, что тайное учение тамплиеров носило офитический характер. К этому выводу он пришёл на основании различных рисунков, изображающих таинство огненного крещения. На одном из этих рисунков был изображён голый неопит, лежащий на горячем, пылающем костре. Хаммер утверждает, что это символическое изображение указывает на педерастические мистерии. Он приводит также одну арабскую надпись, найденную им на каком-то шкафу: «Наш род ведёт своё происхождение от огня Св. ...». Вместе с тем он говорит: «Под “просветлением” следует понимать не что иное, как половое общение; благодаря сладострастному влечению посвящённые становятся просветлёнными, крещёными. “Быть крещёным” значит вместе с тем “быть просветлённым”; это весьма легко доказать, как полагают мученик Юстин и другие отцы церкви. Офиты же под актом просветления разумели половой акт; этим-то объясняется тот грязный разврат, которым сопровождалось огненное или духовное крещение»¹. У Данкмара² мы по этому же поводу читаем следующее: «В системе офитов играет весьма значительную роль также и дитя Святого Духа; оно именуется Метом и представлено в виде существа, среднего между мужчиной и женщиной. Имя Мета, которое имеет нечто общее с именем Бафомет, было впервые раскрыто фон Хаммером по одной арабской надписи, найденной им где-то на утвари тамплиеров; там же он нашёл андрогинное изображение Мета. В руках своих Мет

¹ Mines de l’Orient (Wien, 1818), I. Bd., Mysterium Baffometis revalatum, pag. 52.

² Dankmar. Ketzertum und Hexerei. S. 218-221.

держит цепь, которая является символом производительной силы божества; над головой его распространяется сияние солнца и блеск луны; в ногах находится треножник друидов, звезда и мёртвая голова. В другом месте была найдена картина, на которой изображён Мет, принимающий поцелуи благоговения от своих поклонников. Из всего этого видно, что идол тамплиеров представлял собой низшее божество, дарующее жизнь и земные блага. Если согласиться с фон Хаммером, что символ веры позаимствован тамплиерами у офитов, тогда последовательно будет также заключить, что половое общение между мужчинами является одной из основных заповедей тайного учения тамплиеров».

Согласно учению офитов, всё зло в мире воплощено в двух образах: в лице сына Софии, Иалдабаофа, четвёртого по счёту среди восьми богов, и в лице могущественного Творца материального мира, Самаэля, который является символом змеи — родоначальницы всех злых духов. Подобно павликианской (тоже гностической) секте, они полагали, что мир наш управляется законами низшего божества, Иалдабаофа, а потому всякое нарушение этих законов является актом эмансипации от этого божества. Отсюда ясно, что всё безнравственное и противоестественное казалось им высшей мистерией человеческой страсти. Двусмысленный завет «познай себя» был истолкован таким образом, что каждый человек должен подробно ознакомиться с различными явлениями своей собственной физической природы. Змея как символ зла служила им руководительницей по пути к истинному познанию. Ведь офитические общества имели у себя приручённых змей. То же самое мы видим и на картинах тамплиеров: акт огненного крещения изображён рядом со змеей и офитическим «*crux truncata*». Этот «крест» фигурировал в двух различных ролях: во-первых, он служил ключом всякого познания, во-вторых — символом фаллоса. В последнем именно смысле крест являлся предметом почитания со стороны офитов, особенно перед «сексуальными оргиями»; эти оргии были своего рода торжеством, триумфом. Дело в том, что совершенное исцеление человека и достижение абсолютного познания происходит, по мнению офитов, путём отречения от всех тех радостей, виновником которых является Иалдабаоф; но для того, чтобы подавить в себе все плотские вожделения, необходимо вкусить и испытать их; вполне естественно поэтому, что офиты допускали всевозможнейшие формы разврата вплоть до содомии и скотоложства. Изображение подобной оргии фон Хаммер нашёл среди своих раскопок.

Но ко всем этим раскопкам следует относиться с чрезвычайной осторожностью. Придавая им серьёзную доказательную силу, мы тем самым рискуем впасть в противоречие как с общим духом «тайных статутов», так и с показаниями отдельных тамплиеров. Ведь совершенно непонятно, почему тамплиеры так единодушно и настойчиво отрицали гомосексуальный момент; а ведь необходимо заметить, что свои показания они давали совершенно свободно, нисколько не запираясь. Остаётся один выход: необходимо предположить, что в пределах тайного союза существовал другой тайный союз, который придерживался самых крайних взглядов. К нему, естественно, принадлежали высшие слои тамплиеров; в их распоряжении находились все идолы, украшенные различными символическими знаками. Итак, если гомосексуализм, действительно, практиковался в ордене тамплиеров, то, во всяком случае, в самом тесном кругу избранных; масса же оставалась совершенно непричастной к этому акту. Ей

необходимо было пройти некий иску́с, сильно окрашенный в сексуальный цвет; но этот иску́с был лишён какого бы то ни было характера культа.

И всё же союзы людей, поражённых каким-нибудь половым дефектом, несомненно, существовали; акты их извращённой сексуальности являлись знаком почитания Сатаны. В их воображении Сатана далеко не тот дьявол с высокими рогами и длинным хвостом, каким представляют себе его все люди. По их мнению, он — воплощение «возвышенного духа, великий витязь мира». Описание подобного союза мы находим в «*Song of the Devil's Oint*» — произведении, приписываемом Оскару Уайльду. Эта чрезвычайно поэтическая книга посвящена оккультизму и культу Дьявола, столь распространённому среди английских гомосексуалистов. Очень может быть, что об этом именно союзе говорит Бенедикт Фридлендер¹, утверждая, что в Америке существует тайная организация, которая стремится к освобождению от гнёта *pruderie*. В отказе от всех земных благ она черпает уверенность в будущей победе. В неё входят всевозможнейшие сторонники мужской культуры и прежде всего, конечно, гомосексуалисты.

Но и так называемая нормальная эротика очень часто приводит к возникновению различных сект. Это мы видим на примере адамитской секты тюрюпинов, пользовавшейся большой популярностью в XIV веке в Савойе, а отчасти и в Париже. Они ходили то совершенно голые, то одетые, хотя и в последнем случае они обнажали свои половые органы, в которых видели исключительный дар небес. Кроме того, они совершали половые акты самым открытым образом. Инквизиция подавила эту секту самым решительным образом. Такая же участь постигла и секту пикардистов, основанную одним пикардским крестьянином. Последний называл себя сыном Божиим, посланным на землю с возвышенной миссией восстановить естественный порядок вещей. По его мнению, порядок будет достигнут лишь в том случае, если все люди станут ходить голыми, а половое общение — вполне свободным. Тем не менее, основатель секты удержал за собою некоторое право надзора. Как-то раз один из сектантов почувствовал влечение к какой-то женщине; он обратился к своему учителю со словами «моя душа загорается при виде этой женщины»; это заявление нашло живейший отклик в душе учителя; он разрешил колебания своего ученика словами Ветхого Завета «плодитесь и размножайтесь». Изгнанные инквизицией из Франции, пикардисты направились в Богемию, где и осели на равнине вблизи лагеря Циски. Там они совершили колоссальный разбойничий набег, за который поплатились жизнью; Циска оставил в живых только двух пикардистов, чтобы узнать от них основные принципы их верования². Резко выраженным эротическим характером отличалась и секта Бонжура, основанная им в эпоху Великой французской революции. То же самое мы наблюдаем и в апостольстве Давида, этого итальянского «пророка», который, в частности, стяжал себе громкую славу своими манифестами к правительству. Как верно замечает Витри³, доктрины современной мессиады насквозь проникнуты эротикой: их пророки — явные психопаты. Тот же характер наблюдается и в польской секте мариавитов, в которой Мария Франциска Козловская является новым

¹ Mitteilungen des Bundes für männliche Kultur, Jahrg. II. Nr. 3. Mai 1908. S. 44.

² Stall, a. a. O., S. 705-706.

³ Wilry, Theodor. Historisch-Pathologisches über die Pseudomessiasse der Vergangenheit und Gegenwart.

воплощением Матери Божьей. Этот «эротический дух» очень недавно послужил причиной крупного скандала в среде упомянутой секты.

Положение дел гораздо сложнее, чем это могло казаться. Дело в том, что культ пола может родиться и чисто метафизическим путём. Крупный интерес в этом отношении представляет учение, выдвинутое Эбелем, основателем первого пиетического общества в Кёнигсберге. Человек чрезвычайно мягкий и склонный к мечтательности, Эбель состоял адъюнктом кёнигсбергской церкви, познакомился с теософскими теориями некоего Шёнхерра; заметим мимоходом, что этот Шёнхерр сам называл себя «утешителем». Свои идеи «утешитель» распространял в кругу ремесленников и мелкой буржуазии; но те же мысли можно было услышать из уст Эбеля, который преподносил их кёнигсбергскому дворянству с высоты своей церковной кафедры. Этому человеку страшно везло в жизни. Ему удалось как-то утешить графиню фон Грёбен, дочь прусского наместника, сильно скорбевшую по поводу потери своего мужа, который пал на поле битвы во время освободительных войн. Эбелю сразу улыбнулось счастье. Из адъюнкта кёнигсбергской церкви он был возведён в сан диакона, а затем и архидиакона. Он был принят в высшем кёнигсбергском обществе. Своим пламенным красноречием ему удалось овладеть вниманием этой аудитории, состоявшей из высокопоставленных лиц. С большой страстностью и одушевлением проповедовал он глубокие тайны своего учения (строго говоря, то было учение, заимствованное Эбелем у «утешителя»). Но вот случилось, наконец, то, что было вполне естественно при подобных обстоятельствах. Одна из поклонниц Эбеля узрела вдруг в нём «представителя святого, божественного начала во вселенной, совершеннейшего человека в возродившейся, новой природе её», словом, она решила, что Эбель — «совершенный Христос». Дело, естественно, дошло до того, что внутри самой церкви возник тесный религиозный кружок. Придать делу более широкие размеры было и нежелательно, и опасно, как для Эбеля, так и для его сторонников.

Самый подробный разбор теории Эбеля мы находим у профессора Сакса. Являясь горячим сторонником Эбеля и находясь в самых интимных отношениях с ним, он был знаком с его теорией до мельчайших подробностей. Впоследствии, правда, Сакс изменил своё отношение к Эбелю: из ревностного сторонника он превратился в самого горячего противника. Чем объяснить подобную метаморфозу, трудно сказать. Очень может быть, что Сакс, заняв профессорскую кафедру в кёнигсбергском университете благодаря содействию Эбеля и его друзей, счёл наиболее разумным держаться вдали от этой секты, тем более что прежний клерикально настроенный прусский наместник Ауэрсвальд был сменён фон Шёном, человеком самых либеральных взглядов. Но более правильным нам представляется предположение Диксона¹. Он говорит: «На вид Сакс был весьма изящный молодой человек; с внутренней же природой его Эбелю удалось познакомиться лишь впоследствии. Всматриваясь в нежное девичье лицо Сакса, Эбель вдруг пришёл к заключению, что в этом лице он видит скорее отражение воды, чем света. Обстоятельство это чрезвычайно понравилось Эбелю, тем более что он в то время носился с мыслью о последовательном развитии полового начала в человеке. По его мнению, наличная сексуальность человека является далеко ещё не законченной; она представляет собой

¹ Seelenbräute, deutsch von Frese. Berlin, 1868, I 140-141.

определённую стадию бесконечного процесса развития. Надо полагать, что Сакс произвёл глубокое впечатление на Эбеля тем, что он вмещал в себе дуалистические принципы его теории. Эбель очень широко использовал своё знакомство с Саксом; но и Сакс в этом отношении не отставал от Эбеля». В последних словах Диксона мы видим явное указание на эротические отношения, существовавшие между Эбелем и Саксом. Факт этот подтверждается «показаниями», которые Сакс как член кружка графини фон Каниц дал перед судом. В своей книге *«Darstellung der pietistischen Umtriebe in Königsberg»* он говорит: «Я вижу одно: судье были выданы не все бумаги, а лишь некоторые. Если бы до суда дошли все те показания, которые я изложил письменно, то он нашёл бы в них очень много сомнительных данных относительно личности Эбеля; в его поступках он, пожалуй, раскрыл бы самое гнусное мошенничество!» Но все эти «показания» имели непосредственное и исключительное отношение к половой сфере.

Половой момент занимал центральное место в религиозной системе Эбеля. По этому поводу мы читаем у Сакса следующее: «Говоря о себе, Эбель иногда высказывал такую мысль: я ни в коем случае не мог бы знать, как создан мир, если бы сам не был при этом». Как уже было упомянуто, Эбель воплощал в себе Христа, но вместе с тем он являлся прямой противоположностью Христу Назаретянину, который в силу непорочного зачатия был лишь отчасти человеком. Христос Назаретянин — это идеальный Сын Человеческий, отвергший порочность человеческой природы и запечатлевший в себе чистоту и святость возвышенного духа. «Но какова миссия этого безгрешного, святого человека? Что ему делать? Как он должен проявить свою божественную природу? Это все вопросы совершенно особого характера. Впрочем, таких вопросов вовсе быть не может. Ибо что ещё может сделать святой и непорочный человек, как не очищать или озарять лучами своей святости всех прочих людей? Какова может быть его миссия, как не озарение и святость? Ведь нам достаточно знать основные принципы той научной системы, которую исповедует данный человек, чтобы нисколько не сомневаться относительно тех целей и задач, которые ставит себе этот человек. Всё зло на земле — от Дьявола. Он ввёл в искушение второе (женское) изначальное существо, мрак, воду, и таким образом окончательно устранил влияние первого (мужского) изначального существа, огня, света; (каким же образом явился Дьявол? что его искусило? — таких вопросов человек вовсе и не ставит себе; в лучшем случае, он удовлетворяется обычным ответом: высокомерие — искусило его; человек всегда почерпает из себя ответ, когда ему это необходимо; но обратите внимание на смысл этих слов: почерпает *из себя*!). Итак, всё зло произошло оттого, что на женщину снизошло дьявольское наваждение в лице мужчины; спасение лежит лишь в том, что божественное влияние мужчины даёт женщине святость и чистоту. Таковы теоретические основы учения Эбеля; практические последствия его напрашиваются как бы сами собой. Прежде всего, необходимо оставить мысль, будто святой и непорочный Эбель призван был озарять светом своей чистоты всех женщин без исключения; своё влияние он распространял преимущественно на женщин, отличавшихся какими-нибудь выдающимися качествами своей природы. Таких женщин найти было не особенно трудно. Они большей частью шли навстречу ему и объединились в тесный кружок, центральной фигурой которого являлся Эбель. Здесь обращают на себя наше исключительное внимание три выдающиеся женщины, на которых покоились широкая

Библиотечка «Апокрифа»

популярность и колоссальное влияние Эбея: г-жа фон Грёбен — супруга его, олицетворявшая природу света, девица Эмили фон Шрёттер — вторая супруга его, олицетворявшая природу мрака, и, наконец, третья доверенная супруга его, которая являлась символом постижения (последнее выражение представляется нам особенно многозначительным; оно обыкновенно выручало Эбея в тех случаях, когда он никаких здоровых понятий в своей голове не находил). Однако Эбель нисколько не брезгал и другими женщинами, которые хоть сколько-нибудь нуждались в святости и чистоте его; всех их он удерживал при себе. Таковы, например, были: графиня фон Каниц (урождённая фон Дерсебау), Мария Консентиус и многие другие. Характер этих актов, с помощью которых женщина приобщалась к святости и непорочности, также не представлял собою чего-либо особенно сложного: во-первых, он должен был совершаться человеком абсолютно святым и непорочным, а во-вторых, объектом этого акта должен быть человек, жаждущий святости и чистоты. Способ же совершения этого акта должен быть тот, который предуказан изначальной природой. Но природа указала нам один только путь — путь половой; что касается очищения, то оно выражается в свободном и ясном сознании. Таким образом, акты эти, по природе своей половые, должны были сопровождаться различными разговорами, ибо они только свидетельствуют о наличии свободного и ясного сознания у человека. Но половой момент не следует доводить до акта зачатия, так как цель этого обряда заключалась не в зачатии, а в очищении человека от скверны земной. Словом — до момента зачатия — не дальше. Само собой понятно, что к этому акту допускались далеко не все женщины, посвящённые в тайны религиозного учения; от них требовалось, прежде всего, ясное и отчётливое представление обо всех тех грехах и половых искушениях, которым они были подвержены. Кроме того, им предписывалась абсолютная покорность и полнейшая независимость во всех своих проявлениях. Далее, не менее понятно было и то, что в этих актах не могли участвовать старухи, так как они окончательно утратили специфические отличия своей половой организации, которые никакими средствами восстановить нельзя. Мало того. Самую идею существования подобных актов скрывали от них тщательнейшим образом, так как они, по мнению Эбея, всё равно ничего не смыслят в них¹.

Итак, если святой и непорочный Эбель озарял светом своей чистоты второй изначальный элемент, т. е. женщину, в которую вселился первородный грех земли, если этот обряд очищения протекал в форме постепенно усиливающихся половых актов, доходящих иногда до момента зачатия, то невольно возникает вопрос; как поступал Эбель с мужчинами? Прямой ответ на этот вопрос будет таков: Эбель посвящал их в тайны своего учения; он заставлял их проникнуться той мыслью, что они произошли от второго изначального элемента, проникнутого смертным грехом, уверял их, что этот грех они субстанциально носят в себе; он бранил, жестоко бранил их, но вместе с тем умел и польстить им, и приободрить их, и вселить в них веру в свои собственные силы. Характернее всего было то, что Эбель действительно очень мало общего имел с мужчинами; истинными руководителями их являлись женщины. Эбель сразу понял, что мужчины представляют для него серьёзную опасность; чтобы предотвратить её, он

¹ Sachs, a. a. O., S. 282-284.

выдвинул такой принцип: здесь нет ни женщин, ни мужчин; основным началом является христианское смирение и глубокое познание; кто в этом отношении успел особенно много, тот может быть настоящим руководителем и наставником людей малосведущих и неопытных; человек, который чувствует в себе благородные, бескорыстные порывы к постижению христианской идеи, должен во всём подчиниться такому наставнику, будь он мужчина или женщина...

Итак, Эбелем был провозглашён принцип подчинения, который в конечном итоге приводит к безропотному смирению; а это-то именно было особенно важно для него. Возражение, что подобная роль женщин вселяла в них необычайное высокомерие, лишено было всякого основания, так как эти женщины в силу своей предшествовавшей жизни отличались глубоким смирением, но раз дело было поставлено так, раз мужчинам приходилось исповедоваться перед женщинами в глубочайшей испорченности и развращённости своей, то уже нетрудно себе представить, каковы были последствия подобного положения вещей. Между мужчинами и женщинами возникали такие отношения, которые резко игнорировали элементарные заветы человеческой природы, которые нисколько не считались с чувством стыда и человеческой порядочности. Но сюда присоединилась ещё одна черта. Так как эти отношения были глубоко противоестественны и резко противоречили всем разумным законам человеческой природы, то отсюда делали тот вывод, что эти отношения знаменуют собою новый порядок вещей, новые устои человеческого бытия. Чем решительнее и смелее шёл человек в этом направлении, чем бесстыдней и откровенней звучала его исповедь, тем выше стоял он в глазах других людей, тем больше святости и чистоты приписывалось ему. Всё стыдливое и застенчивое возбуждало глубокое неудовольствие; люди сосредоточивали всё своё внимание на самых бесстыдных и извращённых переживаниях своей преступной природы. В закрытых заседаниях своего кружка, которые происходили у графини Иды в замке или у графини фон Каниц в самом городе, они нередко испытывали стойкость и силу сопротивления мужчин; с этой целью в собрание являлась обыкновенно красивая женщина с обнажённой рукой и ногой. Этим самым они хотят дать собранию живой образчик тех соблазнов, которыми Сатана искушает человека. В пламенной страсти, рождённой видом этой женщины, очищается и закаляется дух благочестивых. Как далеко заходило дело в этом направлении, в точности неизвестно. Когда скандал, наконец, прорвался наружу, все они единодушно заявили, что соблазнительная внешность нисколько не смущает их, так как именно в этом лежит успех того процесса, который направлен на очищение человека от скверны земной¹. Впрочем, вопрос о том, как далеко простирался процесс «очищения», лишён для нас всякого интереса. Если даже предположить, что дело не шло дальше обыкновенной наготы и поцелуя, то всё же мы знаем, что в учении Эбеля есть один тезис, в силу которого даже совокупление считается божественным актом². Но все эти эротические эксцессы и половые акты имели значение лишь постольку, поскольку они вели человека к преддвериям святости и чистоты, а в таком случае им следует приписать и оккультное значение. Даже тот человек, который не

¹ Dixon, a. a. O., I, S. 157.

² Sachs, a. a. O., S. 322

Библиотечка «Апокрифа»

в состоянии был свергнуть с себя первородный грех, находит себе извинение в том, что жизнь заставила его «смириться перед самим собой, уверовать в страшную глубину своей греховности; что он пришёл к твёрдому убеждению в необходимости начать всё сызнова».

Но если кёнигсбергские ханжи думали достигнуть оккультного «очищения» путём бесконечного числа половых актов, не исключавших всевозможные «исповеди» и «испытания», то Генри Дж. Прайнс, основатель «Храма любви» в Спакстоне (Англия), видел в одном только половом акте освобождение человеческой плоти от разрушительного действия смерти, божественное воскресение брэнного тела¹. Занимаясь сперва хирургией, он вскоре оставил медицину, чтобы променять её на священническую рясу. Он отличался какой-то исключительной женственностью. Его первая жена, Марта Фримен, была первой учительницей и «вдохновительницей» его. Она была уже довольно стара, когда он женился на ней. Вторая же его жена была значительно старше его. Кроме Марты, глубокое влияние имели на него произведения немецкого мистика Терстегена. С глубокой страстностью усвоил он основную идею этого мистика о претворении человека в Боге; он истолковал эту идею в том смысле, что человек составляет единство с Богом не только в духовном отношении, но и в плотском. Прямым результатом подобного взгляда явилось то, что Прайнс самым решительным образом подавлял всякое самосознание. Он отказывался от всяких размышлений по поводу самых обыденных вещей; он подчинялся лишь внушению духа, которое, по его словам, озаряло его в моменты горячей, проникновенной молитвы. Наконец, Генри Прайнс предстал перед нами в виде человека, «распятого и телом, и духом; всё, что осталось от прежнего студента теологии, было лишь видимое воплощение божественного духа. Совершенно правильно заметил он Диксону: “Вы видите во мне бесконечную могучую любовь Всемогущего. Вглядитесь в меня — и вы увидите, что плотью своею я одно с Христом. Святой дух подавил во мне Дьявола. Я умер и духом вновь возродился, чтобы творить дело Божие... Цели Божии исполнены: нет больше страданий, нет больше и смерти. Величественно воспарила и вознеслась вся вселенная. Иисус пришёл на землю, чтобы подавить происки Дьявола в душе человека; я пришёл для того, чтобы сделать то же самое с человеческой плотью. Всё это исполнено не во мраке ночи, не в тайных пещерах, а путями Господа, в радостное, светлое время, благословенное Богом. В царственном откровении любви Бог примирился с человеком; плоть обрела ту вечную свободу, которую обрела в своё время и душа”.

Чтобы завершить великое дело примирения Бога с падшим человеческим существом, Прайнс объявил, что он, служитель Бога, человек, убивший в себе плоть и возродившийся к новой жизни духа, снова навлекает на себя брэнную плоть, чтобы во плоти Бог познал человека и человек — Бога. Это принесёт спасение смертным; человек очистится от греха, на него снизойдёт милость неба и откровение своего единства с Богом. Для всего этого необходима девственница, невеста агнца, молодая, прекрасная, непорочная... Эту девственницу он во имя Бога возьмёт себе в жёны, но без всякого чувства стыда и без желания скрыть это. Нет! при ярком, ослепительном блеске лучезарного утра он возьмёт её; все святые будут свидетелями его брака. Он должен взять её — такова воля Божья; он делает это, никого не спросясь; меньше всего он намерен

¹ Dixon, a. a. O., S. 273.

считаться с волей избранницы. Кого он возьмёт — он не сказал. Пусть все девушки будут наготове: никто не может знать, когда придёт жених. Он поцелует её и крепко прижмёт к себе, так что божественный дух сольётся с земной радостью и воцарится единство духа и плоти».

Наконец, был назначен день для совершения искупления. При торжественных звуках духовных песен собралась вся община, и перед нею выступил «возлюбленный» (так члены общины называли Прайнса), снова возвещая о великих путях Господа. «Мир, — сказал он, — обрёл искупление только в духовном отношении; земля же до сих пор не знает спасения. Евангелие сделало душу бессмертной, над человеческой же плотью всё ещё тяготеет проклятие. Настало время изгнать Дьявола и передать землю в руки Господа. Свет и мрак сочетаются божественным браком, небо и земля взойдут в бесконечной любви друг к другу. Новые небеса разостлались над нами; мы должны создать и новую землю, которая по красоте и великолепию своему напомнила бы новое небо. Дух воплотился во мне, возлюбленном!» — При этих словах он взял за руку мисс Патерсон, одну из сестёр общины, крепко прижал её к себе и в присутствии многочисленных свидетелей совершил с ней половой акт, который в данном случае носил ярко выраженный оккультный характер.

Диксон, побывавший в «Храме любви» и посетивший самого Прайнса, как и многочисленных поклонников его, не может достаточно подивиться тому, что все они вполне равнодушно относятся к половому акту и не видят в этом процессе ничего отталкивающего. Он никак не может понять «сестру Эллен», которая в ответ на все его вопросы говорит: «Вы плакали бы горячими, кровавыми слезами, если бы видели, как неимоверно страдал этот человек, этот чувствительнейший человек, взваливший на себя жестокое бремя страданий за всех нас». Для самого Прайнса, как и для сторонников его, половой акт являлся жертвой, правда, довольно чувствительной и болезненной. Это была та же жертва, которую приносили финикийские женщины Милитты, отдаваясь каждому гостю.

Итак, половой акт, отвергнутый всеми религиозными системами как средство удовлетворения человеческого сладострастия, вновь получает доступ в религиозный культ под видом божественного, святого действия. При таких обстоятельствах этот акт является символом, символом единства человека с изначальной вечной силой. Проникновение какой-то неизъяснимой силы, которое бессознательно проявляется в отношениях двух людей, горячо любящих друг друга, здесь выступает перед нами в ясной, сознательной форме. И этот процесс, насколько он лишен всяких преувеличений, несомненно, знаменует собою шаг вперёд в человеческом развитии.

ПОЛОВАЯ МАГИЯ

Чары любви – Половой фактор в магии – Использование органических субстанций – Половая магия у римлян – Летучая мышь как афродизиак – «Рука Христа» у словаков – Ноготки – Популярная органотерапия – Изобретение Броун-Секара – Растения, вызывающие любовь – Русские заклинания – «Запирание» – Магические операции с метлой – Саксонская магическая поэзия – Приворотные татуировки – «Околдование мужчин» – Исламский хиджаб – Астрологический любовный талисман – Современные любовные чары – Повторение формул – Елей – Сила внушения – Прямые, косвенные и противодействующие утверждения – Афродизиаки – Белладонна – Phallus impudicus – Корень мандрагоры – Травы, доставляющие женщине удовольствие – Орхидея «кукушкины слёзки» – Мексиканские растения, способствующие повышению силы полового инстинкта – Растения, способные погасить желание – Слюна для эротической стимуляции – Магия изображений – Африканское колдовство – Убийство с помощью магии – Древнеиндийские магические обряды – Магические деревянные фигурки – Магия Волос – Средневековая половая магия – Любовные чары для мужчин – Повышение потенции с помощью магии – Современные магические рецепты – Перенос свойств на предметы – Приворот на помолвку у богаджим (Новая Гвинея) – Любовные чары в Пруссии – [«Навозная аптека» Паулини] – Парацельс о магии изображений – Крещение изображений – Колдовская варка – Сивилла фон Нейшюц – Финансовые дела её матери – Обвинительное заключение в связи с убийством Иоганна-Георга III и Иоганна-Георга IV с помощью колдовства – Магические практики Нейшюц – Обвинения – Приговор – «Ведьма» Анна Маргарита Бурмейстерин – Магические знаки – Spiritus familiaris – Сущность магии изображений – Кант о материи – Рассуждения Йегера о жизни – Посредническая роль отложений протоплазмы – Опыты де Роше – Смещение чувствительности – Одические слои – Психическое взаимодействие между сомнамбулистом и намагнетизированным изображением – Астер Дэнис о своих экспериментах – Содержимое органических субстанций – Копрофагия – Узелковая магия – Преодоление наведённой импотенции и бесплодия – Наведение бесплодия – Использование менструальной крови в качестве амулета – Использование мужского семени в качестве амулета – Колдовство против венерических болезней – Колдовство в процессах, связанных с половой жизнью – Идиогамия – Jungferpergament – «Яйцо счастья» у венгров – Сексуально-магические обряды у копателей кладов – Патер Броннер о случае из своей жизни – Оценка половой магии.

¹ «Сочинение Христиана Франца Паулини “Вновь дополненная целебная навозная аптека, как именно посредством кала и мочи были счастливо излечены почти все, даже самые тяжкие, ядовитые болезни и все повреждения от колдовства, как внутренние, так и наружные, начиная с головы до ног...”», напечатанное в 1697 году во Франкфурте-на-Майне, приводится теперь почти исключительно как характерный образчик столь же грязного, сколь смешного суеверия, существовавшего двести лет тому назад... Автор этой книги, родившийся 25 февраля 1645 г., получил после многолетних медицинских занятий и далеких странствований почётное приглашение занять профессорскую кафедру в Пизе, отклоненное им только по болезни» (Герман Леберехт Штрак. Медицина Средневековья. <http://absentis.livejournal.com/28944.html>). Прим. ред.

Эротическое начало сказывается в магии ещё сильнее, чем в мистике. Мало того — эта сфера оккультизма находится под исключительным господством эротики. Рядом с чарами любви мы встречаем всевозможные комбинации половых чар. Колдовство, направленное к расторжению брачных уз, имеет своей противоположностью различные средства, способствующие повышению мужской половой человека. Ворожбе с помощью изображения возлюбленного или соперницы с целью вызвать любовное возбуждение противопоставляется ужасная манипуляция, несущая с собою гибель человеческих чувств, а иногда и вовсе смерть. Одно приходится тут же отметить: каковы бы ни были всевозможные магические операции, все они ближайшим образом касаются половой сферы. Участие сексуального момента рассматривается как вернейший залог успеха принимаемых мер; особенно верно это в применении к определённой категории магических действий. Там же, где половой момент вторгается в качестве препятствующего начала, он всячески изгоняется.

В сфере любовных чар мы различаем три группы средств, применяемых для достижения определённого эффекта. К первой группе относится внушение, ко второй — различные органические субстанции, иными словами, речь идёт о некоторых соединениях, вызывающих оккультные явления, в третью группу входят самые разнообразнейшие возбуждающие средства. Первая группа, естественно, наиболее распространена. Об этом свидетельствует множество фактов.

Римляне полагали, что пепел агамы-гардуна, приложенный к левой руке, сильно повышает половое влечение; но оно, напротив, значительно умеряется, если тот же пепел приложить к правой руке. Кровинка летучей мыши, находящаяся под подушкой женщины, вызывает в последней страстное половое влечение¹.

Померанец ещё в настоящее время глубоко верит в чудодейственную силу, заключённую в крови летучей мыши, а в Штирии девушка кладёт своему возлюбленному в вино сердечко летучей мыши². Южная славянка обмакивает панталоны своего возлюбленного в крови летучей мыши или угощает его конфетами, пропитанными этой кровью. Кроме того, она нередко даёт ему зажаренные внутренности этого животного и часто носит под левой мышкой летучую мышь, чтобы её возлюбленный окончательно обезумел от страсти³. Точно так же и гуцулка пользуется летучей мышью в своих любовных чарах. Поймав мышью, она помещает её в новенький горшок, мелко продырявленный во многих местах. Сосуд этот зарывается в глубокий муравейник. Муравьи с жадностью набрасываются на предлагаемую пищу, и когда от мыши остаются

¹ Soldan. Geschichte der Hexenprozesse. Stuttgart u. Tiibingen, 1893. S. 50.

² Hovorka u. Kornfeld. Vergleichende Volksmedizin. Stuttgart, 1908. I 80, II 175.

³ Krauss. Liebeszauber der Völker. Anthropophyteia III, S. 165-168.

одни только косточки, девушка откапывает горшок и разыскивает в нём те косточки, которые наиболее похожи на вилы или грабли. В полночь земланинец убивает сову и выбирает в ней кости, имеющие сходство с крючком или лопатой; всё прочее он закапывает под кровельным жёлобом. Гуцулка привлекает к себе молодого человека «граблями», а «вилами» она отталкивает от себя предмет своей неприязни. Для этой же цели земланинец пользуется своей «лопатой». Гуцулка умеет пользоваться также и менструальной кровью своей. Она вливает обыкновенно в настойку пару капель воды, в которой вымывает свои грязные рубахи, и этой-то настойкой она и угощает своего возлюбленного. При этом она тайно причитывает: «Как эта кровь пристала к моей рубахе, так пусть сердце твоё прильнёт ко мне в вечной любви». В Хорватии существует такой обычай: незадолго до Юрьева дня девушка, изловив лягушку, помещает её в коробку. В крышке делается маленькое отверстие, а сама коробка зарывается в муравейник. Лягушку необходимо закопать ещё до того, как она успела хоть раз квакнуть. Ибо человек глохнет, если он слышит кваканье такой лягушки. В ближайшее новолуние лягушка вновь откапывается. Девушка отрывает нижнюю челюсть и незаметно втыкает её в платье своего возлюбленного. С тех пор этот молодой человек подпадает под самое сильное влияние любовных чар этой девушки.

В Богемии существует поверье, что если расцарапать до крови руку девушки с помощью лапки квакши, пойманной в день св. Луки, то эта девушка загорается безумной страстью к тому человеку, который проделал над ней эту операцию.

Словачки называют орхидею с пальцеобразными клубнями «рукой Христа». Они глубоко убеждены, что достаточно провести этой орхидеей по голому телу возлюбленного, чтобы он оставался верен им навеки.

Весьма наивное колдовство мы встречаем у южных славян. Там девушка выкапывает землю, на которой отпечатались ноги её возлюбленного; эту землю она всыпает в горшок и засаживает туда ноготки (*Calendula officinalis*), которые по-немецки называются также цветком мертвецов, так как их обыкновенно сажают на могилах; заметим кстати, что этот цветок никогда не вянет. Как этот цветок растёт, цветёт и никогда не вянет, пусть любовь юноши к девушке расцветёт и никогда не отцветает. В противоположность этому поэтическому обычаю я приведу здесь один случай, о котором рассказывает Краусс. Одна крестьянка горячо полюбила молодого человека, стоявшего в общественном отношении значительно выше неё. Желая привлечь его к себе, она в глубокую полночь убила чёрную кошку, вырвала из неё сердце и накрошила его на мельчайшие куски. Всё это она замесила в пироге, который послала этому господину в качестве угощения к завтраку. Чтобы ожидаемый эффект действительно приключился, этот пирог необходимо было съесть натошак. Но угощение было отвергнуто. Вообще следует заметить, что средства, необходимые для пробуждения полового инстинкта, извлекаются обыкновенно из животных, отличающихся сильнейшей чувствительностью; у них берутся именно те органы, в которых сосредоточен половой инстинкт, и делается это в такое время, когда чувствительность находится на исключительно высоком уровне. Берётся сердце, семя и т. д.

Библиотечка «Апокрифа»

Влияние всех этих веществ, поскольку, конечно, устранена всякая возможность внушения, покоится, вероятно, на тех же принципах, что и органотерапия Броун-Секара. Тут в дряхлеющий организм человека вводится мошоночный сок животных, добытый путём многочисленных вытяжек. При впрыскиваниях в местах уколов наблюдается сильное болезненное воспаление. Но, несмотря на эти страдания, впрыскивания ведут к полнейшему восстановлению сил и обуславливают собою возврат к молодости. Изобретатель, сам испытывавший на себе действие своего средства, не мог нахвалиться им.

К более мягким средствам, возбуждающим любовь, принадлежат анис, аир и т. д. Словацкие девушки вплетают в свои косы костенец (*Asplenium trichomanes L.*, особая разновидность папоротника), дабы привлечь к себе женихов¹.

Папоротник приносит молодому человеку счастье в игре и успех у женщин².

Плаун (*Lycopodium selago L.*), священное растение друидов, служит в качестве средства для колдовства и словакам. Девушки вшивают его целыми пучками в свои платья, чтобы обзавестись возможно большим числом женихов. Но плаун отличается ещё одним свойством: он предохраняет³ девушек от несвоевременной беременности.

Деревенские девушки перед тем, как начать танцы, кладут себе в ботинки сухотный корень (*Arum maculatum*). При этом они говорят:

«Брошу тебя в башмачок,
Мой милый коренёк;
Спеши ко мне, дружок»⁴.

Точно так же и молодой человек должен всегда иметь при себе ноготки, завёрнутые в шёлковый фиолетовый платок, если он хочет вызвать к себе любовь девушки. Грондола⁵ и колючник (*Carlina sp.*), смешанные с красным воском, служат причиной страстного расположения девиц к молодому человеку⁶.

Вербена (*Verbena officinalis L.*) является «прекрасным растением для беспокойных супругов». Никто не устоит перед любовью к человеку, намазавшему своё тело вербеной.

¹ Novorka u. Kornfeld, a. a. O., 231, 288, 32, 160.

² Schindler, a. a. O., 188.

³ Novorka u. Kornfeld, a. a. O., 50-51.

⁴ Batranek, Aesthetik der Pflanzenwelt. Leipzig, 1853.

⁵ Определить растение по этому названию (включая различные варианты опечаток и транскрипций) и по описанным свойствам не удалось. Возможно, имеются в виду растения рода страстоцвет (*Passiflora*): многие виды его носят также название «гранадилла», а плоды одного из них (маракуйя, или гранадилла пурпурная — *Passiflora edulis*) известны как «плоды страсти». Сама маракуйя обитает в Южной Америке, однако есть виды страстоцвета, произрастающие в тропической Азии и даже культивируемые в субтропической части Европы (напр., в Средиземноморье). *Прим. ред.*

⁶ Novorka u. Kornfeld, a. a. O., II 170.

Когда у южных славян возникает семейный раздор, жена берёт яблоко и оставляет его на ночь в руках какого-нибудь умершего незаконнорождённого ребёнка. Затем она подаёт это яблоко своему мужу; тот съедает его — и мир снова восторжествовал. С той же целью она иногда заваривает в пищу выделения аиста¹. В основе этих двух обычаев лежит одна и та же мысль: ограниченная плодovitость и сексуальная неудовлетворённость всегда ведут к спорам между супругами. На это указывают слова: внебрачное дитя и выделения *аиста*.

В России все эти любовные заклинания совершаются колдунами. Андриан Вербург приводит некоторые из них. Например:

«Навстречу мне вышли семь братьев; семь братьев, семь буйных ветров. Куда вы ушли? Мы были в чистом поле, в широкой степи, мы пронесли над чахлыми травами, убогими лесами, богатыми пашнями. Придите к нам, ветры буйные, утешьте вдов-сирот и ребятишек маленьких; возьмите скорбь земную и вселите её в неукротимое сердце молодой девушки N. N. Стальным топором сердце её рубите, и пусть расцветёт в нём скорбная печаль».

А вот ещё одно заклинание:

«У моря-океана, на острове Буяне, стояло дерево; на дереве том сидело семьдесят птиц; все птицы были похожи друг на друга. Они общипывали ветки и бросали их на землю; ветки эти подбирал чёрт и уносил их к Сатане Сатановне. Вот ты где, злой дьявол! Здравствуй! Окажи мне милость: зажги сердце N. N. любовью ко мне. Моё слово крепче стали вечной!»

Боснийская девушка в Юрьев день пристально наблюдает за своим возлюбленным в скобу висячего замка; скобу она затем отворачивает, а сам замочек кладёт на большую дорогу. Этот символический акт заимствован, по-видимому, у венецианцев; дело в том, что в венецианском диалекте акт совокупления обозначается словом «*ciavar*», что значит — запирать на замок. Символизм, лежащий в основе подобной терминологии, до того понятен и очевиден, что боснийцам, по-видимому, не стоило особенно большого труда постигнуть его; отсюда само собой понятно, что для выяснения причин возникновения этого обычая вовсе не следует касаться отношений Венеции к Далмации и Нижней Боснии².

У южных славян существует такой обычай: в пятницу, совпадающую с днём новолуния, молодой человек или девушка, кладя себе под обе мышки и между ногами по три волоса, раздевается донага и, стоя перед печкой, бросает в огонь эти девять волос и бобы, причитая при этом: «Пусть он (или она) извивается в любви ко мне точно так же, как эти бобы извиваются в огне!» Иные поступают следующим образом: в пятницу до восхода солнца они собирают воду, которую делят на три части. Затем, повернув веник метлой кверху, обливают его водой в течение трёх дней: в пятницу, субботу и воскресенье. Вода стекает обыкновенно в миску, подставленную внизу. В этой воде человек умывается, произнося при этом следующее заклинание: «Господи! Зову тебя на помощь! И вас — пятница, суббота, воскресенье — вас также призываю! Пусть любовь моя течёт такими же

¹ Krauss, a. a. O.

² Novorka u. Kornfeld, a. a. O., II 187.

каплями, как эта вода, стекающая с веника!». Ту же процедуру повторяют в субботу и в воскресенье; существует поверье, что таким образом легко снискать себе взаимную любовь человека, который до того решительно отвергал её¹.

Как обстояло дело с любовными чарами в Саксонии, мы достаточно подробно знаем из показаний Анны Рёберин, арестованной в 1529 году по обвинению в колдовстве. Она чистосердечно созналась в том, что пускала в ход всевозможные колдовские средства, чтобы вернуть к себе своего мужа. «Она очутилась перед домом своей матери на берегу шумного потока. Подсев к самой воде, она возложила свои руки на поверхность её, так что бурные волны обильно орошали её ладони. При этом она приговаривала: я погружаю свои руки в холодные волны, шлю тебе, Ганс, трёх послов. Первый посол назван моим именем — Анна; вторую зовут Марией, она пойдёт к тебе третьего посланца, исполненного светлой радости и божественной любви. Ты, Ганс, возгорись пламенной любовью ко мне, ты будешь преследовать меня по пятам до тех пор, пока адская страсть твоя не удовлетворится актом обладания².

У бирманцев существует особая татуировка для возбуждения любовной страсти. Рисунок изготавливается из особой смеси, состоящей из киновари, различных других трав и раскрашенной кожи ящерицы и представляет собой два круглых пятна, расположенных в виде треугольника между глазами. Иногда, по особому совету знахаря, эти пятна наносятся на губы, часто даже на язык. Среди всевозможных любовных чар эта татуировка представляет собой единственное средство, которым пользуется девушка с целью привлечь к себе объект своей любви. Индийский эротический регламент предписывает женщине оросить желчный камень коровы своей менструальной кровью и провести им по своему лбу: это будто бы должно обворожить её мужа³.

В Китае существует тайное женское общество под названием Ми-фа-чьяо (околдование мужчин). Под руководством одной старухи, посвящённой в тайны магии, участницы этого общества знакомятся с тончайшими подробностями своей колдовской деятельности. Ночью они все отправляются к могиле какого-нибудь юноши, сохранившего целомудрие до самой смерти своей; откопав могилу, они извлекают оттуда несколько костей, которые прячут дома или носят всегда при себе. И вот когда какой-либо из их мужей в чём-нибудь не угодит им, они особым знаком отмечают на кости время рождения его, а саму кость зарывают или бросают в море. По словам фон дер Гольца, околдованный становится с течением времени сумасшедшим или идиотом; иногда он подвергается весьма тяжёлому заболеванию, которое влечёт за собою неминуемую смерть⁴.

В странах ислама очень распространён амулет, имеющий форму маленькой книжки; в ней изложены пять предписаний Мухаммеда, его биография и символ мусульманской веры. Но рядом с этим мы встречаем там различные формулы заклинаний. Вот одно из них:

¹ Krauss a. Mitrovic. Erotik und Skatologie im Zauberleben und Bannspruch. Anthropophyteia IV. S. 217.

² Weber. Aus vier Jahrhunderten. Leipzig, 1857. I 373.

³ Stoll, a. a. O., S. 115.

⁴ v. d. Goltz. Zauberei und Hexenkünste, Spiritismus u. Schamanismus in China (Mitteil, der Deutsch. Gesellschaft f. Natur- und Völkerkunde Ostasiens. 51, Heft. Bd. VI, S. 1-36). Tokio, 1893.

«Если ты хочешь, чтобы в тебя влюбилась женщина, вот тебе верное средство. Возьми бумагу и напиши на ней указанную формулу; затем обмой эту бумагу в солёной воде и натри ею свои половые органы — успех тогда вполне обеспечен. Я решительно утверждаю: отец и мать этой девушки никого слушать не будут, кроме тебя». По данным Штолля, формула эта состоит из целого ряда каббалистических знаков, среди которых можно найти и арабские буквы¹.

Астрология тоже оказала весьма существенные услуги человеческой любви; по её указаниям был создан особый любовный талисман. Последний делается обыкновенно из меди, так как этот металл присущ Венере, владычице любви, и той звезде, которая руководит любовным чувством в человеке. Для подобного талисмана можно взять первый попавшийся кусок меди, так как ценность её как металла остаётся всегда одинаковой. Конечно, по тем или иным соображениям можно один кусок меди предпочесть какому-нибудь другому. Это весьма важное обстоятельство. Дело в том, что в подобном случае творческая деятельность человека протекает под влиянием двоякого волевого импульса. Что касается формы талисмана, то она обыкновенно бывает круглая. Талисман снабжается всевозможными знаками Венеры; всё это совершается в тот день и час, которые посвящены этой планете, т. е. в пятницу, совпадающую с 20 числом месяца. Его носят обыкновенно на шее в маленьком мешочке того же цвета, что и звезда Венеры. Всё это вместе взятое отражает в талисмане волю и слово того человека, который изготовил его; оно же обеспечивает ему полнейший успех во всех его оккультных начинаниях².

Современная городская культура тоже не осталась чуждой тому роду колдовства, который именуется любовными чарами. Правда, принципы, выставленные городами, относятся к весьма далёкому времени; что касается христианской окраски их, то она является позднейшим, весьма несущественным придатком. Мы приводим текст одной формулы.

Если мужчина хочет привлечь к себе женщину, пусть напишет на бумажке следующее: «Во имя Отца, Сына и Святого Духа (однако не следует писать слова “аминь”, ибо это совершенно уничтожает действие применяемого средства). Я, N. N., люблю тебя, N. N. Ты будешь ко мне благосклонна, хотя ты теперь недоступна для меня; ты снова будешь любить меня, хотя в настоящее время ты окончательно оттолкнула меня; ты хочешь отдаться мне, хотя теперь презираешь меня». Затем бумажка сжигается до превращения её в пепел; с этим пеплом необходимо обращаться крайне осторожно, чтобы он не смешался с пеплом от каких-нибудь других вещей. Далее его всыпают в пищу или какой-нибудь напиток и подают его этой женщине; она, безусловно, полюбит этого человека, хочет она этого или нет. Или бумажка кладётся в перья подушки, на которой спит любимая женщина. Результат получится тот же самый.

Всё это может проделать и женщина, если хочет вызвать чувство взаимности в сердце любимого ею мужчины. Измена, совершённая кем-либо из супругов, уничтожается тем же способом. Разница между той и приведённой уже формулой заключается в том, что после слов: «Во имя Отца, Сына и Святого Духа» необходимо написать следующее: «Ты

¹ Stoll. Suggestion und Hypnose in der Völkerpsychologie. S. 139-140.

² Cours d'Astrologie et des clefs secrètes de magnetisme.

сохранишь полнейшую верность, хотя теперь ты жестоко изменяешь мне; твои глаза будут обращены только ко мне, хотя теперь они разбегаются на всех людях; ты будешь любить только меня, тогда как теперь ты любишь очень многих мужчин».

Если мужчина любит женщину или женщина — мужчину, причём неизвестно, насколько это чувство встречает отклик в сердце любимого человека, тогда следует поступить так: сосредоточив все свои мысли на предмете своей любви, человек среди глубокой тишины ночи произносит следующее: «Во имя Отца, Сына и Святого Духа, зову тебя, N. N., приди ко мне». Сказав это три раза, он встаёт, идёт к двери навстречу любимому человеку (как будто бы этот человек действительно входит), приглашает его сесть и начинает рассказывать ему о невероятных страданиях своих. Далее он просит дать ему какой-нибудь знак, из которого при ближайшем свидании мог бы узнать, что он не внушает никакого неприятного чувства. Всю эту процедуру он повторяет в течение трёх дней подряд. После этого любимый человек при встрече с ним даёт ему желаемый знак.

Католическая церковь придумала иной способ вызывать страсть в сердце любимого человека: целовать его устами, намазанными святым елеем¹.

Во всех описанных нами любовных чарах мы неизменно находим один и тот же момент: внушение. Действие его протекает в двух направлениях. Ему в одинаковой степени подвержены как те, которые совершают тот или иной обряд заклинания, так и те, которых хотят околдовать этим обрядом. Первые начинают ощущать в себе подъём уверенности и смелости в обращении с людьми противоположного пола; так, например, девушка недоступная делается приветливой, благоразумная — легкомысленной. Что касается вторых, то они так или иначе должны узнать о том колдовстве, которое совершается по отношению к ним, в противном случае не будет достигнут желаемый результат; если они непосредственно, при самом совершении обряда, ничего не замечают, то впоследствии всё же узнают о нём, заметив, например, в своих платьях воткнутый «крючок». Все эти церемонии, несмотря на их нелепость и бессмысленность, всё же не проходят бесследно. По этому поводу Штоль говорит: «Если принять в соображение причудливый характер тех психических состояний, которые обозначаются именем “любовь”, то вряд ли можно за этими средствами отрицать всякое вообще влияние, будь то влияние прямого или посредственного внушения»².

По своей распространённости афродизиаки несколько не уступают всевозможным средствам внушения. Правда, слово «афродизиаки» употреблено здесь не в том смысле, в каком мы это теперь понимаем. Народное поверье приписывает некоторым, даже самым безобидным растениям силу и способность вызвать в человеке любовную страсть; это преимущественно такие растения, которые по внешности своей напоминают мужские или женские половые органы. Если любовная страсть под влиянием упомянутых растений действительно всплывает наружу, то в этом следует видеть результат внушения, поддерживаемого долголетней, глубоко укоренившейся традицией.

¹ Stoll, a. a. O.

² Stoll, a. a. O.

В Галиции белладонна, или бешеная вишня (*Atropa belladonna*), употребляется во всевозможных любовных зельях. В Буковине существует такой обычай: в воскресенье на масляной неделе девушка, ищущая любви молодого человека, отправляется в сопровождении своей матери в поле с тем, чтобы отыскать бешеную вишню. Найдя её, она вырывает её и наполняет образовавшуюся при этом ямочку хлебом и солью; туда же она подливает немного водки. На обратном пути она несёт белладонну у себя на голове, причём по дороге должна всячески избегать споров с окружающими; ей запрещено даже отвечать на вопрос о том, что она несет с собой. В противном случае белладонна не окажет никакого действия. К сожалению, здесь ничего не сказано о том, как совершается в данном случае этот акт ворожбы¹.

Большой интерес вызывал *Phallus impudicus*: загадочным казался процесс его возникновения, не менее занимательны были его форма и запах. «Этот гриб выходит из земли наподобие яйца (чёртово, ведьмино яйцо), затем он подымается в виде небольшого пениса. Когда он вполне распускается, подымается страшнейший запах мертвечины, который привлекает мух в громадном количестве; мухи тут же умирают, утопая в липком соку. Пенис этот имеет вид маленькой колонки с грязной головкой, окрашенной в зелёный цвет. Получается впечатление обыкновенного эрегированного пениса, снабжённого крайней плотью. Благодаря подобной форме гриб и был издавна занесён в категорию афродизиаков. Ещё в глубокой древности употребляли его для изготовления различных любовных зелий. В средние века в нём видели вернейшее средство поднять половую потенцию мужчины (Wolfr. v. Esebenbach, Parzival XIII 643). А Маттиалис Кройбербух пишет о фаллюсе следующее: «Он укрепляет порочные органы нашего тела. Напиток из него увеличивает также количество молока у матери. Цирцейские женщины торгуют этим корнем; они готовят из него любовный напиток». Опыты, совершённые Кромбхольцем с фаллюсом, оказались совершенно безрезультатными; ни животные, ни люди не реагировали на это средство. Правда, в журнале «*Neuer Schauplatz der Natur*» (Leipzig, 1777, Bd, V) по этому поводу сказано: «Гриб вызывает сексуальное возбуждение лишь в том случае, если он вполне расцвёл и издаёт зловонный запах».

Народное поверье обратило внимание и на мандрагору (*Atropa mandragora*). Греки полагали, что это именно тот волшебный корень, с помощью которого Цирцея обратила товарищей Одиссея в свиней. Пифагор, Диоскорид и Плиний всячески расхваливали его волшебную силу. Мандрагора — это, в сущности, тот же библейский корень «дудаим», из которого Лаван делал различных идолов; Лия же пользовалась им для повышения своей плодовитости. Ценность этих идолов в средние века была необычайно велика. Пара таких идолов была у короля Рудольфа II, но они были сделаны не из настоящей мандрагоры. Говорят, что и Орлеанская дева пользовалась мандрагорой в качестве волшебного средства. Арабы ещё до сих пор видят в ней действенное любовное средство².

Этот корень, измельчённый в порошок и принятый в каком-нибудь растворе, приводил к беременности. Но его очень редко начали употреблять и в любовных зельях. Афродиту называли ещё и Мандрагоритис.

¹ Novorka u. Kornfeld, a. a. O., 421-422.

² Novorka u. Kornfeld, a. a. O., 15.

Библиотечка «Апокрифа»

В своём труде «Новый травник»¹ (*«Neues Kräuterbuch»*) Леонарт Фукс говорит следующее: «Корень мандрагоры, положенный под постель или подушку, пробуждает сильную страсть к женщине и подавляет все моменты, уничтожающие половой инстинкт». То же самое действие производит и кориандр. «Его нужно держать целую ночь в крепком вине. Но не следует особенно увлекаться им, так как он производит разрушающее действие на умственные способности человека». И льняное семя, «смешанное с перцем, пробуждает естественное влечение в человеке». Совершенно исключительной репутацией пользуются кукушкины слёзки. «Мужчины, которые употребляют этот корень, производят на свет Божий мужское потомство».

Далее мы встречаем в «Новом травнике» перечисление огромного количества растений, имеющих половое значение².

В богатейшей различными медицинскими травами Мексике мы встречаем массу растений, которые способствуют повышению силы полового инстинкта³.

Но вместе с тем Фиш приводит целый ряд таких растений, которые разрушающе действуют на органы оплодотворения.

Кровь, извлечённая с помощью надреза из тел двух супругов, скрывает в себе, по мнению многих, волшебную силу. Этой же силой отличаются печень и почки мальчика⁴. Ушная сера вместе с каким-нибудь другим жиром намазывается на хлеб и употребляется в качестве любовного средства. Сладкая слюна, размешанная в каком-нибудь напитке, также применяется как средство для повышения силы полового инстинкта. Подобную смесь очень легко приготовить, а потому ею пользуются в самых широких масштабах.

Мы теперь переходим к наиболее интересной группе любовных чар; в этой группе мы действительно встречаемся со всевозможными процессами оккультного характера. Различные процедуры с изображением любимого человека и тому подобные магические операции, усвоенные нами из практики древних веков, глубоко укоренились в психике новейшего времени. Афинские гетеры и римские девственницы отливали из воска изображения своих возлюбленных, чтобы вызвать в них чувство взаимности. Эта же цель преследовалась и при изготовлении всевозможных кукол из шерсти и других материй. Далее отдельные куски одежд, принадлежащих любимому человеку, сжигались или зарывались под порогом. Вырезая имя своего врага на металлической пластинке или прокалывая булавочкой его изображение, человек надеялся добиться его смерти. Это могло также иметь своим последствием уничтожение половой силы мужчины... Все эти церемонии, сопровождаемые самыми нелепыми формулами, были усвоены высокопоставленными лицами... Безумие Калигулы было в некоторой степени обусловлено любовным зельем, которое дала ему его жена Цезония; сластолюбивая Агриппина подсовывала своим фаворитам различные возбуждающие средства с не меньшим успехом, чем ядовитые грибы своему слабоумному мужу⁵.

¹ Basel, 1543.

² Stoll, a. a. O., 928.

³ Hovorka u. Kornfeld, a. a. O., S. 371.

⁴ Hovorka u. Kornfeld, a. a. O., 413, 313.

⁵ Soldan, a. a. O., 50-52, 57.

Подобная магия известна и так называемым первобытным народам.

Проф. Шинц рассказывает, что африканские ондонги, как и вообще все ветви народа Овимбунду, для сокрушения своего противника пользуются таким средством: сидя за горшком воды, они всматриваются в него до тех пор, пока там не появится образ врага; только тогда они начинают произносить соответствующие заклинания. Или, держа в своих руках предмет, принадлежавший их врагу, они произносят над ним целый ряд убийственных заклинаний. Поэтому человек, путешествующий по стране, закапывает обыкновенно все свои вещи, чтобы они не сделались как-нибудь объектом чародейства. По тем же соображениям они засыпают обыкновенно свои экскременты толстым слоем песка. Нечто аналогичное рассказывает Ливингстон о племени макалоло. После стрижки они тщательно собирают свои волосы и сжигают или закапывают их; они боятся, как бы эти волосы не попали в руки чародея, который причинил бы им своим колдовством сильнейшую головную боль¹.

То же самое можно сказать и о племени вандороббо, живущем в Восточной Африке. Это же поверье господствует у патагонцев и других индейских племён².

На острове Борнео одна колдунья устранила свою соперницу, сделав её изображение из воска и растопив его потом на огне. Силы соперницы убывали по мере того, как растоплялся воск³.

Индийцы племени малайя вырезают из стеблей банана человеческую фигуру и вбивают в неё бесчисленное количество гвоздей; при этом они распевают всякие чародейские заклинания. Фигуру эту они затем кладут в такое место, по которому должен пройти околдованный. Существует поверье, что у этого человека появляются тяжёлые раны в тех именно местах, в которых вбиты гвозди у деревянной фигуры. С этой же целью иногда разламывается палка или ветка; впрочем, этот обычай можно встретить и у южных славян. Чаще всего колдовство совершается с помощью кокосового ореха. В выдолбленную скорлупу ореха кладут рис, уголь, человеческие волосы, маленькие металлические пластинки и всё это бросают в колодец, принадлежащий преследуемому человеку, или закапывают на пороге его дома. Результаты подобного приёма, говорят, крайне серьёзны и значительны.

Венгерская девушка закапывает волосы своего возлюбленного у порога его дома. И она пользуется менструальной кровью в качестве вернейшего средства для пробуждения любовной страсти. Она проливает несколько её капель на печенье или фрукты, которыми затем угощает молодого человека. Вместо менструальной крови очень часто употребляется кровь, выжатая из пальца⁴. Южная славянка обмакивает сахар в менструальной крови и заваривает его в каком-нибудь блюде, которое подаёт своему возлюбленному. Если же замужняя женщина хочет снискать себе любовь своего супруга, то она берёт первое яичко, которое снесла чёрная курица. Семь дней она держит это яйцо у себя под левой мышкой. Все эти ночи она должна тщательно избегать всяких

¹ Livingstone, D. and Ch. Narrative of an expedition to the Zambesi and its tributaries and of the discovery of the lakes Shirwa and Nyassa, 1858-1864. London, 1865.

² Stoll, a. a. O., 185.

³ de Poше. L'ehvoûtement. S. 6.

⁴ Hovorka u. Kornfeld, a. a. O., II. 178-179.

соприкосновений со своим мужем. На восьмой день она из этого яйца делает пирог, который предназначается только для мужа¹. То же значение, вероятно, имеет и следующий обычай: во время родов женщина берёт к себе в кровать рыбу, которую держит до тех пор, пока рыба не умрёт. Затем она заваривает её и даёт своему мужу с тем, чтобы он воспламенился новой любовью к своей супруге. С этой же целью женщина иногда глотает семя, выделяемое её мужем.

Индийская же эротика полна всяких советов мужчинам.

«Тот человек, который после полового акта берёт в левую руку немного семени и касается им левой ноги своей жены, подчинит себе свою супругу». Далее:

«Если взять своё собственное семя, влить его в брюшко воробья, очищенное от всяких внутренностей, и смешать всё это с водой, взятой из *Euphorbia antiquorum* (растение, похожее на кактус); затем, продержав это семь дней, заварить в каком-нибудь блюде и подать женщине — то не только она восплает к нам любовью; — против этого не устоит и жена Васишти»².

Вообще следует заметить, что любовными чарами занимались далеко не одни только женщины. Как в прежние времена, так и теперь, мужчина самым энергичным образом соперничает на этой ниве с женщиной. Так, например, в Богемии молодые люди подмешивают к различным блюдам и напиткам свою сперму, а затем угощают этим любимых девушек. В Гессене, Шлезии, Ольденбурге и Бадене крестьянские парни носят у себя подмышкой хлеб или сахар; и когда он насквозь пропитывается потом, они угощают им знакомых девушек³. К сожалению, мы не можем в точности сказать, знает ли девушка о совершённой манипуляции или нет. Чтобы сильно привязать к себе молодую девушку, эти парни очень часто, особенно во время танцев, стирают с её лица пот с помощью платка, который они носят обыкновенно подмышкой.

У индийцев существуют рецепты не только для мужчин, но и для женщин. Вот один из них; он имеет своей целью повышение мужской потенции: «Отвар, приготовленный из *Asparagus racemosus*, *Asteracantha longifolia* и *Gmelina arborea* и принятый рано утром в соединении с менструальной кровью, оказывает самое выгодное действие на половую потенцию и удлиняет человеческую жизнь»⁴.

Подобные рецепты знакомы и современной женщине. Вот один из них: Чтобы вызвать к себе любовь мужчины, надо взять три кофейных боба, поместить их во влагилице и держать там до тех пор, пока они насквозь не пропитаются находящейся там слизью. Далее, поворачивая каждый боб три раза, необходимо сосредоточить свои мысли на любимом человеке, приговаривая при этом: «Он полюбит меня, он будет верен мне и ласков ко мне. Ибо один боб означает любовь, другой — верность, а третий — снисходительность». Затем все эти три боба завариваются в какой-нибудь пище, которая подаётся мужчине. Не следует, однако, никому говорить об этой церемонии; в противном случае она остаётся совершенно безрезультатной.

¹ Krauss. Liebeszauber der Völker, a. a. O., S. 165-168.

² Schmidt. Beiträge zur indischen Erotik. Leipzig, 1902. S. 918.

³ Wuttke. Der deutsche Volksaberglaube der Vergangenheit u. Gegenwart (3. Bearb. von E. H. Meyer). Berlin, 1900. S. 365-366.

⁴ Schmidt, a. a., O. 844

А вот другой рецепт: Надо положить несколько волос, принадлежащих любимому человеку, под крышку часов, на самом механизме их; тогда этим человеком овладевает страшное беспокойство, которое прекращается лишь тогда, когда он, наконец, догадается прийти к обладателю часов. Третий рецепт: В Иванов день, вечером, сорви несколько листьев сатранила¹, обмой и высуши их; затем носи их девять дней на сердце своём. Заваренные в пищу и принятые любимым человеком, эти листья оказывают самое благоприятное действие.

Среди южных славян широко распространено следующее средство: несколько волос, принадлежащих любимому человеку, заворачивают в маленькую тряпочку и носят их на голом теле, под самым сердцем. Чтобы возлюбленный пришёл, достаточно в первый день новолуния бросить эти волосы в огонь и сжечь их².

В британской Ост-Индии та же процедура совершается с помощью арекового ореха. Там в дело идёт и засохшая менструальная кровь, и отдельные частицы слизистой оболочки влагалища. Все эти колдовские вещества завариваются в блюде, составляющем смесь из арека, извести и табака; это блюдо предназначается любимому человеку³.

В Новой Гвинее мы находим такой обычай: молодой человек заворачивает в своей сигаре несколько своих волос. Затем он зажигает сигару и передаёт её своей возлюбленной. Если та выкуривает её, то чувство взаимной любви с её стороны вполне обеспечено. Процесс курения является, таким образом, особым видом любовных чар⁴.

О любовных чарах в Пруссии повествует Фрихбир. Если за ужином, после нескольких глотков вина, вытереть себе губы цветком, взятым в церкви, и подать этот цветок любимой девушке, то он обязательно пробудит в ней чувство любви. Здесь совершаются также всевозможные манипуляции с кровью и потом, подмешанными в различные напитки. Точно так же мы встречаем здесь различные отвары, смешанные с пеплом сожжённых вещей. В противовес южнославянскому обряду, мы встречаем здесь обычай подавать свой передник или носовой платок с целью вытереть руки любимого человека.

Каррихтер жалуется: «Ворожба совершается и с помощью восковых изображений; люди наносят таким образом тягчайшие раны друг другу... Этот вид колдовства весьма многообразен: Они делают восковое изображение человека, которого хотят поразить своей неприязнью. Эту фигурку они ставят на полено и стреляют в неё; для этого они всегда имеют при себе маленький лук; стреляют они обыкновенно по тем членам, которые им особенно нравятся. Попав стрелой в ту или иную часть, они тем самым поражают соответствующий орган своего врага»⁵.

Об этом типе колдовства Парацельс говорит следующее: «Если я крою в себе неприязнь по отношению к какому-либо человеку, то эта неприязнь должна быть

¹ Возможно, имеется в виду шафран (*Crocus*): «В приготовлении приворотных блюд огромное значение имеет употребление и применение специй и пряностей, ведь без них ни одно блюдо не будет иметь должного действия... Для овощных блюд лучше всего использовать шафран, кардамон, анис, имбирь» (<http://azbuka-magii.ru/post173250950/>). Прим. ред.

² Krauss. Sitte und Brauch der Südslaven. S. 167-168.

³ Novorka u. Kornfeld, a. a. O., II 179.

⁴ Hagen, B. Unter den Papua. Wiesbaden, 1899. S. 241-242.

⁵ Carrichter. Von Heylung zauberischer Schäden.

устранена с помощью какого-нибудь медиума, т. е. с помощью тела (*corpus*). Таким образом, оказывается вполне возможным, что злой дух пронзит и низвергнет моего врага без содействия тела, без меча и ножа. Сообразно моему желанию, я воплощаю дух моего противника в воске, и это изображение я уродую и калечу по своему усмотрению. Знайте, что воля обладает чрезвычайным влиянием. Ибо человек, презирающий себя и накликающий на себя всякие бедствия, может действительно подвергнуться в жизни самым страшным испытаниям, вызванным его же собственными проклятиями. Так как проклятие черпает свою силу в угнетённом состоянии духа. Поэтому вполне возможно, что изображение человека может быть проклято, что оно может быть подвержено лихорадке, эпилепсии, апоплексии и т. д... Вы, врачи, не думайте, что это шутка; вы совершенно не знаете, как велика сила, присущая человеческой воле. Ибо воля является источником таких духов, с которыми разум ничего общего не имеет»¹. В другом месте мы на ту же тему читаем следующее: «Тело сильно, но вера дважды сильна. И пусть этот пример будет тебе в назидание. Ты — материя телесная, видимая; но в тебе заключено ещё одно начало — таинственное, незримое. В то самое время, когда тело твоё действует, работает в тебе и другое, незримое начало. А потому знай: человек сделал восковое изображение своего врага, нанёс ему тяжчайшие раны, а главное — не забывай, что это изображение имеет своим источником ту таинственную черту в человеке, о которой я говорил. Невидимый в тебе незримо поразил и поверг своего врага. То, что Господь допустил до этого, является лучшим подтверждением тех возможностей, которые мы заключаем в себе; но это несколько не доказывает, что мы должны использовать все эти возможности. Кто делает это, тот искушает Бога; кто роковым образом пришёл к этому — горе его душе! Так поступают все волхвы: они разрисовывают изображение человека на стене и вбивают в него гвоздь. То же совершает и их злая воля: она вбивает незримый гвоздь в таинственную природу врага. Господь! Не допусти до этого! При помощи таких же восковых изображений околдовывают обыкновенно и женщин»².

Чтобы усилить действие этих колдовских средств, восковые изображения подвергались акту крещения, причём им давали при этом те же имена, которые носили изображаемые лица. Это «крещение» должен был совершать непременно священник; да оно так в действительности и было. В своей книге «Демонomanия» («*La Démonomanie des Sorciers*») Боден горько жалуется по поводу продажности священников. Он говорит: «Священники дают этим людям святую просвиру, *jungferpergament*; они кладут их мерзкие изображения под покров алтаря; они крестят эти изображения, которые во время богослужения покоятся на алтаре».

Далее мы читаем у Каррихтера: «Всевозможные пытки, которым чародеи подвергают людей, этим ещё не исчерпываются. Здесь мы встречаем своеобразную стряпню, которая служит средством колдовства. Этим обыкновенно занимаются служанки, покинутые своими возлюбленными. Во имя Дьявола и в угоду ему они откапывают различные коренья, заваривают их в новом, специально для этой цели купленном горшке, подмешав к этому несколько волос, принадлежащих любимому

¹ Paracelsus. Paramirum. Tract. IV, cop. X.

² Paracelsus. De catisis morborum invisibilium. Lib. I.

человеку. При этом они выкрикивают его имя. Если он почему-либо не услышит их и не придёт, то его постигает умопомешательство, а иногда и смерть».

Лучшим и наиболее достоверным примером колдовства этого рода является процесс, возбуждённый против генеральши фон Нейшюц. Она была матерью Сивиллы фон Нейшюц, любовницы Иоганна-Георга IV Саксонского. Её обвиняли в колдовстве. Обстоятельства дела представляются в следующем виде. Магдалина-Сивилла фон Нейшюц, дочь саксонского полковника, родилась 8 февраля 1675 года. Когда ей было всего тринадцать лет, она своей редкой красотой привлекла к себе внимание всего двора курфюрста Иоганна-Георга III Саксонского. Высокопоставленные лица, находившиеся при дворе, всячески добивались её руки; среди них следует особо упомянуть коменданта дворца фон Гакстаузена и графа Витцтума, любимца короля Фридриха Августа. И вдруг перед ними предстал серьёзный соперник в лице красивого, молодого кронпринца, страстно влюбившегося в эту девушку. Это обстоятельство весьма не понравилось родителям молодого кронпринца; желая покончить с этой привязанностью, они посылали его в далёкие путешествия и заставили принять участие в нескольких походах против Франции. Но вот умирает его отец, курфюрст Иоганн-Георг III. Молодой человек приобретает полнейшую свободу и самостоятельность и, не успев ещё вполне устроиться в Дрездене, открыто объявляет г-жу Нейшюц своей фавориткой. Мать курфюрста, потеряв всякую надежду на исправление сына, решила на последнее средство: брак. К сожалению, выбор её был не вполне удачен: он пал на вдову маркграфа Ансбаха, женщину, которая была гораздо старше курфюрста; что же касается её внешности, то, по свидетельству историков, она была далеко не красива, хотя осанка её была полна достоинства и серьёзной строгости. Брак был заключён в Лейпциге в 1692 году во время весенней ярмарки (большая месса) и, вопреки установившемуся обычаю, прошёл без всякой торжественности и пышности. Вместе с тем разнёсся слух, будто курфюрст удалил от себя любимую им девушку Нейшюц, назначив ей годовое содержание в 4000 талеров.

В действительности же дела обстояли не так. Через некоторое время графине Нейшюц снова представился случай убедиться в пламенной любви к ней курфюрста. Вполне понятно, что все старания её были направлены к тому, чтобы возможно сильнее упрочить своё положение. В этом ей оказывала сильную поддержку её мать. Тем временем Нейшюц, сопровождая курфюрста в поход против Франции, родила во Франкфурте девочку. Это обстоятельство ещё сильнее привязало к ней курфюрста. Однако домогательства графини Нейшюц заходили гораздо дальше. Она хотела, чтобы ей был пожалован княжеский титул; этим самым она приобрела бы возможность вступить в брак с курфюрстом. Но тут произошло одно обстоятельство, которое разрушило все планы матери и дочери: Нейшюц заболела оспой и умерла 4 апреля 1694 года. На похоронах ей были отданы княжеские почести; при благовесте всех церквей она была погребена в княжеской гробнице в придворной церкви св. Софии в Дрездене.

Но недолго пришлось горевать курфюрсту. Сидя у постели больной, он впитал в себя яд оспы. Через некоторое время он также заболел оспой, и в двадцать дней его не стало.

Со смертью курфюрста начала постепенно раскрываться таинственная роль, которую играли мать и дочь в своих отношениях к нему. Разоблачения эти вызвали бурю

Библиотечка «Апокрифа»

негодования, как при дворе, так и во всём народе. Был обнаружен факт колдовства и убийства курфюрста и его отца, Иоанна-Георга III¹.

В письме одного дрезденского советника, относящемся к тому времени, мы читаем следующее: «Вы достали где-то несколько волос, принадлежащих курфюрсту Иоганну-Георгу III, замесили их в воске или каком-нибудь другом чародейском ингредиенте и сделали маленькую человеческую фигурку. Затем, проткнув её булавкой, вы начали растоплять её на магическом огне. Этим самым вы хотели околдовать курфюрста; вы призывали всяческие проклятия на его голову; вы желали, чтобы кости его лишились мяса, чтобы его внутренности испарились, словом, вы хотели, чтобы он погиб. Вы достигли этого: через 4 дня после вашей злодейской операции он скончался. В вашей власти, конечно, было усилить или ослабить боли курфюрста; для этого вам достаточно было по своему усмотрению увеличить или уменьшить магический огонь».

И действительно, при вскрытии трупа курфюрста оказалось, что его «лёгкие отвердели; цвета они были фиолетового, смешанного с красным; в них не видно было ни одной кровинки. Сердце находилось почти в таком же положении, что и лёгкие; и в нём не видно было никаких, даже самых отдалённых признаков крови».

«Своей преступной чародейской игрой вы пробудили сверхъестественную любовь в сердце молодого курфюрста. Вы держали котёл на вечном огне и варили в нём различные колдовские снадобья. Этим вы окончательно обворожили курфюрста. И вот, когда он в своей бесконечной любви припадал к устам своей супруги, его обжигал сильнейший магический огонь и в душу его проникали ужас и смятение. Но стоило ему приласкать Нейшюц — злодейский огонь соразмерно падал, и курфюрст предавался усладе и покою».

Но этим Нейшюц не ограничилась. По совету своей матери она часто угощала курфюрста паштетом, орошённым её кровью и кровью её матери². К левому колену её был постоянно привязан маленький пучок волос, вырванных у половых органов курфюрста. В связи с процессом, возбуждённым против генеральши фон Нейшюц, была открыта могила её дочери; тут у неё на плечах нашли ленту, сотканную из волос курфюрста. В этом факте также узрели чародейскую проделку генеральши: она будто бы снабдила этим свою дочь, чтобы последняя увлекла с собой в могилу и Иоганна-Георга III. Г-жа Нейшюц замышляла подобное же злодеяние и против Августа Сильного. Но её замысел был раскрыт, и против неё было возбуждено уголовное преследование.

Далее мы приводим приговор, вынесенный по этому делу; мы, конечно, при этом опустим все те пункты обвинения, которые никакого отношения к разбираемому нами вопросу не имеют:

«Что касается колдовства, которое вменяется в вину подсудимой, то, как из собственных показаний её, так и из показаний многочисленных свидетелей, ясно видно, что она была подвержена различным суевериям, часто пророчествовала, читала по звёздам и т. д. Она верила в то, что человека не может постигнуть жестокая кара, если он увидел своего судью раньше, чем судья успел заметить его. Кроме того, у её подруги Петшафт были найдены различные письма любовного содержания и целый ряд всяких

¹ Hitzigs. Annalen der deutschen und ausländischen Criminal-Rechtspflege. Neue Folge. Leipzig, 1879. 19. Bd., 3. Hell. S. 205-240.

² Hasche. Diplomatische Geschichte Dresdens. Dresden, 1816-1817. Bd. III. S. 294.

подозрительных вещей. Надо полагать, что всё это было оставлено у подруги лишь из предосторожности. Из вещей, найденных там, особенный интерес представляют следующие: три красных мешочка, наполненных полотняными лоскутками; все эти лоскутья были покрыты густой, запёкшейся кровью; далее — три коралла, кусок пергамента, на котором были написаны какие-то неизвестные слова, портрет св. Анастасия, нарисованный на пергаменте, с подписью: «*Effigies Sancti Anastasii Mart. ord. Carm. cujus aspectu fugari Daemones morbosque curari Acta duor Concilior. fessantur*». Далее там были найдены: икона Спасителя, маленький кусок бумажки, в которую был завернут красивый цветок, и несколько кусков полотняной материи, покрытой кровавыми пятнами. Подсудимая вела знакомства с лицами, заподозренными в занятии колдовством; всех их она охотно принимала, выписывала из самых отдалённых стран и относилась к ним с величайшей теплотой и радушием. Но ближе всего она сошлась со знаменитой ведьмой, Анной Маргаритой Бурмейстерин. Щедро наделяя её различными подарками, она искала её поддержки в своих коварных замыслах. Она хотела, чтобы фон Гакстгаузен женился на её дочери, чтобы её муж, генерал Нейшюц, был возвращён к своей прежней деятельности; далее, она всячески стремилась к тому, чтобы тогдашний кронпринц Иоганн-Георг IV полюбил её дочь сильной, вечной любовью. К первому желанию её г-жа Бурмейстерин отнеслась крайне отрицательно; она утверждала, что г-н фон Гакстгаузен никогда не женится на её дочери, так как он достоверно знает, что она — продажная женщина. Что же касается всего прочего, то, по её мнению, не следует особенно торопиться; необходимо выждать момент, когда положение дел примет более благоприятное направление. Впоследствии оказалось, что через самое короткое время умер курфюрст Иоганн-Георг III.

...Показания свидетельницы Краппин также наводят на сильные подозрения. По её словам, та же участь готовилась курфюрсту Иоганну-Георгу IV. Маргарита Бурмейстерин пророчествовала ему какое-то несчастье, которое должно было его постигнуть через два или три дня. И действительно, через несколько дней курфюрст, неудачно ступив, упал, причинив себе этим страшнейшие боли. Далее был намечен день его кончины, которая должна была наступить через три года, что в действительности приключилось.

Что касается пламенной любви курфюрста к дочери подсудимой, любви, навеянной колдовскими средствами, то следует в общем заметить, что курфюрст отличался весьма рассудительным умом, что он крайне отрицательно и враждебно относился к женщине. В этом отношении и дочь подсудимой не составляла исключения: курфюрст глубоко презирал её, и все гнусные проделки, с которыми ему приходилось сталкиваться, он неизменно приписывал фон Нейшюц; так, например, когда был найден мёртвый ребёнок, курфюрст, не колеблясь, заявил, что это — дело рук его любовницы фон Нейшюц. Далее, курфюрст, вступив в законный брак со своей супругой, принял твёрдое решение удалить от себя дочь подсудимой; но выполнить это намерение ему не удалось: он не только проводил с ней большую часть времени, но посвящал ей даже целые ночи. Из показаний различных свидетелей выяснилось, что как колдунья Бурмейстерин, так и сама подсудимая, очень часто говорили: нет ничего невозможного в том, чтобы два человека, близко сошедшиеся друг с другом, воспылали бы страстной взаимной любовью. «Моя дочь, — говорила подсудимая, — находится в самых близких отношениях с одной

Библиотечка «Апокрифа»

высокопоставленной особой, но всё же это ещё нельзя назвать настоящей любовью; когда воцарится истинная любовь между ними, Бог пошлёт спасение молодому курфюрсту, а ведьма Бурмейстерин также не останется без награды». Сама фон Нейшюц показала, что Краппин велела ей принести несколько волос её дочери и курфюрста. С чародейским искусством Краппин познакомилась по известным руководствам, относящимся к этому вопросу; она, по её же собственным словам, вычитала из какой-то книги следующий совет: чтобы привязать к себе мужчину страстной, пламенной любовью, необходимо начертать на своей руке определённые знаки, специально предназначенные для этой цели. Надо полагать, что подобные знаки были начертаны и на руках дочери подсудимой; весьма вероятно, что, целуя курфюрста, она держала во рту какое-нибудь чародейское снадобье. Всё это, вместе взятое, послужило причиной того, что курфюрст страстно полюбил её и не в силах был расстаться с нею. Многочисленные показания свидетелей наводят на мысль о том, что к этому колдовскому заговору был приобщён и грацский палач, Иоганн Мельхиор Фогель. Последний дал самые подробные объяснения относительно любви, существовавшей между Иоганном-Георгом IV и фон Нейшюц, вообще он рассказывал очень много любопытного относительно поведения подсудимой и её дочери.

«Далее необходимо остановиться на том факте, что как графиня фон Нейшюц, так и сама подсудимая, носили на своей шее маленькие мешочки, наполненные так называемым *Spiritus familiaris*, что подобные мешочки они зашивали в платья, принадлежавшие сыну курфюрста. Кроме того, графиня оторвала кусок своей рубахи, забрызганной менструальной кровью, присоединила к нему ещё один кусок материи, пропитанной потом курфюрста, и отправилась в церковь св. Варфоломея в Дрездене, она свернула их там и спрятала в маленькую коробочку. Это, по мнению чародеев, должно вызвать в любимом человеке чувство взаимной страсти. В комнате жены курфюрста воскурялся волшебный фимиам, который должен был привести курфюрста к неминуемому, резкому разладу со своей супругой; были предприняты все меры к тому, чтобы внушить курфюрсту отвращение к половому сожителю с его супругой. Курфюрст нередко жаловался, что всякий раз, когда он хочет остаться со своей супругой, его охватывает такой бесконечный ужас, что он должен оставить её и вернуться к себе в комнату, так как только там к нему возвращается обычное спокойствие его.

Подсудимая обыкновенно сопровождала свою дочь по дороге в курфюрстов замок; она, по её же собственным словам, благословляла её крестным знаменем всякий раз, когда графиня должна была оставаться целую ночь с курфюрстом. Но свои колдовские проделки подсудимая не оставила и после смерти графини. Она положила в гроб своей дочери портрет и волосы курфюрста, несмотря на протесты всех придворных врачей».

«Из всего обвинительного материала, собранного по этому делу, явствует с очевидностью, что одна подданная наша совершила неслыханное злодеяние против двух первых лиц нашей страны: курфюрста и супруги его. На основании этого против неё возбуждается преследование за посягательство на существующий строй и за оскорбление верховной власти. Да совершится над ней суд по всей строгости законов наших».

К генеральше была применена пытка, которую, однако, вскоре оставили. Через полтора года она была выпущена на свободу. Поселившись в имении своего сына, она там и кончила свой бурный век.

Чтобы уяснить себе сущность того процесса, который происходит при различных операциях с изображениями людей, вспомним то место из Канта, где он говорит о материи. В статье «*Träumen eines Geistessehers*» мы читаем: «В материи, по-видимому, заложено какое-то духовное начало, тесно связанное с нею. Это начало ничего общего не имеет с теми силами, которые определяют взаимоотношение между отдельными элементами материи; оно является скорее внутренним принципом её». Каково это начало? На этот вопрос мы можем найти приблизительный ответ в исследованиях Йегера. Он установил, что последние остатки материи, отделяющиеся при процессе разложения, должны подвергнуться окислению, чтобы устранить их из всей совокупности материи и дать свободный ход тому жизненному процессу, который протекал до тех пор. При этом окислении освобождаются чрезвычайно утончённые вещества, к которым неприменимы никакие методы химического исследования. Эти вещества Йегер называет жизненным двигателем; в них он видит источник различных физических и психических состояний, вроде радости, гнева, ужаса, грусти и т. д.

Всякий раз, когда возникает определённое взаимодействие между телом и духом, эти вещества приходят в состояние крайней активности. Так, внешнее раздражение, достигшее какого-либо органа нашего тела, вызывает некоторое разложение нервной и мозговой протоплазмы; другое дело — волевой импульс, который с помощью сокращения мускулов ведёт, например, к поднятию руки. Отсюда как бы само собой следует, что возникновение этого своеобразного вещества привело в первом случае к освобождению чувственного раздражения, тогда как во втором случае оно явилось причиной воздействия волевого импульса на нервную систему.

Жизненный двигатель относится к элементам материальной природы; вместе с тем он лишён видимости и материальности химической субстанции. Его можно уловить чисто физиологическим путём; наблюдая биение пульса или дрожание руки, мы тем самым имеем дело с проявлениями жизненного двигателя. В связи с этим он должен занять совершенно особое место среди прочих химических веществ, подобно своеобразно действующим эманациям неорганических тел, которые мы не без удивления заметили на примере радия¹.

Тот факт, что в вопросе о жизненном двигателе речь идёт об отложениях протоплазмы — этой основной материальной субстанции всех органических существ, свободно обращающихся как в организме, так и вне его, — делает ещё более правдоподобным предположение о том взаимоотношении, которое существует между ним и человеческим духом².

Жизненный двигатель играет первенствующую роль во всех исследованиях, произведённых де Роше, профессором Луисом и т. п. Де Роше совершил много опытов над различными лицами, на которых навевал сомнамбулистический сон. При этом неизменно обнаруживался один и тот же факт: исчезновение кожной чувствительности. Но он вместе с тем установил, что эта чувствительность на самом деле не исчезает; здесь вокруг тела сомнамбулиста, скорее, возникает целый ряд концентрических, чрезвычайно тонких слоёв

¹ Необходимо помнить, что здесь и в других местах текста используются различные научные концепции, передовые на момент написания книги (начало XIX в.), но безнадежно устаревшие в наше время. *Прим. ред.*

² Jorden. Der Vermittler zwischen Geist und Körperorganen. Monos, Nr. 1, S. 617, Juli 1908.

Библиотечка «Апокрифа»

магнетического или, по терминологии Райхенбаха, одического характера. Сами по себе эти слои обладают большой чувствительностью, но они отделены друг от друга промежуточными зонами, лишёнными всякой чувствительности. Расстояние между двумя смежными слоями равно 3-6 сантиметрам; самый нижний слой отстоит от тела на расстоянии 1½-3 сантиметров; некоторые из них расположены на расстоянии нескольких метров от тела. Если поместить стакан воды в области того слоя, который непосредственно примыкает к телу, то при этом появляется «одическая тень» и вода, поглощающая *од*, приобретает крайнюю чувствительность. Если вода в достаточной степени насыщена *одом*, то на её поверхности появляется одический пар. Вместе с тем возникает магнетическое взаимодействие между одизированной водой и тем лицом, над которым совершается опыт: всякое прикосновение магнетизёра к воде вызывает у сомнамбулиста боль в тех частях тела, около которых находился стакан и из которых излучался *од*.

«Опыты, таким образом, вполне подтверждают как теорию Гумбольдта и Райля о нервной атмосфере, так и учение Райхенбаха об *оде*, который Месмер называл животным магнетизмом. Люди с глубокой серьёзностью заговорили о магнетизированной воде, которая в течение столетий вызывала ироническую улыбку на устах учёных. Оказалось, что феномены животного магнетизма, в которых хотят видеть результат внушения, покоятся, по крайней мере, в известной степени на почве реального одического излучения, что магнетическое взаимодействие, которое также пытались свести к явлениям внушения, обуславливается особой одической спаянностью. Ведь внушение можно себе представить лишь как воздействие одного мозга на другой; но как объяснить влияние безжизненного предмета на мозг? Роше, однако, показал нам, что не только вода, но и жирные, липкие вещества обладают способностью впитывать в себя *од* и сообщать чувствительность телу. Он поместил маленькую восковую статуэтку в сферу одической чувствительности и уколол её несколько раз иголкой; это вызвало сильную боль в тех частях тела сомнамбулиста, к которым примыкал данный слой *ода*. В голову восковой фигурки Роше вложил несколько волос, вырванных на затылке одной сомнамбулистки; эту фигурку он передал другому лицу, которое и унесло её. Затем он разбудил сомнамбулистку и начал с нею беседовать. Вдруг она схватилась за голову и вскрикнула, что кто-то тянет её за волосы. Далее был сделан такой опыт. Фотографическая пластинка была помещена в экстериоризированный слой *ода* и вместе с тем был сделан снимок с сомнамбулистки; но магнетизёр нечаянно задел иголкой фотографию — вдруг раздался страшный крик, и сомнамбулистка впала в беспамятство. Оказалось, что у неё заболела правая рука, т. е. именно то место, которое было задето иголкой на фотографии. Когда она пришла в себя, на её руке были заметны две красные царапины, которых у неё раньше не было и которые вполне соответствовали расцарапанным местам фотографии. В другой раз Роше навёл иголкой на фотографическую пластинку скрещённые руки; сомнамбулистка ударилась при этом в слёзы, и через две-три минуты появились соответствующие стигматы. Возможность внушения или самовнушения здесь совершенно исключена; дело в том, что Роше намеренно отвёл свои глаза, когда расцарапывал пластинку; кроме того, сомнамбулистка не знала, в каких местах карточка была расцарапана.

...Роше поднёс раствор глауберовой соли к руке спящей девушки; затем он велел кристаллизовать этот раствор. Лишь только это было сделано, у сомнамбулистки появилась контрактура руки, сопровождаемая сильнейшими болями. Через двенадцать дней в эту кристаллизованную массу было опущено остриё кинжала. Сомнамбулистка, находившаяся в соседней комнате, почувствовала этот укол и страшно вскрикнула»¹.

Подобные эксперименты были совершены и д-ром Джойром. Он нашёл, что субъект ощущает прикосновение к воде, содержащей в себе различные экстериоризированные вещества, но что он несколько не реагирует на свои прикосновения к стакану, который содержит в себе эту воду. По этому поводу он говорит: «Вряд ли субъект не ощущает при этом (при прикосновении к стакану) никакой дрожи. Если речь идёт о самовнушении, то именно эта дрожь должна явиться условием удачного внушения; на самом же деле, субъект ровно ничего не ощущает. Но если я погружаю в воду иголку, то этот укол сообщится данному субъекту, хотя здесь о механической или какой бы то ни было другой дрожи и речи быть не может».

Астер Дэнис, директор гипнотического института в Вербье, сообщает о своих экспериментах следующее:

«Мне посчастливилось. Мне не только удалось достигнуть экстериоризацию; я дошёл даже до колдовства, как традиционно именуется это явление. При этом я поступал таким образом. Чтобы устранить всякий изменнический шум и предвзятое мнение субъекта, я обыкновенно брал для опыта такой предмет, который не мог бы возбудить внимание его, например, печёное яблоко, которое будто бы случайно осталось на столе. Сомнамбулистка давала самые точные сведения относительно того, что я проделывал над этим яблоком: за её глазами я колол его, мял, магнетизировал и т. д. Когда она возвращалась к сознанию, я продолжал свои операции над яблоком, но делал это так, что она абсолютно ничего не знала о них. Впоследствии из её же слов я убедился, что все эти операции физически отражались на ней»².

Все эти эксперименты приводят нас к той мысли, что предметы, с которыми мы приходим в более или менее продолжительное прикосновение, приобретают нечто такое, что вызывает в нас ощущение какой-то интимной близости к ним. Это положение вполне подтверждается приведёнными уже нами примерами, взятыми из области любовных отношений. Согласно исследованиям Йегера, это «нечто» заложено в выделениях человеческого организма; им пропитаны волосы человека, его платья и все объекты его страсти. Если проделать над этими предметами какие-нибудь магические операции, то действие их, как показывают опыты де Роше, тотчас отразится на том человеке, которому эти предметы принадлежат. Что касается тех случаев, когда органические субстанции околдованного лица попадают в руки колдуна, то здесь приходится констатировать такой факт: вместе с органическими субстанциями в руки колдуна переходит жизненный двигатель, так что устанавливается определённое взаимоотношение между двумя лицами, из которых один только колдун приобретает первенствующее влияние в упомянутом процессе. В различных процедурах с изображениями человека роль внушения является

¹ Du Prel. Die sympathische Kurmethode. Zukunft. Berlin.

² Rochas. Die Exteriorisation des Empfindungsvermögens, deutsch von S. Nagel. Uebersinnliche Welt, VIII. Jahrg. 1899. Heft 1-3. S. 15, 17, 18.

крайне случайной. Вопрос о том, какие именно материальные субстанции применимы в подобных случаях, лишён для нас всякого значения. В «Молоте ведьм»¹ мы находим пример одной женщины, которая не только околдовала, но и убила трёх аббатов, о чем свидетельствуют все монахи этого монастыря. «Четвёртого она свела с ума, в чем она и призналась, причем объявила: “Я это действительно совершила и буду так поступать и впредь. Они будут продолжать любить меня, ибо они много съели моих испражнений”». Этому можно было бы противопоставить пример, приводимый Киндом². Один его знакомый, юрист, называл *faeces dominae* «манной небесной»; он вкушал эту «манну», как приятнейшие южные фрукты. Но это противопоставление ничего не объясняет. Правда, психологическая восприимчивость вполне объясняет копрофагическую *страсть*; но она не даёт никаких объяснений в тех случаях, когда человек не знает, кому принадлежат органические субстанции, попавшие в его руки. Кроме того, колдовство всегда связано с определённой личностью, чего не видно в случаях половой аномалии. Поэтому необходимо предложить здесь наличие более тесного, внутреннего взаимоотношения.

Но область половой магии далеко ещё не исчерпывается одними любовными чарами. Борин уверяет, что существует целых 50 способов, с помощью которых люди расстраивают почему-либо нежелательную свободу. С этой целью берутся ленты самых разнообразных материй; их связывают в запутаннейшие узлы, которые прячутся и зарываются вблизи того места, где живёт данный человек.

Очень часто пускают в ход иголку, которой шьют саваны. Её сгибают в колечко так, чтобы острый конец прошёл в ушко, и затем закапывают в том месте, где мочился человек, которому хотят причинить неприятность³.

Навести порчу — обряд, известный и в Вест-Индии. Идя в поход против главного города Мексики, солдаты Кортеса проходили какую-то сосновую рощу, деревья которой были увешаны различными узлами, бумажками и т. д. Им объяснили, что чародей Тлакскалы хочет навести на них порчу и лишит их мужества и силы. Это вызвало среди солдат гомерический хохот. По этому поводу Штолль замечает: «Если бы этот же обряд совершили их собственные испанские колдуны, то им, пожалуй, было бы вовсе не до смеха. Из этого примера можно видеть, каково значение этого обряда. Он, естественно, относится к категории способов внушения».

В 113 главе Корана мы находим статью о женщинах, «дующих на узлы». Эта, как и следующая, 114 глава, была, вероятно, опубликована лишь после того, как Мухаммед сам освободился от порчи, наведённой на него. По свидетельству арабского писателя Джелала, виновницами этой порчи были две еврейские девушки, которые связали для Мухаммеда верёвку в одиннадцать узлов, Джелал при этом замечает: «Они дули на эти узлы и приговаривали какие-то незнакомые слова»⁴.

¹ Deutsch von Richard Schmidt, Berlin, I. 118.

Часть I, глава 7. Текст на русском см., например, тут: <http://lib.ru/HRISTIAN/INKWIZICIQ/hexenham.txt>. В ряде случаев, однако, процитированные места не найдены в переводе. *Прим. ред.*

² Kind. Sexualwissenschaftlicher Kommentar zu C. Fr. Forbergs Apophoreta zum Hermaphroditus des Panormiten. Kop. VI.

³ Schindler, a. a. O., S. 634.

⁴ Stoll. Suggestion und Hypnotismus in der Völkerpsychologie, 216, 217.

Бесчисленны также способы поднятия половой потенции человека. Ходжа Омар Габели Абу Тунан предлагает такой совет: «Если ты хочешь пробудить в мужчине потенцию, прикажи ему совершить обычные омовения и молитвы; затем положи указательный палец правой руки на самый конец его члена, а левой рукой прикрой его живот; пусть он при этом смотрит тебе прямо в глаза. Затем, вперив в своего пациента пристальный взор, читай про себя две последние главы Корана и скажи ему громким, внятным голосом: иди! колдовство уничтожено — ты обрёл половую силу».

У южных славян существует такой обычай: если муж не способен зачать ребёнка, то жена, нарвав кленовых листов и размахивая ими над его половым органом, причитывает: «О клён, зелёное дерево! Как цветут твои почки, так пусть расцветёт и сила моего мужа!» Для этой же цели применяются также ивовые прутья¹. Если житель северной Далмации не в состоянии удовлетворить свою молодую жену, то его тёща делает вот что: она разводит огонь и нагревает на нём воду. Нагревши её, она берёт три горячих угля и бросает в эту воду. При этом все мысли её сосредоточены на тех людях, которые навели порчу на её зятя. Затем она вымывает его половой орган в этой воде, и к нему возвращается его прежняя сила².

А иногда в подобных случаях применяется следующее заклинание: в сумерки жених и невеста выходят на пашню, где пахарями оставлен плуг. Они разбирают плуг, разбрасывают составные части его направо и налево и идут вперёд, держась за руки. Разрушая плуг, они тем самым хотят раздавить силу того злого духа, который причиняет им неприятности в их любви. Одна северодалматская колдунья советует следующее: она передала одной матери, искавшей помощи для своей дочери и зятя, терновник и боярышник, чтобы дочь её сделала из этих растений маленький кружок, причём отверстие его должно быть так широко, чтобы через него мог пройти половой орган зятя. Этим отверстием он должен пользоваться в течение целых суток всякий раз, когда ему нужно будет спускать мочу. Это принесёт ему спасение. В этих случаях главную роль играют различные растения, которые являются символами духа дерева.

Часто супруги берут два мешка. Один, совершенно завязанный, они вкладывают в другой, который также завязывают; Затем они расстилают оба мешка во всю ширь и совершают на них половой акт. Этот случай следует истолковать в том смысле, что все враждебные духи глубоко запрятаны в мешках. Формулы, которые, вероятно, в своё время произносились в подобных случаях, забыты уже народом³.

В Западной Богемии существует поверье, что бедствие, ниспосланное колдовством, можно устранить, спуская мочу на старую метлу.

В Хорватии женщина, которая хочет оставаться бездетными, поступает следующим образом: во время менструации она берёт три горячих угля и тушит их в своей крови. Но если она переменит своё решение, ей достаточно бросить один из этих углей в огонь. В последнем случае она родит ребёнка ещё в настоящем году. Или она достаёт у какой-нибудь женщины шнурок, которым были перевязаны руки мертвеца в первую ночь, и

¹ Dulaure (Krauss), a. a. O.

² Krauss u. Milrović, a. a. O.

³ Dulaure (Krauss), a. a. O., S. 158.

Библиотечка «Апокрифа»

перевязывает им своё голое тело. Теперь она уже может сделать со своим мужем всё, что угодно, — у неё детей не будет.

Если невеста в будущей своей супружеской жизни не хочет рожать детей, то она в день свадьбы, во время купанья, берёт к себе в ванну висячий замок, ключик к нему и одну серебряную монету. После купанья она прячет их у себя за пазухой и отправляется на свадьбу. Она останется бездетной до тех пор, пока на те деньги, которые в своё время взяла с собой в ванну, не купит себе чего-нибудь съестного и сама этого не съест. Но если она теряет монету, то у неё детей никогда не будет.

В венгерском комитате Пешт невеста, желающая остаться бездетной, бросает во время свадьбы рис из своего свадебного венца в огонь. Или она тушит в своей крови розмарин, который, по народному поверью, служит средством предохранять от беременности. В Кремнице мать бросает запёртый замок в воду, чтобы дочь её не рожала детей. В комитате Бекеш невеста получает в руки запёртый замок, скважину которою заполняют просом. Если замок как-нибудь случайно откроется, то колдовство не удалось.

Точно так же поступает покинутый мужчина, горящий мстью к той девушке, которая отдала предпочтение другому. Он берёт висячий замок, открывает его и подкарауливает свадебный кортеж. Затем он бросает из своей засады этот замок в брачную чету. Ключик он оставляет у себя, а иногда бросает вместе с замком. Этот вид колдовства ведёт к тому, что невеста теряет способность принять семя или жених оказывается импотентом. Полное исцеление их может произойти лишь тогда, когда чародей, найдя этот замок, откроет его. Или же в день свадьбы он бросает запёртый замок в море со словами: «Когда этот замок всплывёт на поверхность моря и будет кем-нибудь отперт, только тогда удастся жениху лишить свою невесту девственности!» Мужчина теряет при таких обстоятельствах способность к половому сожителству с женой. Так же поступают и девушки.

Южный славянин всюду применяет половые чары. Должен ли он изгнать беду, хочет ли попытать счастья — во всех этих случаях он одинаково пускает их в ход. Если он боится судебного приговора, он обращается к своему половому органу и поручает ему принять кару, сваливая её таким образом с себя. Ищет ли он покупателя, хочет ли он богато жениться — всюду он зовёт на помощь половые органы. Недаром он окрестил их именем «жизнь» и «сила». Иными словами, в этом для него воплотилось решительно всё в мире.

Всё, что имеет какое-нибудь отношение к половым органам, эксплуатируется в интересах колдовства. На первом месте здесь, конечно, стоит менструальная кровь женщины. Если фруктовые деревья засыхают и не приносят плодов, то молодая женщина, вымывая во время менструации свои половые органы, обливает этой водой деревья и приговаривает: «Этим цветком вас никогда ещё не обливали! Смотрите — вот пришёл цветок, и вы пышно расцвели перед всем миром. Без цветка моего я жить не могу — и вы не живите без плодов!». Отправляясь в поле пахать, заворачивай зёрна в рубаху молодой девушки, подвергшейся первый раз в своей жизни менструации; это, согласно народному поверью, даёт богатый урожай. Или закапывай несколько булок, испечённых в менструальной крови, на пороге дома — это приносит удачу предпринимаемому делу¹.

¹ Dulaure (Krauss), а. а. О. S. 186-187.

Менструальная кровь употребляется в качестве целебного средства против всякого рода болезней: болотной лихорадки, водобоязни и т. д. Это средство действует вернее всего в тех случаях, когда женщина, у которой взята кровь, не знает, какое применение дадут этой крови; особенно целительна кровь молодой девушки, первый раз перенесшей менструацию¹.

С другой стороны, менструальной крови приписывают целый ряд отрицательных качеств. Она окисляет вино, наводит ржавчину на железо, портит посевы.

«Даже всепожирающий огонь — и тот не в состоянии уничтожить силу этой материи. Умойте пурпурную материю, намазанную пеплом её, и краска спадёт; даже цветы теряют свою краску. Сами женщины ясно ощущают на себе действие этого яда: намазанные в определённых частях пеплом этой материи, они теряют способность донашивать своих детей...»²

Большой ценностью обладает семя. Строя дом, человек возливает семя под первый камень фундамента. Если женщина хочет иметь умных, рассудительных детей, она должна взять к себе в постель мужское семя. Мужчина, желающий отвратить от себя колдовское наваждение, должен сам себя удовлетворить, приговаривая при этом: «Пусть счастье поможет мне в жизни, пусть ни одна женщина не учинит мне зла, а наслаждение я сам себе доставлю».

Южные славяне делают амулеты из половых органов животных. Яички кота носят обыкновенно в записной книжке, чтобы дело преуспевало. Козлиные яйца кладут в голубятню, чтобы предохранить себя от Дьявола. Против импотенции употребляются половые органы самых разнообразных животных: лисы, волка, оленя и т. д.³

Но если на низшей ступени культурного развития главную роль играют половые органы животных, то на высшей ступени эта роль отведена фашине (амулету). Она является предохранительным средством против разнообразнейших видов колдовства, а особенно — против «дурного глаза». Талисману этому придавали самые разнообразные формы. Рядом с самым простым изображением мужского члена мы встречаем здесь крайне причудливые комбинации, центром которых всё же является половой орган. Рука, сложенная в фигу, также являлась излюбленной формой талисмана. В Португалии фигу до сих пор ещё играет роль амулета, предотвращающего «дурной глаз» и всякие другие чародейские происки. Этот жест очень распространён во всех романских, германских и славянских землях; конечно, в повседневной жизни человек, выставя фигу, вовсе не имеет в виду спугнуть и отвратить дьявольское наваждение. Фига представляет собой соединение мужских и женских половых органов. Употребление подобных жестов и талисманов покоится на старом предрассудке, будто человек, обнажая свои половые органы, тем самым разгоняет злых духов и устраняет разрушающее влияние отъявленных чародеев⁴.

Колдовство применяется и против венерических болезней, да и вообще во всех тех процессах, которые непосредственно связаны с половой жизнью человека.

¹ Schindler, a. a. O., S. 165.

² Plinius. *Historia naturalis*.

³ Dulaure (Krauss), a. a. O., 166-178.

⁴ Dulaure, a. a. O., 65, 112. Aum.

Библиотечка «Апокрифа»

Предположим, что у девушки была менструация первый раз в жизни; она хочет несколько сократить этот процесс — для этого достаточно ей начертить своей менструальной кровью крест на щеке. Если же кто-нибудь спросит её, что у неё на щеке, то она должна ответить словами: «день и ночь!», причём она повторяет эти слова в течение такого времени, которое, по её мнению, достаточно для завершения менструального процесса. Или тотчас же после менструации она, не переводя дыхания, произносит три раза: 24 часа! 24 часа! 24 часа! В таком случае менструальный процесс у неё продолжится не более 24 часов, так как дух, вызывающий этот процесс, должен, согласно народному поверью, подчиниться повелению молодой девушки¹.

В верхней Венгрии пользуется большим распространением следующее средство против сифилиса: больной отправляется к «мудрой женщине». Она усаживает его по самой середине комнаты, лицом к открытой двери. Далее она старательно мелет воск и кладёт его в новый горшок. Это она проделывает семь раз, причём трогает больного за голову, спину, руки и ноги. Наконец, больной плюёт в горшок и вместе с колдуньей отправляется к ручью; тут он раздевается и голый входит в воду. Тем временем женщина льёт больному на голову воду и при этом приговаривает: «Во имя Отца, Сына и Святого Духа — Аминь! Господи — избави раба Твоего от тяжкой болезни», — затем она бросает горшок в воду; но она должна постараться сделать это так, чтобы течение унесло его от больного.

Тунисские арабы в подобных случаях поступают таким образом: они делают из свинца маленькое изображение своей жены, надписывают на нём её имя, имя её матери и Таира, покровителя этой болезни. Это изображение они держат некоторое время перед огнём и затем зарывают его где-нибудь на старом кладбище. Этим дело и кончается — араб глубоко убеждён, что ни у него, ни у жены его нет больше сифилиса².

Часто думают вылечить триппер или сифилис с помощью полового акта с юной, непорочной девушкой. В этом, несомненно, заключается определённый оккультный момент. Дело в том, что человек, вступая в связь с непорочной девушкой, глубоко уверен в том, что эта чистота перейдёт на него и подавит в нём результаты его прежней порочной жизни.

Один старый немецкий автор рекомендует следующее средство против поллюций: «Попроси какого-нибудь совершенно целомудренного юношу собрать для тебя щавелевые семена и носи их всегда при себе — ночные поллюции у тебя сразу прекратятся. Если ты даже до того обессилен, что семя у тебя выделяется и не во время сна, то послушайся моего совета — он тебе принесёт большую пользу». Богемские немцы ещё до сих пор пользуются этим средством.

В Пруссии мальчики, страдающие грыжей, должны три раза пройти сквозь молодой дубовый ствол, расщеплённый надвое. Когда дерево совершенно срастается, проходит и болезнь. Этим обрядом хотят перенести страдания мальчика на дерево. Грыжа, понятно, не единственная болезнь, которая лечится подобным образом³.

¹ Krauss u. Milrović, a. a. O., 175-176.

² Novorka u. Kornfeld, a. a. O., II, 158, 161.

³ Ebluda, II, 148, 57.

Когда у хорвата заболевает ребёнок и есть основание предполагать, что эта болезнь явилась результатом дурного глаза, колдовства и т. д., то поступают таким образом: отец и мать срезают у себя несколько волос, растущих в области половых органов и подмышками. При этом необходимо соблюдать такой порядок: сперва срезают под правой подмышкой, затем с левой стороны половых органов. В противном случае колдовство окажется безрезультатным. То же самое проделывает и жена. Волосы эти кладут на горящие угли, раскуривают их около больного, причитывая при этом: «Прочь, злой дух! Тебе здесь не место! Отец и мать... создали эту жизнь, защищают её и гонят всякое зло от неё! Прочь, злой дух! Здесь не место тебе!» Эта формула повторяется три раза. Основной смысл этого обряда заключается в том, что дитя, рождённое их «силой» и «жизнью», не может умереть, раз оно защищается различными частями, взятыми из сферы той же «силы» и «жизни»¹.

Все эти колдовские церемонии покоятся всецело на внушении. Что касается вопроса об импотенции, то, кроме различных физических и психических факторов (как то: боязни околдования, мысли об измене своей прежней возлюбленной), здесь следует принять во внимание ещё один психический момент, который Мантегацца называл «идиогамией»². «Сущность идиогамии заключается в том, что мужчина может удовлетворить только одну женщину или нескольких определённых женщин, по отношению же ко всем остальным он является совершенным импотентом». Так как и в деревне браки очень часто заключаются далеко не по любви, а в силу соображений материального характера, то весьма нередко бывает так, что жених является полнейшим импотентом по отношению к своей невесте. Подобные факты рассматриваются как обыкновенные случаи колдовства. Дело в том, что простой человек несколько не представляет себе, как велика сила отвращения и антипатии, заложенная в нём; он глубоко убеждён, что его мужественность не знает никаких границ. Чтобы свергнуть с себя это проклятие, необходимо заняться колдовством. Спасение придёт лишь тогда, когда человек будет глубоко уверен в действенности применяемого им чародейского средства. В противном случае, необходимо пустить в ход другое заклинание. Строго говоря, к тому же заклинанию прибегает и терапевт в своей борьбе со случаями «идиогамии»; разница заключается лишь в том, что он прекрасно понимает сущность применяемого им метода, к тому же метод его строго научного характера.

В область сексуальной магии входит и изготовление тонкой облатки, *jungferpergament*. Особенно подробно разработал эту область Калиостро. К нему нередко обращались люди с вопросом, как продлить человеческую жизнь; всех их он снабдил чрезвычайно обстоятельными рецептами по этому вопросу. Но здесь дело не исчерпывается одним только продлением жизни; «яйцо счастья» приносит много других радостей в жизни.

Венгры готовят это яйцо следующим образом: мужчина берёт яйцо, делает в нём маленькое отверстие и тщательно выливает оттуда белок. Затем он вливает туда несколько капель своей спермы, законопачивает отверстие гипсом или воском, а само

¹ Kraus u. Milrivic, a. a. O., 168.

² Zeitschrift für Sexualwissenschaft, Jahrg I. № 4, April 08. S. 224.

яйцо кладёт под наседку. Через 21 день это яйцо каменеет. Если коснуться этим яйцом какого-нибудь предмета, то это приносит счастье его обладателю. Но с этим яйцом необходимо обращаться крайне осторожно. Если оно ночью как-нибудь попадёт в воду, тогда всё пропало: человек умирает или теряет рассудок¹.

Сексуально-магические обряды весьма распространены и среди копателей кладов. Эти обряды совершаются здесь с целью найти клад, тщательно охраняемый всякими духами. Патер Броннер рассказывает нам о подобном случае из своей жизни. Раз как-то его позвали к месту, где откапывали клад. На вопрос, какова цель его пребывания здесь, он получил такой ответ: чтобы найти клад, необходимы три вещи — библия, юная девственница и духовное лицо, не имевшее никогда общения с женщиной. Священник, раздевшись донага, должен отслужить мессу; тем временем девушка, также совершенно голая, стоит на алтаре, покрытом тонким слоем земли. Землю эту должны откопать священник и девушка после прочтения соответствующего места из библии. После мессы землю следует разбросать в том месте, где лежит клад; туда же идёт девушка, за ней следует священник, который должен освободить её от уз девственности. Этим актом символизируется расторжение уз, связывающих клад с землёю. Теперь откопать этот клад уже не представляет особенного труда.

Всё сказанное нами о половых и любовных чарах нисколько не исчерпывает области половой магии; мы только приблизительно наметили границы её. Нарисовать подробную картину этих явлений было бы нецелесообразно. Помимо всевозможных повторений, которые неизбежно попадались бы в ней, она имела бы ещё и другие отрицательные результаты: отдельные детали отодвинули бы от нас общее, а глубокое и содержательное было бы подавлено массой бессмысленного и нелепого. Взятая как целое, половая магия вряд ли может похвастаться какой-нибудь положительной чертой. В противовес половой мистике, откровения которой блещут подчас истинной мудростью и красотой, половая магия не только ничего не создаёт — она всё разрушает. Даже те случаи, когда два человека вовлекаются в процесс взаимного колдовства, неминуемо влекут за собою зло. Ибо принуждение — это основное ядро всякого волшебства — является несчастьем для той или другой стороны. Магия редко приносит человеку спасение. Ибо она вся основана на силе. Но что такое сила в руках человека, не сумевшего себя осилить? Ответ здесь может быть один: она — зло.

¹ H. v. Wislocki. Volksglaube und religiöser Brauch der Magyaren.

КОЛДОВСТВО

Колдовство — предрассудок не только христианства и средневековья – Зенд-Авеста и Пятикнижие о колдунах – Орфеотелесты Греции – Греческие процессы против ведьм – Фессалийские ведьмы – Римские странствующие жрецы – Первый указ о полнейшем запрещении всяких колдовских церемоний в 887-893 г. н.э. – Предшественники ведьмина шабаша – Дионисии и вакханалии – Минуций Феликс рассказывает небылицы о христианском культе – Описание карпократиан – Освобождение от уз Римской церкви у катаров – Катарская община – Булла Григория IX – Подлинная основа ведьмина шабаша – Майские торжества в Германии – Находка близ Мёмпельгарда – Дьявольские празднества – Спина о тайных собраниях дьяволопоклонников – Влияние гностических теорий тамплиеров – Благородные дамы — первые ведьмы – Ведьмы и «ведуньи» – Чародеи и колдуны – Дьявольский союз и любовная связь с Дьяволом – Дьявольское отречение – Духовные и социальные условия во время повального увлечения ведьм – Экономические условия средневековья – Появление массовых психозов – Дикие пляски – Флагеллантство – Деспотизм дворянства и духовенства – Дьявольское начало и Христово учение – Обращение к колдовству – Церковь наизнанку – Извращение всех принципов и символов церкви на ведьминоном шабаше – Посвящение в колдовские мистерии – Дьявольский жених – Воображаемые приключения – Медиумическое «общение с духами» – Сексуальное обольщение — первый толчок к заключению союза с Дьяволом – Показания ведьм – Суд над ведьмами в Ройтлингене – Ведьмины полёты – «Общность душ» на «астральном уровне» – Коллективизм средневековья – Ночные путешествия ведьм – Парацельс о воображении –Порта о гипнотиках – Влияние ведьминой мази – Опыты Кизеветтера с ведьмиными мазями и зельями – Связь опиума и гашиша с колдовством – Мухомор как наркотик – Наркотические курения – Психически аномальные состояний – Noctium phantasmata (ночные призраки) – Вера в вурдалаков – Процесс оборачивания – «Леший» – Шабаш оборотней – Визионарный выход волков-оборотней – Ясновидение зоантропов – Солидарность между волком и волком-оборотнем – Патологические изменения – Ликантропия и садизм – Атавизм психического характера – Демонические стигматы – Вера в вампиров – Португальская брукса – Гули Востока – Тимпаниты православной церкви – Вампиризм как болезнь: психическая эпидемия – Подчувственная связь – Растительная жизнь вампира – Мэйо об «экстазе смерти» – Вампирическая эпидемия – Половой момент веры в вампиров – Вампирические сновидения – Сатанинское начало в человеке – Чёрные мессы – Гюисманс и Пшибышевский – Лео Таксиль – Чёрная месса маркизы де Монтеспан – Порочность эстетической мечтательности – Влияние демократии – Обесценивание.

В колдовстве связь между оккультизмом и сексуальностью особенно разительна. Я хочу тут же заметить: колдовство и вера в него является глубоким человеческим предрассудком, свойственным не одному только христианству и средневековью. Пышный расцвет колдовства в средние века объясняется исключительно социальным неустройством, столь характерным для того времени.

Уже Зенд-Авеста и Пятикнижие жестоко громят колдунов, не принадлежащих к официально признанному жречеству. Этим преступных соперников необходимо было устранить во что бы то ни стало. С этой целью было официально объявлено, что они несут с собою в мир зло и проклятие. К этому средству очень часто прибегала христианская церковь в своей борьбе с различными сектами. Парсы до сих пор справляют праздник избиения магов (дозороастрово жречество); левиты не могут в достаточной степени нахвалиться той решительностью, которую проявляли цари в истреблении жрецов Ваала и всех прочих посягателей на веру Иеговы. Страшное подозрение тяготело над жрецами и целыми общинами, отвергавшими государственный культ; их общим уделом была смерть.

Особенно дурной славой пользовались в Греции орфеотелесты; отношение к ним официально признанного жречества было проникнуто исключительной враждебностью. Эти жрецы — главари секты орфиков, слившейся с сектой пифагорейцев, — странствовали по всей Греции и провозглашали перед народом тайны своей мудрости. Они исцеляли самые серьёзные, неизлечимые болезни, вроде эпилепсии, умопомешательства и т. д., отпускали людям грехи; предотвращали зло и проклятие. Врагов своих они низвергали различными колдовскими формулами и заклинаниями; они даже похвалялись, что в состоянии сорвать луну с неба, помрачить солнце, вызвать бурю и непогоду, дождь и засуху. Их церемонии и заклинания сопровождалась жертвоприношениями и танцами, доходившими иногда до крайних пределов полового излишества. Впоследствии против орфеотелестов пошли всякие преследования и гонения. Подобной участи не избегли и люди более возвышенных взглядов; даже Сократ, обвиняемый в том, что он будто бы отрицал богов своей родины, — и тот поплатился своей жизнью. Аналогичное явление приключилось с одной чужестранкой; она подверглась преследованию за различные преступления: отрицание государственного культа, подстрекательство афинских рабов и колдовство. Делрио и другие исследователи процессов против ведьм стараются возможно шире использовать этот случай. Все они выдвигают его в качестве неопровержимого доказательства в пользу того, что эти процессы были очень многочисленны даже в древние века. От себя заметим, что этот вывод вовсе не лишён оснований.

Мало того. Рассматривая процессы против ведьм, относящиеся к древним временам, мы находим в них абсолютно те же черты, которые свойственны

Библиотечка «Апокрифа»

средневековым процессам. Дело иногда доходит до полнейшего сходства в деталях. Разница заключается лишь в том, что древние века выгодно отличаются от средних юридической изобретательностью и теологической глубиной. В греческой литературе мы находим подробные сведения относительно деятельности фессалийских ведьм. В одном месте мы, например, читаем, что благодаря их мазям люди обращаются в птиц, ослов, камни и т. д., что наиболее страстные среди людей проносятся ночью по воздуху, держа свой путь к ложу страсти и наслаждений. Точно так же и Рим, помимо жрецов государственного культа, знает многочисленных странствующих жрецов, которые, подобно греческим орфеотелестам, предлагали за небольшое вознаграждение свои услуги в области магии. И здесь любовные чары практикуются в самых широких размерах; люди занимаются ими или самостоятельно, или при содействии странствующих жрецов. В греко-римском культе мы встречаемся с эмпусами и ламиями, этими дьяволами страсти и вампирами. Предмет их страсти — это молодые, красивые юноши, с которыми хотят вступить в половое общение. Насладившись половым актом с каким-нибудь юношей, ламия убивает его и с преступным наслаждением упивается его кровью. Римский закон налагает кару на чародея лишь в одном случае: когда магические действия его причинили кому-нибудь существенный ущерб.

Распространение христианства не внесло в эту сферу никаких перемен. Единственная перемена заключается в том, что колдовские обряды были признаны суеверием; но — дальше этого не шли. Только в царствование Льва Философа был издан (между 887 и 893 годом) указ о полнейшем запрещении всяких колдовских церемоний. Огромную роль в этом отношении сыграли отцы церкви. Описывая дионисии и вакханалии, они тем самым создали стройную систему колдовского действия; они, кроме того, дали законченную картину ведьмина шабаша. Христиане обвиняли язычников в половых излишествах; отцы церкви ответили на это тем, что разрешили подобные эксцессы первоначальным христианским общинам. Для христианской церкви этот спор прошёл совершенно бесследно: впоследствии она выдвинула против еретических сект обвинения в подобном разврате. Стороны находились между собою в самой напряжённой, убийственной вражде. Одна партия рисовала картины того оргического безумия, которое будто бы совершалось у другой; но эти картины послужили прототипом ведьмина шабаша.

Особенно резко нападает на христиан Минуций Феликс: «В ночных собраниях своих они вкушают нечеловеческую пищу, высмеивают богов своих, кощунствуют; их культ — безбожие, а не богопочитание. Они приветствуют друг друга, как братья и сёстры; но это святое общение оскверняется гнуснейшим развратом. Некоторые утверждают, что они поклоняются половому органу своего верховного жреца. Их праздники — это сплошная разнузданность; в них принимают участие все: сёстры, матери, жёны и дети. Наедаясь и напиваясь, они вызывают в себе преступное сладострастие. После пиршества огни тушатся, и все участники его предаются безумному разврату».

Церковь нередко обвиняла еретиков в том, что вера их в Бога глубоко проникнута половым содержанием. Справедливость требует заметить, что эти обвинения в большинстве случаев были совершенно необоснованны. Теперь уже достоверно известно, что только некоторые христианские секты исповедовали принцип, согласно которому «порочность является необходимым условием человеческого спасения». К этим сектам,

прежде всего, относится секта карпократиан. Однако Иреней, человек, в общем враждебно настроенный по отношению к еретикам, говорит, что практика карпократиан во всех отношениях превосходит их теорию. Принимая кого-нибудь в свою секту, карпократиане совершают над ним следующий обряд: раскалённым железом, ножницами или иголкой они отмечают его знаком, который наносят в нижней части правого уха. Этот обряд напоминает нам предписание Ветхого Завета, согласно которому иудей должен был сделать пометку на ухе своего раба не-иудея в том случае, если последний отдавался в вечное рабство. Этот знак имеет громадное значение и в другом отношении: он является прототипом тех дьявольских знаков, которые так тщательно разыскивали у ведьм. На основании одного только знака церковь определяла принадлежность того или иного человека к еретической секте.

Кроме карпократиан, здесь следует упомянуть и адамитов. К сожалению, об этой секте ничего достоверного неизвестно. Говорят, что в своих собраниях они появлялись совершенно голыми; там будто бы происходили самые опасные испытания целомудрия. В этом отношении они сильно напоминают кёнигсбергских ханжей. Подобно им, адамиты также не всегда выходили из этих испытаний победителями.

В церемониях посвящения, практиковавшихся у катаров, мы находим одну черту, перешедшую впоследствии в культ Дьявола: освобождение человека от всех заветов и уз, связывавших его с римской церковью¹. В подобном отрицании папской власти церковь, естественно, узрела отрицание Бога и христианства. Вообще, катарская община, устраивавшая самостоятельные заседания и имевшая своих собственных епископов, представлялась католической церкви в виде союза людей, объединенных поклонением Дьяволу; эта секта дала непосредственный материал для создания картины ведьмина шабаша. Булла Григория IX, инспирированная Конрадом Марбургским и призывавшая к крестовому походу против чародеев и дьяволопоклонников, даёт подробную картину катарских торжеств:

«Когда в эту школу гнусности и разврата вступает новичок, перед его глазами появляется лягушка или, как иные её называют, жаба. Некоторые целуют её своими грязными устами в задние части, а иные — в губы, втягивая к себе в рот язык и слюну этого животного. Размеры этой лягушки весьма различны; то она появляется в свою натуральную величину, то она достигает размеров гуся или утки. Далее новичок видит перед собою чрезвычайно бледного человека с громадными чёрными глазами; он невероятно худ; на нём нет ни куска плоти, только морщинистая кожа безобразно покрывает его кости. К нему подходит новичок и целует его; после этого поцелуя у него пропадает всякое, даже самое отдалённое воспоминание о католической вере. Затем идёт пиршество. После пиршества появляется чёрный кот с вздёрнутым хвостом, величиною со среднюю собаку. Его целует новичок, а затем по порядку и все катары; но к этому коту допускаются лишь наиболее достойные и совершенные. Склонив свои головы перед котом, катары снова усаживаются на свои места. Тем временем главный жрец среди других заклинаний провозглашает: “Пощади нас!” Это он говорит своему соседу; третий же катар отвечает: “Мы это знаем!”, а четвёртый добавляет: “Мы должны быть

¹ Soldan, a. a. O., S. 36-37.

послушны!” После этого обряда в комнате тушится свет, и катары предаются разврату, не сообразуясь ни с возрастом, ни с родством. Если мужчин случайно оказалось больше, чем женщин, то мужчины вступают в преступную связь между собою. Ту же противоестественную гнусность совершают и женщины. Совершив этот безбожный грех, катары снова зажигают огни и возвращаются на свои места. В это время в тёмном углу комнаты появляется человек, верхняя часть которого сияет ярче солнца; нижней частью своей, покрытой густыми космами, он напоминает собою кота. Своим ослепительным блеском он наполняет всё пространство. Главный жрец подходит к новичку, отрывает от его платья маленький лоскуток и, обращаясь к сверкающей фигуре, говорит: “Владыко! это мне дано, а я возвращаю тебе!” “Ты честно служил мне, но ты ещё будешь служить мне. Поэтому поручаю тебе сохранить то, что ты передаёшь мне!” После этих слов фигура немедленно исчезает»¹.

В таких красках рисовали себе картину ведьмина шабаша наиболее интеллигентные представители тогдашнего мира. В применении к условиям германской жизни эта картина имела вполне реальное основание. Если отцы церкви, желая опозорить ту или иную христианскую секту, смешивали основные принципы её с глубокой развращённостью античного мира, то в народной психике все эти картины живейшим образом связывались с воспоминаниями о культе демонов, столь недавно сошедшем со сцены. С появлением христианства дело приняло совершенно другой оборот: демоны были признаны носителями злого начала, их жрецы — чародеями, а альвруны² и гюдья³ — ведьмами. Несмотря на всенародную анафему, провозглашённую с высоты церковной кафедры старому народному культу, всё же находились люди, которые продолжали верить в старых кумиров и устраивали их в честь пышные торжества, хотя бы они официально всячески отрецировались от своего культа. Этот культ, естественно, постепенно вырождался, подобно тому, как вырождается всё, загнанное в подземелье. Могучим стимулом впоследствии явилось глубокое враждебное отношение к церкви. Придирчивость и нетерпимость духовенства привели к тому, что тайные союзы начали приобретать сильное влияние на народные массы.

Элементом, связывающим поклонников старых кумиров, были, прежде всего, майские торжества. С этими праздниками связаны «многочисленные народные обычаи, многочисленные предания и верования... длинные процессии тянулись по полям, бесчисленный скот проходил по ним... а ночью в тёмных местах справлялись оргии». Чтобы отпугнуть доносчиков и любопытных, в народе поддерживались самые нелепые легенды о Вальпургиевой ночи⁴. Все эти обряды начали постепенно вырождаться, дело дошло до того, что почитатели Вотана, Донара и Фрейи сами стали смотреть на себя как на союзников Дьявола. Подобные союзы существовали ещё долгие века; подтверждением этого являются многочисленные факты. Так, например, в 1582 году было найдено на одном холме близ Мёмпельгарда три стола и серебряный сервиз ценою в 2500 талеров. Сервиз

¹ Kisewetter, a. a. O., II. 460-461.

² *Альврун* (альраун, адельрун) — *здесь*: скандинавская провидица. От старого верхненемецкого *adal* («благородный») и *gûpa* («тайная магия»). Этим же словом называется дух мандрагоры. *Прим. ред.*

³ *Гюдья* (гидья) — скандинавская жрица. *Прим. ред.*

⁴ Schindler, a. a. O., 260-261, 324.

был взвешен и оценён мёмпельгардскими ювелирами; они нашли на нём многочисленные шифры высокопоставленных местных жителей. Тщательные исследования, произведённые над этой находкой, выяснили, что мёмпельгардская аптекарша «выдала замуж свою дочь», т. е. посвятила её в тайны гнусного ведьминоного ритуала. Возникший отсюда процесс стоил жизни 140 лицам¹.

Из другого источника мы черпаем такие сведения: «Узнали, что мясник (известно, что мясники отличаются редким бесстрашием и отвагой), проезжая ночью по какому-то лесу, услышал в кустах разговор, сопровождаемый смехом и шутками. Он остановился, начал внимательнее прислушиваться и, наконец, подошёл к этому месту. В один миг все бывшие здесь люди исчезли, оставив стол, покрытый самыми изысканными блюдами; на столе, кроме того, стояло несколько серебряных бокалов. Но он не смутился. Постояв немного, мясник решил, что не мешало бы ему что-нибудь взять со стола, и поэтому он сунул в карман два серебряных бокала и пошёл. На следующий день он отнёс эти бокалы к властям и рассказал подробно о том, как они попали к нему в руки. По знакам, находившимся на бокалах, власть напала на след их собственников; последние были немедленно приглашены, им дали для осмотра бокалы, в которых они признали свою собственность. Но тут явилось предположение, что эти бокалы лишь похожи на те, которыми обладали эти лица. Был устроен обыск, который установил, что у этих лиц действительно пропали бокалы. Подозрение пало на их жён... и тут раскрылись невероятные истории, превосходящие решительно всё то, что в состоянии придумать самая пылкая человеческая фантазия. Впоследствии мяснику пришлось снова проезжать этот лес. Приблизившись к этому месту, он увидел перед собою всадника невероятных размеров, с обнажённым мечом в руках. Всадник стремительно надвигался на него, стараясь поразить его своим мечом. Но мясник удачно отбивал удары. В этой борьбе они провели больше половины ночи. Мясник к концу до того обессилел, что ему пришлось слечь. Слабость надолго приковала его к кровати»².

Подобные заседания мы находим в романских странах. В своей книге «*De Strigibus*» Спина рассказывает, со слов одного знакомого врача, что тот, проезжая ночью какую-то деревушку, наблюдал там подобное пиршество. Далее он сообщает: «Пятьдесят лет тому назад в городе Мендризио, близ Комо, слушалось дело касательно ведьм; следователем был Варфоломей де Хомате, подестой³ — д-р Лаврентий де Конкоретио, а нотариусом — Иоанн де Фоссато. Но вот подесте захотелось узнать, насколько верны слухи относительно всевозможных проделок ведьм. Условившись предварительно с ведьмой относительно места, он в назначенный день отправился туда в сопровождении нотариуса и одного своего друга. Придя на место, они увидели перед собою толпу людей, плотно окружившую какого-то человека. Вдруг толпа бросилась на чиновника и его спутников и... избивала их до того, что через две недели они умерли».

¹ Kisewetter, a. a. O., II, 586.

² Horst, a. a. O., I, 349-351.

³ *Подеста* — глава администрации (подестата) в средневековых (XII-XVI века) итальянских городах-государствах. Сочетал в себе функции главы исполнительной и судебной власти. В зависимости от региона и периода истории, должность подесты могла быть как выборной, так и назначаемой. *Прим. ред.*

Библиотечка «Апокрифа»

Тот факт, что в этих ночных пиршествах принимали участие люди, принадлежащие к высшему слою общества, ясно указывает, что источником колдовства является именно этот класс. Что касается народных масс, то среди них колдовство нашло благоприятную почву для своего развития. Во всём этом далеко не последнюю роль сыграл орден тамплиеров.

Орден был уничтожен, но члены ордена остались целы и невредимы. Частью они вступили в орден иоаннитов, а те, которые принадлежали к дворянскому сословию, поселились в замках своих родственников. Легко представить себе, что они нашли многочисленных поклонников и поклонниц, среди которых гностические теории и чародейские операции их пользовались большим успехом. Ибо «не слезливая деревенская баба, а стройная, разодетая в шелку дама, или монашенка, борющаяся со своей девственностью, — вот кто первый хватился за любовные зелья и одурманивающие наркотические масла. Они, не кто иные, были первыми ведьмами. Выйдя из замка, колдовская эпидемия распространилась по всем углам деревенской глуши; из преступления аристократического колдовство превратилось в демократическое преступление... и вот началась разрушительная война против буржуазной женщины, война, которую мы называем ведьминым периодом». При этом следует заметить, что, как в городе, так и в деревне, была целая масса «ведуний», которые в своей колдовской, магической деятельности резко отличались от ведьм. Характерной чертой ведьмы является глубокая ненависть ко всему существующему и инстинкт разрушения; «ведунья», напротив, хотела во всём являться только помощницей. Аналогичная разница существует между чародейством и колдовством. Последнее стремится всё разрушить; чародейство же имеет в виду достигнуть оккультным путём различных выгод; во всяком случае, оно всячески избегает отрицательных влияний на человеческую судьбу. В подтверждение этого мы можем привести тот факт, что в период многочисленных процессов, возбуждённых против ведьм, приговоры судов отличались особенной мягкостью, когда дело касалось вопросов чародейства.

Основной пункт, в котором чародейство отличается от колдовства, есть вера в Дьявола. Первая и единственная причина, в силу которой человек становится колдуном, это — Дьявол. Без него вообще немыслимо никакое колдовство. Ибо чародейские деяния и заклинания, разрушения и ночные пиршества — всё это мы встречаем ещё в раннем языческом мире; только союз с Дьяволом окончательно завершает специфическую природу колдовства. Новообращённый христианин должен был отвергнуть всех старых богов, низведённых на степень демонов; далее он налагал на себя обет послушания и подчинения новому Богу. Отсюда с очевидностью вытекает неразрывная связь, существующая между ересью и союзом с Дьяволом; христианин, отпавший от своей веры, снова возвращался к Дьяволу, отвергнутому им при святом крещении. Колдовство — кульминационный пункт веры в Дьявола.

«Разнообразные процессы материального и духовного содержания сильно способствовали распространению веры в Дьявола. Философия, насквозь пропитанная схоластикой, отдалась в услужение теологии; медицина и юриспруденция, проникнутые предрассудками данной эпохи, находились во власти той же фанатически нелепой теологии. Пылкая вдохновенная вера в христианский крест бесследно прошла; осталось

лишь сознание неискуплённого греха, толкающего человека в объятия Дьявола. Человек обратился в существо, отвергнутое Богом, искупающее свой грех; всё это наложило на него печать какого-то безотрадного аскетизма. Возвышенное учение Христа превратилось под влиянием священнослужителей в какой-то абсурд, насмешку; всё свелось к преклонению и обоготворению святых мощей. Бесконечная божественная идея была раздавлена и втиснута в ковчег с мощами, роскошно убранный бриллиантами; всемогущая любовь Христа воплотилась в жалкой паре тленных костей... Вместе с тем настало междуцарствие; огонь и меч долгое время господствовали над страной. В конце XIV и в начале XV века натуральное хозяйство сходит со сцены; капитализм властно и решительно подымает свою могучую голову. Торговля дифференцируется; возникают различные капиталистические ассоциации, банки, промышленные товарищества... Цеховая организация падает; материальная гипертрофия высших классов общества влечёт за собою возникновение городского и сельского деклассированного пролетариата... Жизненные устои марки рушатся; общинная собственность конфискуется; лес, дичь, птица, рыба в воде — всё это принадлежит уже не жителям марки, а землевладельцу. Крестьянская собственность подверглась бесконечному дроблению, и этот процесс низвёл деревенское население на степень париев социального развития... Положение было безнадежное. И революция не заставила себя долго ждать. Уже XV век принёс многочисленные симптомы наступающей грозы в виде отдельных территориальных возмущений. Социалистически-коммунистические требования крестьян были объявлены и значительными принципами справедливости Божьей; это придавало им некоторый религиозный оттенок и вызывало в сердцах неимущих и угнетённых порыв восторженного фанатизма.

Ко всему этому присоединились различные явления чисто внешнего характера. Роковое зло, опутавшее несчастное человечество, постепенно росло и распространялось, и мир был потрясён мучительным страхом перед мрачной силой Дьявола. Наводнение уничтожило посевы; дороговизна достигла крайних пределов. Пошёл голод, стоивший жизни сотням тысяч людей... Люди лишены были правильной медицинской помощи; эпидемические болезни прокладывали себе широкий, просторный путь по стране, и над людьми вспыхнула кровавая заря чёрной смерти... Голод, мор, землетрясения, эпидемия — всё это вещи, хорошо знакомые христианскому миру; но все эти губительные явления доводят страх перед силой ада до безумия... Воцарилась всеобщая растерянность; люди потеряли всякую надежду на будущее; они увидели себя в цепких объятиях Дьявола, из которых им никогда не вырваться. Бездна вечности засияла перед их глазами, и они искали утешения в религии».

В противоположность глубокой развращённости дворянских и буржуазных слоёв, народные массы предаются страстному аскетизму и утончённой мистике. Человечество было охвачено глубокой идеей искупления, и смертельное отчаяние, господствовавшее над умами тогдашнего времени, сказывалось в многочисленных искупительных обрядах: массовое внушение и болезненный инстинкт подражания вызвали так называемые «эпидемии имитации». Сюда относятся: крестовый поход детей, устроенный в подражание прежним походам, и бешенство пляски, «прорвавшееся впервые в Аахене в 1347 году и распространившееся впоследствии по всей Германии и Нидерландам. Держа друг друга за

Библиотечка «Апокрифа»

руки, люди извивались в дикой пляске и заражали своим примером решительно всех: благочестивую девушку и знатную даму, священнослужителя и мирянина. Они безумствовали и плясали до изнеможения, до упаду, и бесстыдно обнажённые лежали перед лицом народа... Во время танцев, как утверждают некоторые, перед ними разверзается небо; они начинают громко проповедовать идею искупления и мучительно корчиться, словно охваченные конвульсиями одержимости. Куда бы они ни приходили, к ним присоединялось множество народа, хотя церковь самым энергичным образом восставала против подобной пляски. За пляской следовало флагелланство. Флагелланты образовали особую секту, имевшую свой устав. Всякий, кто вступал в эту секту, отказывался от частной собственности, жил милостыней, подчинялся всяким искупительным обрядам и исповедовался только перед старшим членом секты. Последнее обстоятельство привело к решительному разрыву их с церковью, так как они взаимно друг другу отпускали грехи. С высоты своей кафедры церковь, естественно, заявила, что они одержимы Дьяволом, и послала им вечное проклятие. Эта моральная необузданность, породившая столько еретических сект, окончательно потрясла в человеке веру в промысел Божий. Власть Дьявола восторжествовала над грешным миром.

Религия взяла на себя защиту интересов господствующего класса; дворянство и духовенство всячески эксплуатировали закрепощённый народ, и чем могущественнее и алчнее становились эти классы, тем мелочнее и бессодержательнее протекала народная жизнь. Как нельзя отрицать Дьявола, не изменив своей вере в Бога, так нельзя было отвергнуть продажного священнослужителя и алчного землевладельца, не отрекаясь одновременно от церкви. Деспотизм дворянства теснейшим образом сплёлся с деспотической иерархией духовенства, и оба они поработали, угнетали и истязали своих закрепощённых, насиловали и глумились над их жёнами и дочерьми. Если народ раньше уповал на Христа и трепетал перед лицом духовенства, то теперь всё изменилось в противоположную сторону и в народе явилось к религии бесконечное равнодушие, благодаря влиянию того же священнослужителя, связавшего свои судьбы с судьбами дворянства... словом, дьявольское начало вступило в ожесточённую борьбу с всеблагостью Христова учения. Жажда мести и отчаяния привели человечество к колдовству. Естественный инстинкт отдельного человека направился в сторону изначального принципа радикально-злого: незримо-трансцендентный принцип приобрёл вполне конкретного, осязаемого представителя. Субъективное представление зла получило объективный характер, и эта абстракция родила понятие Сатаны как некоторой противоположности Христу. Так, рядом с христианской церковью возникла лжецерковь Белиала, представлявшая собой ужасную пародию на первую. Всецело отдаваясь в руки радикально-злого начала и сливаясь с ним воедино, человек стремглав летел в мрачное царство ночи, в бездонную пропасть. Как разительна противоположность между ними и святыми: последние всецело приносили себя в жертву высшему благу. Так заключался несчастный договор с Сатаной в надежде получить от него помощь против своих притеснителей... Чрезвычайная озлобленность и мстительность возбуждали в этих телах, истощённых нищетой и кнутом, тайные магические силы, находившие применения во всевозможных сферах: в любовных чарах, в порче посевов и молока коровы, и, наконец, в

различных церемониях с изображениями — этом убийстве *par distance*¹! В противоположность мистическим бракам святых людей с “женихом” Иисусом и с нежной Девой Марией мы видим, как “бесследно меркнет божественный огонь; духовное начало достигает крайних степеней разнузданности и горит в мрачном пламени животных страстей и вождлений”. Тут происходит полнейшее слияние человека с принципом зла; это слияние сказывается в различных видениях, исполненных самого гнусного разврата. Если до того нередко были случаи совоплощения священника с женщиной или священника со священником, то теперь мы уже дошли до столпов разврата: до кровосмешения с Сатаной! Кульминационным пунктом этого сатанинского культа являлся ведьмин шабаш с ведьмиными изображениями, которые знаменуют собою тесную, неразрывную связь между индивидуальным бытием и субстанцией радикально-злого»².

«Всякий, кто хоть сколько-нибудь знаком с процессами, которые велись против ведьм, отлично знает, что акты посвящения в колдовские мистерии носили следующий характер... Старая ведьма, искушённая во всевозможных колдовских проделках, ясновидица, чрезвычайно одарённая в психическом отношении, встречает молодую девушку, в которой чувствует родственную себе душу. Немедленно она забирает её в свои цепкие лапки и начинает рассказывать ей о всевозможных прелестях ведьмина шабаша. Девушка, естественно, принимает это за чистую монету. Возбуждённая всеми этими дьявольскими приманками, она, наконец, доходит до того, что решается заключить договор. Колдунья замечает, что девушка отличается определённой чувствительностью, что в ней даже есть некоторые задатки медиумического характера; кроме того, нервы её достигли крайнего напряжения благодаря событиям, пережитым ею за последнее время. И вот начинается церемония посвящения. При помощи различных фокусов — пожалуй, месмерически-гипнотических манипуляций — ведьма старается внушить ей ту мысль, что дьявольский жених “господин Ганс” здесь налицо. Вполне понятно, что обыкновенная крестьянская девушка, погружённая в бесконечные глубины магической жизни, не в состоянии отличить воображаемое переживание от действительного; точно так же и внушение, совершённое лишь один раз, приобретает при определённом повторении некоторую устойчивость. Кроме того, следует заметить, что в подобных случаях далеко не исключена возможность раздвоения “я” и медиумического “общения с духами”»³.

Первым толчком к заключению союза с Дьяволом были мотивы исключительно полового характера. Внебрачное половое общение, признанное церковью греховным, вызывало в людях малодушных, совершивших половой акт, сильное раскаяние; но вместе с этим раскаянием у человека рождалась мысль, не связался ли он как-нибудь с Дьяволом. Если эта мысль психологически подтверждалась в нём, то всё остальное являлось уже детской игрушкой. Во всех тех случаях, когда нам приходится читать о том, как человек пошёл по пути колдовства или каким образом заключил союз с Дьяволом, везде на первом плане самым неприкрытым образом выступает половой момент. С этим вполне совпадает

¹ (фр.) На расстоянии. Прим. ред.

² Dankmar. Hexentum und Ketzerei. 265, 114, 265-269, 317-329.

³ Kiesewetter, а. а. О., 580-581.

Библиотечка «Апокрифа»

«правдивое и весьма сложное сообщение об одном случае, приключившемся в женском монастыре Унтерцелля, принадлежащем ордену премонстрантов»¹.

«50 лет тому назад, в монастырь Унтерцелля поступила 19-летняя девушка, Мария Рената. Она пошла туда не добровольно, а по принуждению родителей, сильно нуждавшихся в материальных средствах. Несмотря на её молодые годы, она уже четыре раза в своей жизни подвергалась искушению впасть в колдовство. Первый раз её искушала женщина, второй раз — рыцарь, третий — два офицера, которые, вероятно, были переодетыми дьяволами, а четвёртый — служанка».

В этом духе давали свои показания и все прочие ведьмы; из этих показаний мы приведём некоторые:

«Анна Барбара Нойдекхерин, девушка 15 лет, была заподозрена в причастности к колдовству, арестована и подвергнута пытке. Она сама созналась, что уже два года тому назад её приобщали к тайнам колдовства и что на этой почве она даже проделала несколько злодейских церемоний. Во-первых, она страстно влюбилась в одного юношу и в этой любви своей применяла всякие колдовские средства. Путём колдовства она вызвала перед собою образ этого юноши; она беседовала с ним, острила, обещала оставаться верной ему навеки, побуждала его ко всякой гнусности и разврату. Во-вторых, она, по наущению злого духа, отвергла Всемогущего Бога и Святую Деву Марию».

«Генрих Венцель также был арестован за свои занятия колдовством. Он горько жалуется на то, что уже четыре года одержим этим пороком; он хотел бы уже очиститься от тяжких грехов своих, исповедавшись перед христианским духовником. Он также, нисколько не запираясь, сознался в грехах и злодеяниях, совершённых им за это время. Во-первых, он сблизился с одной женщиной и, толкаемый порочным злым духом, слишком далеко зашёл в этом направлении. Во-вторых, пробуждаемый всё той же враждебной силой, он самым преступным образом отрицал существование Бога в небесах. Он говорит, что сильно раскаивается в своих поступках; его молитвы нередко звучали пламенной мольбой освободить его от дьявольского наваждения. Кроме того, он принимал участие в различных собраниях ведьм, где Дьяволу оказывались божеские почести».

«Кейлин Бекхин говорит, что уже 5 лет тому назад она под влиянием одной ведьмы приобщилась к тайнам колдовства. За это время она успела совершить многочисленные злодеяния. Эта ведьма познакомила её с одним мужчиной, по имени Ганс Румпель; этот мужчина якобы был её жених. Молодая девушка скоро сблизилась с ним, и между ними установились самые преступные отвратительные отношения».

«Катарина Лацерин говорит, что за 10 лет своей причастности к колдовству она совершила следующие преступления: Она страстно влюбилась в одного мужчину, жила с ним в порочной связи и раз заметила, что в образе этого мужчины перед нею явился злой дух, который также вступил с ней в половую связь. Всякое сопротивление здесь было напрасно; из страха она вполне подчинилась проискам Дьявола».

«Хелена Венцелин сообщает о себе следующее: состоя в браке, она жила в незаконной связи с различными мужчинами. Раз явился к ней злой дух в образе человека,

¹ Verfaßt, 1749.

близко знакомого ей; она вняла его просьбам и вступила с ним в половую связь. Он ей обещал за это счастье и богатство, но своего слова не сдержал»¹.

Четырнадцать человек, обвинённых в Ройтлингене в колдовстве (11 мужчин, 2 женщины и один юноша), заявили, что этот порок был внушён им любовниками и любовницами их. Последние появлялись в образе солдат, соседей их и т. д. Судьи, участвовавшие в этом процессе, решили, что под этими любовниками следует разумеать Дьявола, а потому не особенно глубоко вдавались в подробности дела; но, вникнув несколько глубже в это дело, они легко заметили бы, что мы имеем здесь дело не с колдовством, а с самым обыкновенным развратом. Правда, это обстоятельство не ускользнуло от внимания судей, но всё же они посмотрели на это, как на инкубат и суккубат. Да, это было вполне естественно. То время не могло обойтись без подобных обвинений, жертвой которых пали люди, отрицавшие Святую Троицу и подвергавшиеся чёртову крещению. Фишер² говорит, что центральной фигурой колдовства было одно духовное лицо. Он «совратил много невинных юношей и разбил их молодую жизнь самым преступным образом».

Страсть к ведьмину шабашу также находит свой двигательный мотив в половой сфере. Насколько это верно, мы можем убедиться на словах Катарины фон Ландоль. Она говорит, что может обойтись без сна; самое лучшее для неё время — это вечер; тогда она сидит за огнём и в ней возгорается такое страстное желание пережить ведьмин шабаш, которое по силе своей ни с чем сравниться не может³.

После многочисленных опытов, совершённых на местах, судьи, наконец, убедились, что мнимые полёты ведьм ничего реального в себе не содержат. Однако они от своих обвинений не отказывались; они утверждали, что, если физически ведьмы никаких полётов не предпринимают, то духовно они это делают. Современный спирит сказал бы, что они высылают своих двойников. Правда, различные ведьмы, не имевшие между собою решительно ничего общего, дают описания ведьминога шабаша, которые совпадают чуть ли не в мельчайших деталях своих; обоснованно было бы поэтому предположить, что в состоянии сна действительно совершаются какие-то магические процессы. Вопрос, скорее, лишь в том, является ли это ясновидящим проникновением в возбуждённую фантазию данного лица, или мы имеем здесь дело с двойником, развивающим свою деятельность в умах других людей. Ведь нельзя оставить без внимания тот факт, что, несмотря на полнейшее совпадение в описаниях ведьмина шабаша, мы имеем дело лишь с условными представлениями. В пользу ясновидения говорят некоторые довольно веские соображения. Предположим, что ясновидение действительно имело место; тогда возникает вопрос: что видно было? Реальное сборище? Но для этого никакого ясновидения не нужно; дело в том, что обвиняемые всё-таки участвовали в подобных сборищах, а потому вполне естественно, что их показания на этот счёт вполне совпадали. Нельзя ли здесь предположить наличие некоторой таинственной «общности душ?» Но и это вряд ли будет правильно, так как всё это является вполне обычным, очень распространённым в народе представлением о разбираемом нами предмете. Но как же

¹ Horst. Extrahierte Hexenbekenntnisse.

² А. а. О., I. 358, 360.

³ De Lancre. Tablean de l'inconstance des inauvais anges et demons.

Библиотечка «Апокрифа»

обстоит дело с детальным совпадением в показаниях различных ведьм? Это объясняется коллективизмом времени, который особенно сильно сказывается в низших слоях общества; здесь индивидуальный момент очень редко достигает ярких конкретных форм.

При создании картины ведьмина шабаша огромное влияние имеют различные средства, возбуждающие воображение человека. К этим средствам относятся ведьмины мази, зелья и воскурения.

В своей «*Magia naturalis*» Порта приводит некоторые ведьмины мази. Он говорит: «Движимый своей преступной страстью, человек начал злоупотреблять благодетельными дарами природы. Дело, конечно, не обходится без некоторого суеверия; но всё же следует заметить, что смеси, составленные им, не лишены некоторого действия в силу естественных свойств, заложенных в них. Я хочу здесь рассказать то, что слышал от людей, занимающихся этим. Берётся жир маленького мальчика, заваренного в медном котле, и сюда присоединяется аконит, сельдерей и сажа. Или берётся пятилистник и бешеная вишня, и их смешивают с маслом или с кровью летучей мыши. Подобной смесью растирают члены тела до красноты; этим думают усилить влияние втираемых веществ. Люди при этом стремятся к одной цели: к радостям жизни и сексуальному наслаждению с возлюбленными. Сила воображения при этом до того велика, что та часть мозга, в которой сосредоточена память, всецело поглощена мыслью о предстоящих наслаждениях; это тем более естественно, что они днём и ночью думают об этом. Средства эти оказывают особенно сильное влияние на тех людей, которые питаются различными кореньями, каштанами». А Парацельс говорит: «Сила воображения, в котором концентрируется весь духовный мир человека, до того велика, что определить его влияние в этом процессе не представляется никакой возможности... Главное, чтобы воображение было сосредоточено в одной точке»...

Порта приводит также анэстербирующие и предрасполагающие вещества; он упоминает различные средства, повышающие способность человека поддаваться различного рода внушениям; эти средства он называет гипнотиками. Сюда относится щёлочь, полученная из смеси дурмана и бешеной вишни с вином. Он сделал настойку из упомянутых растений и с её помощью усыпил своего друга, и опыт этот несколько не отразился на здоровье последнего. Неизвестно, дошло ли дело в данном случае до фантастических видений; зная действие дурмана и бешеной вишни, мы можем предположить, что подобные видения имели место. Кроме того, он приготавливал известные в XVI веке «мускусные настойки», которые употреблялись для тех же целей. Далее он смешивал мандрагору с виноградным морсом. Двухмесячное употребление этого напитка вызывает однодневное умопомешательство; во всех остальных отношениях он на здоровье не влияет. Аналогичное зелье он приготавливал из семени дурмана; его принимали в количестве одной драхмы¹. Одна только драхма бешеной вишни также способна вызвать «безвредное умопомешательство».

¹ Здесь: *аптека́рская драхма* — историческая единица измерения массы вышедшего из употребления аптекарского веса — системы мер, использовавшейся врачами и аптекарями при изготовлении лекарств, а также для взвешивания драгоценных металлов. В разных странах вес аптекарской драхмы варьировал — от 3,1 до 4,375 г. В большинстве европейских стран, включая Российскую Империю, драхма состояла из трёх скрупулов и являлась 1/8 аптекарской унции и 1/96 аптекарского фунта. В России вес аптекарской драхмы

Опыты, совершённые Портой, весьма поучительны. Смеси и зелья, изготовленные им, содержат в себе различные ведьмины мази; отсюда мы можем вывести научное заключение о действительной силе, заключающейся в них. Кроме того, в опытах Порты мы имеем перед собою тот же руководящий момент внушения, который играл столь выдающуюся роль в различных приготовлениях к ведьминым полётам.

Лейб-медик папы Юлия III, Андрес Лагуна (1499-1559/60), совершил очень интересный опыт с ведьмиными мазями. Когда он в 1545 году лечил герцога Гиза, вблизи Нанта были арестованы муж и жена, обвинённые в чародействе; у них нашли горшок, наполненный зелёной мазью. Лагуна подверг эту мазь тщательному анализу и нашёл, что она представляет собой смесь белладонны, мандрагоры, белены и др. наркотических растений. Так как жена тамошнего палача страдала френезией и бессонницей, то он велел растереть её этой мазью. Женщина заснула и проспала 36 часов без перерыву; она проспала бы ещё дольше, если бы не были применены самые решительные средства для пробуждения её. Просыпаясь, она горько жаловалась, что её вырвали из объятий обворожительного молодого человека.

В новейшее время Кизеветтер опубликовал результаты своих опытов с ведьмиными мазями и зельями; эти опыты он совершил над самим собою. Взяв семя белены, он растёр им подложечную ямку, — и тут получились самые неожиданные результаты. Ему показалось, что он летает в воздухе по направлению спирали, словно сильная буря поднесла его к небесам. Здесь мы видим полнейшую аналогию с ведьмиными полётами. Когда же он растирал мазями, упомянутыми Портой, поясницу, темя, подложечную и подмышечную ямки, то крепко засыпал на целую ночь; утром он просыпался совершенно бодрым и здоровым человеком. В следующие же ночи его посещали различные сновидения: то ему казалось, что он мчится в поезде, несущемся с быстротой молнии, то он ездил морем по роскошным тропическим странам. Нередко ему представлялось дело так, что он стоит в какой-то пагоде, расположенной на высокой горе; внизу раскинулся обширный город с многоэтажными домами. Он сам стоял перед огромной толпой народа, которая внимательно прислушивалась к его речи. Все эти фантастические видения сопровождались каким-то трепетным восторгом. И в этих фантазиях мы имеем налицо все черты ведьминых полётов, видоизменённых, конечно, сообразно новейшим современным представлениям. Мы даже находим иногда некоторые указания на ведьмин шабаш. Но чего нет во всех описанных нами фантазиях, так это эротического элемента. Трудно предположить, чтобы исследователь нарочно утаил его от нас. Очень может быть, что он вообще упустил его из виду, ведь главной целью его исследований было определить те ощущения, которые бывают у человека во время ведьминых полётов. А при таких обстоятельствах эротические мысли, естественно, отступили на задний план. И в своих экспериментах с ведьмиными зельями Кизеветтер ни слова не говорит об эротической окраске тех образов, которые возникают в воображении человека в момент опьянения. Он лишь говорит, что после нескольких глотков подобного напитка на него напал какой-то тяжёлый свинцовый сон. Проснувшись, он ощущал наркотическое отравление,

составлял 3,732 г. В Королевстве обеих Сицилий драхма являлась 1/10, а не 1/8 частью аптекарской унции, как в других европейских странах. В Османской империи аптекарская драхма составляла сотую часть чеки и состояла из 16 килло или 64 гран. *Прим. ред.*

сопровожаемое явлениями карфологии¹, расширением зрачков, пересыханием в горле, — он хотел выпить и сосал при этом свои карманные часы, хотя отлично понимал всю нелепость подобного поступка; кроме того, наблюдалась повышенная краснота лица. Особенно резко подчёркивает он тот факт, что при малейшем движении руки она, казалось, уходила в бесконечность. Подобное состояние продолжалось до самого вечера; всё это время он пил чёрный кофе с уксусом. Следующую ночь он спал хорошо, хотя его несколько беспокоили сердцебиения. В следующие затем ночи его посещали различные фантастические видения, наполненные глубокой жизненностью и символизмом. Зрачки оставались расширенными в течение нескольких дней; глаза вообще болезненно реагировали на всякие световые ощущения. От дальнейших экспериментов Кизеветтер отказался, объясняя это их небезопасностью².

Чтобы ознакомиться с действием ведьминых зелий, нам необходимо, прежде всего, остановиться на различных галлюцинациях, связанных с употреблением опиума и гашиша; дело в том, что эти напитки содержат в себе маковые или конопляные семена. Фишер приводит интересный рассказ своего друга относительно влияния опиума.

«Опиум, — говорит он, — дал мне несомненное блаженство. Но это — блаженство отрицательного свойства; это — своего рода сладострастное уничтожение, при котором и тело, и дух оставались одинаково скованными. Я теперь припоминаю, что каждый раз, когда принимал опиум, я в течение двух часов повторял про себя: ах, как я счастлив!»³ Впрочем, действие опиума бывает различно. Кемпфер, например, присутствуя на одном персидском празднике, принял напиток, смешанный с опиумом. После этого его долго не покидало ощущение тихого блаженства. Мало того. Он проникся чрезвычайно экзальтированным настроением, так что порой ему казалось, будто он сидит верхом на лошади и едет по воздуху. Здесь мы имеем дело с феноменом левитации.

Один знаток гашиша говорит следующее: «Гашиш — это Протей, появляющийся перед нами в тысяче самых разнообразных форм. Я никогда ещё не видал, чтобы он в одном и том же человеке проявился в совершенно одинаковых результатах. Действие его протекает чрезвычайно медленно. Первые $\frac{3}{4}$ часа, а пожалуй и целый час, человек ровно ничего не чувствует: но вдруг он начинает страшно смеяться — гашиш начал свою работу». Часто — это один только лёгкий сон... При более сильном влиянии появляются различные видения и галлюцинации — возгорается беспримерная борьба между разумом и безумием. Так как гашиш (как и опиум) принимается в самых незначительных дозах, то наиболее характерным при этом является то, что сознание не вполне покидает человека в подобные моменты. К галлюцинациям, вызываемым гашишем, относятся ощущения легковесности, летания и т. д. Обыкновенно человек теряет всякое представление о времени и пространстве. Некоторые утверждают, что их взор проникает сквозь толщу стен, что они читают самые сокровенные мысли своих соседей. Один молодой потребитель гашиша как-то раз восторженно вскрикнул: «Ах, если бы вы знали, о чём я

¹ *Карфология* — двигательное беспокойство больного, лежащего в постели, проявляющееся нерезкими, небольшими по амплитуде движениями, напоминающими щипание, собирание мелких предметов и т.п.; возникает при глубоком помрачении сознания. *Прим. ред.*

² Kieseweiter, a. a. O., II, 579-580.

³ Fischer, a. a. O., I, 168.

думаю и что я ощущаю!” Стоит учёному принять немного гашишу, как он в один миг постигнет то, чего не мог найти во время всей своей многолетней учёной деятельности».

Крупный интерес представляет собою мухомор — растение¹, пользующееся большим почётом в ведьминой кухне. Сибирские коряки употребляют его с целью вызвать различные сексуальные видения. Этот гриб собирают обыкновенно осенью, его сушат и едят зимой в исключительные праздники. Действие гриба сказывается немедленно. Глаза приобретают какой-то особенный блеск, взгляд становится диким, а руки впадают в нервное дрожание. Человек тотчас же теряет власть над своими членами, но сознание всё ещё не покидает его. Вслед за тем оно также погружается в состояние опьянения. Едва слышно раздаются тихие звуки импровизированной песни, которая начинает постепенно звучать и громко, и дико. Наконец, опьянённые грибом и безумной песней, они вскакивают и начинают извиваться в бешеной пляске. Утомлённые, они падают и погружаются в глубокий сон. Слюна непрестанно течёт из их рта, и пульс страшно падает. Во время сна перед ними проносятся фантастические картины, исполненные глубокой чувственности. Спящий может видеть решительно всё, что только захочет; мало того — коряки полагают, что в подобном состоянии человек может прозреть и в будущее; для этого достаточно перед вкушением гриба произнести определённые формулы. Чтобы не прерывать этих приятных видений, коряки, проснувшись после получасового сна, выпивают свою собственную мочу, которая содержит в себе тот же яд, что и мухомор. Тогда всё начинается сизнова².

Очень часто для этих целей употребляют различные курительные средства. Агриппа Неттенгеймский утверждает, что, воскуря плющ или белену, можно этим запахом собрать демонов. Чтобы отпугнуть демонов, употребляется асафетида, чеснок и всякие другие снадобья. Во всех приведённых случаях мы имеем дело с влиянием курительных веществ и силой человеческого воображения. Особенно рельефно выступает эта мысль в документах, оставленных нам фон Эккартсгаузен. Необходимым условием при этом было то, чтобы заклинатель в течение нескольких дней думал исключительно о том человеке, который должен быть подвергнут колдовству. При самом заклинании сжигается обыкновенно какое-то курительное вещество, о котором фон Эккартсгаузен нам ни слова не говорит. Брошенное в огонь, это вещество покрывается белым налётом в виде небольшого тельца. Это тельце похоже на то лицо, которое желательно в данном случае видеть; лицо при этом имеет цвет сажи. Когда приближаешься к этой фигуре, ты ощущаешь какое-то противодействие, аналогичное тому, которое испытываешь, когда идёшь против сильного ветра. Если заговорить при виде этой фигуры, то впоследствии никак нельзя вспомнить, что, собственно, было сказано тогда. Когда явление исчезает, человек испытывает такое ощущение, как будто он только что пережил какое-нибудь сновидение. Голова опьянена, а живот словно стягивает. Впоследствии это видение повторяется всякий раз, когда мы находимся в потёмках или смотрим на тёмные предметы³. Упомянутое противодействие и стягивание в сфере живота указывает на медиумическое состояние, вызванное заклинанием и курением. Эккартсгаузен даёт состав

¹ Грибы в первой половине XX века относили к растениям. *Прим. ред.*

² Agrippa von Nettesheim. De occulta philosophia. Lib. I, cap. 43.

³ Eckhartshausen. Aufschlüsse zur Magic. München, 1791. 2. Aufl., I. 63.

Библиотечка «Апокрифа»

этого курительного вещества без указания соответствующих доз: корица, стиракс, мастика, мускат, гвоздика и мирра. Это средство употребляется для магических опытов¹.

Очень часто различные психически аномальные состояния, рождающиеся на почве болезненной истерии, могут привести к явлениям Дьявола, а иногда дело доходит даже до союза с Дьяволом. О подобных состояниях повествует нам Янковский² из своего собственного опыта: «Прежде всего появляется какой-то мучительный нервный столбняк, вызывающий представление червеобразного сатанинского существа. Это — маленький чертёнок, залезающий к вам в живот, вкатывающийся затем в грудь и, наконец, овладевающий всем вашим телом. Я каждый раз отлично знал, что этого чертёнка создали нам нервы... и в этих явлениях не было ничего нового для меня. Всё это причиняет человеку мучительные страдания, так как впечатление, производимое обманчивым явлением, чрезвычайно велико». «Если нам, людям, называющим всё это фантазмагориями, трудно перенести подобные состояния, то можно себе представить, что должен был ощущать монах или средневековый отшельник, тем более что подобные явления отождествлялись в его воображении с появлениями настоящего Дьявола!»

В тесной неразрывной связи с колдовством и верой в Дьявола находятся различные предрассудки, связанные с вурдалаками и вампирами (упырями); каждое из этих поверий ограничивалось рамками той или иной народности. Колдовство достигло своего апогея в средневековой Германии, Франция культивировала веру в вурдалаков, а у славян были свои упыри.

Подобно колдовству, вера в вурдалаков содержала в себе черты грубого смешения оккультных феноменов и сексуального сладострастия. Во время судебного процесса, разбиравшегося во Франции в 1598 году, крестьянские девушки Пернетта, Антуанетта Грандильон и Тевьенна Паже сознались, что они нередко обращались в волчиц, нападали на маленьких детей и развратничали с козлами, которых принимали за дьяволов. Следует заметить, что вера в вурдалаков, в противоположность колдовству, составляет специфически мужскую склонность; это вполне естественно, так как мужчины-пастухи могли скорее напасть на мысль о превращении в волков, нисколько не задумываясь над различными другими магическими операциями. В выдержках из процессуальных актов г. Бордо, относящихся к 1603 году, мы находим полнейшее подтверждение этой мысли: две крестьянские девушки, преследуемые любовными предложениями пастуха Гренье, вдруг подверглись нападению со стороны волка; этот волк был не кто иной, как сам Гренье. Сильно испугавшись, девушки пустились бежать. Так как Гренье до того времени открыто хвастался своей причастностью к вере в волка, он был арестован и посажен в тюрьму. Там он рассказал, что благодаря одному своему соседу он познакомился с лешим; воздав ему должные почести, он принял из его рук мазь и волчью шкуру. Своим охотничьим копьем «леший» сделал на его теле пометку, и с тех пор он приобрёл способность обращаться в волка. Далее он рассказал, что и его отец был оборотнем; мачеха же его разошлась с отцом исключительно потому, что как-то раз, когда у него в её присутствии случился страшнейший приступ рвоты, он изрыгнул целую массу кусков собачьего и детского мяса.

¹ Ebenda, II, 361.

² Noctium phantasmata. Psychische Studien, 1886. XIII. Jahrg, Heft 3, S. 105, 108.

Он сам привёл точное число детей и собак, которых он в разное время убил, которым наносил всяческие раны и т. д. В суд были приглашены родители тех детей, которые были убиты Гренье; из их допроса выяснилось, что подсудимый говорил самую неподдельную истину. Все они в один голос утверждали, что отчасти видели волка, а отчасти узнавали в нём Гренье. Суд присудил этого слабоумного преступника к пожизненному заключению в монастыре. Через 7 лет его посетил судья де Ланкр. Последний увидел перед собою духовного выроodka с запуганным, тревожным взглядом, впалыми глазами, длинными и широкими зубами и громадными чёрными ногтями, похожими на щупальца. Во время свидания перед глазами Гренье пронеслась его прежняя жизнь; при этом он наивно заметил: «Мясо молодых девушек гораздо приятнее мяса собак; мне ещё теперь хочется кусить человеческое мясо, а самое сильное желание моё — это видеть волков».

Здесь мы встречаем те же моменты, что и в колдовстве: оммаж¹, стигматизацию, мази и, наконец, половой момент. Интересный случай сообщает Вейер. Некий Пьер Бурже на процессе, возбуждённом против него, заявил, что во время сильной бури, разогнавшей всё его стадо, он познакомился с поклонником Сатаны по имени Мойсет. Последний обещал, что даст ему огромные богатства и возвратит рассеянное стадо. После нескольких поцелуев и коленопреклонений перед Дьяволом стадо действительно было возвращено, но денег он не получал. Далее некий Мишель Вердунг убеждал его принять участие в ведьмином шабаше, который произойдёт в лесу близ Шастель Шармон. Там он растёр своё тело мазью, которую получил у Вердунга; после этого он испытал такое ощущение, как будто превратился в волка. Мишель немедленно обратился в волка, тогда как ему самому пришлось предварительно снять с себя платье. Оба они, словно вихрь, понеслись по полям и лесам, нападали на детей и молодых девушек, высасывали из них кровь, поедали их и совокуплялись по дороге с волчицами. Характернее всего то, что как ведьмины полёты, так и описанное только что нами путешествие совершается во время сна. Лерххаймер² приводит такой случай: «Один крестьянин лежал в квартире фогта³, погружённый в глубокий обморок; проснувшись, он спокойным и убеждённым тоном заявил, что убил в поле лошадь». При этом Лерххаймер добавляет: «Это — дьявольское наваждение. Во время сна Дьявол до того настойчиво навязывал ему эту мысль, что крестьянин серьёзно уверовал в неё». В том же духе высказывается и де Ланкр⁴. Нет никакого сомнения, что в зоантропии мы имеем дело с феноменом ясновидения, так как только в этом случае возможны столь совпадающие между собою описания, которые приводятся всеми упомянутыми оборотнями; причём следует заметить, что все они говорят о вещах, которые в действительности не имели места. В некоторых же

¹ *Оммаж* — одна из церемоний, оформлявшая заключение вассального договора в Западной Европе средних веков. С VIII века оммаж стал сочетаться с клятвой верности. *Прим. ред.*

² Ein christliches Bedenken und Erinnerung vor Zauberey. III Aufl. Speier, 1596, Cap. XII.

³ *Фогт (фохт)* — 1) в Германии и Швейцарии — чиновник, наместник императора, причём различались городской фогт и земский фогт, совмещавший также функции судьи; 2) в Западной Европе — вассал епископа, светское должностное лицо в церковной вотчине, наделённое судебными, административными и фискальными функциями (управитель церковных земель). *Прим. ред.*

⁴ Wunderbarliche Geheimnissen der Zauberey... gezogen aus einem weitläufigen in Französischer Sprache gedruckten Tractatus Herrn Petri de Lancre, 1630.

Библиотечка «Апокрифа»

показаниях¹ мы находим и момент солидарности; он выражается в том, что человек указывает на своём теле те раны, которые получил волк в момент нападения на свою жертву; сам же человек всё время сидел дома, не трогался с места, так что этих ран он сам получить не мог.

По этому поводу Данкмар говорит: «Прежде всего, это превращение ни в коем случае не может считаться истинным. Достоверным является для нас следующее: во-первых, зоантроп сам глубоко уверен в своём оборачивании, во-вторых — третьи лица также смотрят на него как на оборотившееся животное. Первое можно объяснить себе патологическими причинами; второе же является результатом перенесения галлюцинации, зародившейся в голове маниака, одержимого безумием: эта галлюцинация магически заражает и других людей. Конечно, подобное перенесение галлюцинации особенно успешно происходит в тех местах и в такие эпохи, когда народное сознание насквозь проникнуто верой в оборачивание человека. Что касается убеждённости самого оборотня, то здесь, как и в ведьминых процессах, мы сталкиваемся с известными уже нам мазиями. По всему видно, что мы имеем здесь дело с целым обществом людей; один посвящает другого в тайны своей веры, знакомит его с родоначальником своего верования и доводит дело до того, что его товарищ охотно соглашается принять участие в шабаше. Простодушный поселянин и одинокий пастух находятся в каком-то глубоко-интимном отношении с окружающей их природой; она говорит с ним тысячею разнообразных звуков, к которым культурный человек остаётся совершенно глух. С каждым днём пастух всё ближе подходит к своему стаду; в жизни животных он раскрывает много новых, загадочных подробностей, в их инстинктах он находит много такого, что напоминает ему человека... Зоантропом никогда не будет человек, высоко стоящий в духовном отношении; таковым может быть одиноко живущий охотник или пастух, т. е. люди, имеющие дело с животными. Если он, кроме того, живёт в местности, богатой волками, то вполне естественно, что именно волк явится пунктом его умопомешательства. Мысль, загнанная в этот тупик, крепнет и складывается, наконец, в законченную манию: “Я сам — волк!”. Вначале у них наблюдаются различные подражания волкам; далее, под влиянием извращённой чувствительности периферических кожных нервов у них появляется ощущение усиленного роста волос. Шаг за шагом в них развиваются инстинкты антропофагов и садистов, и столь же постепенно в них зарождается ощущение, будто они действительно превратились в волков. Подобное отрешение от своей собственной личности предполагает страшнейшее одичание человеческого духа, так что дело нередко доходит до настоящего людоедства». Данкмар при этом указывает на участие альголагнистических² мотивов; он относит эту манию в категорию садизма, «терзающего и разрывающего предмет своей страсти». Очень может быть, что подобные акты садистического сладострастия впервые толкнули того или иного человека на мысль, что он превратился в волка. Но послушаем Данкмара: «Очень часто приходится наблюдать такое явление: люди, помешанные на том, что они превратились в зверей, крайне удачно подражают голосу и привычкам этих животных. Человек,

¹ См. Leubuscher, Über die Werwölfe und Fierverwandlungen im Mittelalter.

² Альголагнизм — разновидность садизма, желание причинять боль объекту своей страсти. Прим. ред.

укушенный бешеной собакой, часто в припадках пароксизма лает, кусается, скачет и т. д. Как мозг идиота-микроцефала знаменует собою возврат к обезьяньей природе наших отдалённых предков, так бывают и различные случаи атавизма, выражающиеся в форме определённого животного типа...

После всего сказанного ясно, что большая часть случаев так называемого “оборачивания” является результатом патологически-болезненного состояния; отчасти их можно объяснить атавизмом. Открытым остаётся пока вопрос относительно некоторых ещё не разрешённых фактов; для объяснения этих последних нам придётся прибегнуть к помощи более общего принципа. Мы видели, что втирание наркотических средств вызывает в человеке предрасположение к различным галлюцинациям. Спросим себя, какова специфическая природа этих галлюцинаций? На это мы получаем такой ответ: эти галлюцинации выражаются в том, что человек, давно испытанный в ощущениях зоантропии, проникается верой вурдалаков, что перед его глазами проносятся картины шумных собраний его товарищей, разделяющих с ним его веру. Отсюда вполне обоснованно будет вывести то заключение, что все они составляют своего рода общество, члены которого находятся в каком-то психическом взаимодействии между собою; во главе этого общества, естественно, находится руководитель, который пользуется неотразимым магическим влиянием на новичков. Человек, совершенно одичавший, ощутивший в глубочайших основах своего существа “волчью природу”, нуждается лишь в самом незначительном толчке, чтобы вызвать в себе волчью ярость — и этот толчок был дан... в лице руководителя общества; он ввёл новичка в этот кружок и тем самым создал демоническое взаимодействие между ним и всеми прочими участниками кружка. Это — атавизм, дарвинистического свойства, но выросший на психической почве, иными словами, мы имеем перед собою духовного и морального вырожда, человека, всецело отпавшего в мрак животного существования. Но если этот человек, просыпаясь после глубокого сна или сидя в тюрьме, заявляет, что в таком-то месте он убил такое-то животное, то этот факт можно объяснить себе только следующим образом: это животное было, вероятно, убито каким-нибудь другим человеком или настоящим волком, но он приписывает себе это убийство в силу того, что состоит с настоящими убийцами (благодаря симпатии) в некоем духовном взаимодействии. Если обратим внимание на те случаи, когда у зоантропа на теле имеются раны как раз в тех местах, в которых изранен нападающий волк, то мы увидим ту тесную магическую связь, которая существует между человеком и животным; в приведённых нами случаях, которые, несомненно, являются исключением, эта связь доходит до своего рода магического взаимодействия, которое и вызывает упомянутый феномен солидарности»¹. В последнем пункте Данкмар, по нашему мнению, зашёл уже слишком далеко. На наш взгляд, вовсе не нужно предполагать наличие какого-то магнетического взаимодействия между человеком и волком, чтобы объяснить феномен солидарности. Достаточно предположить, что зоантроп благодаря своей симпатии пластически воспроизвёл на своём теле те раны, которые он каким-то ясновидящим образом узрел на теле своего «друга из животного царства».

¹ Dankmar. Curiosa aus der Teufelsperiode des Mittelalters. Psychische Studien, 1899. XXVI Jahrg; Heft 1-9, S. 27-28, 80-84.

Вера в вампиров, распространённая среди славянских народов, представляет собою нечто ещё более ужасное, чем зоантропия. Во всяком случае, в Шотландии и Ирландии существует поверье, что некоторые трупы не тлеют в могиле; грызя собственное тело, они ночью встают из гроба и высасывают кровь из встречных людей. Эти люди вскоре умирают и также превращаются в вампиров. Подобные легенды существуют и поныне в Дании, Швеции, Норвегии и Финляндии¹. И португальская брукса есть не что иное, как вампир. Днём брукса живёт в своей семье, которая ровно ничего не подозревает; но вот настало время между закатом и восходом солнца — демоническая сила овладела ею. Она подымается со своего ложа и в образе огромной ночной птицы, совы или летучей мыши, улетает далеко от родины, по горам и долам, по болотам, озёрам и рекам; на поверхности вод она видит отражение своего отвратительного лица. Бруксы устраивают свидания со своими дьявольскими любовниками; они похищают, дразнят и терзают одиноких путников... Возвратившись из своего ночного путешествия, они высасывают кровь из собственного ребёнка, навевая на него сон своими крыльями. Если брукса хоть раз вкусила кровь, то она уже обойдёт всех соседей и будет всюду высасывать её... Нечто аналогичное представляет собою гуль, распространённый среди жителей восточных стран². Но все перечисленные нами привидения влияют на душу народа далеко не с той неумолимостью, с какой вампир действует на душу славянина.

«Выясняя сущность этого ужасного поверья, мы, прежде всего, наталкиваемся на тот факт, что слово “вампир” не немецкого, а славянского или турецкого происхождения. Все феномены, относящиеся к этому поверью, имеют место в странах со славянским населением. Далее, обращает на себя внимание то обстоятельство, что вера в вампиров распространена среди народов, принадлежащих к византийской церкви. Последняя, вопреки теории римско-католической церкви о нетленности святых, выставила принцип, в силу которого люди, отлучённые от церкви, после смерти не подвержены тлению. Этим, по всей вероятности, объясняется народное поверье, что тимпаниты³, т. е. отлучённые от церкви, после смерти превращаются в вампиров.

Эту болезнь, вспыхивающую в каком-нибудь селении и уничтожающую несметное количество людей, следует рассматривать как своего рода психическую эпидемию, распространяющуюся с невероятной быстротой. Весь вопрос заключается в том, откуда исходит первый толчок и какими причинами объясняется своеобразное состояние трупа в могиле. Первый толчок этой эпидемии исходит, несомненно, от самого мертвеца, который находится в самом тесном взаимодействии с живым миром. Эту свою подчувственную связь с миром живых людей он старается использовать в том смысле, чтобы извлечь из людей драгоценный материал, являющийся средоточием органической жизни и связующим миром: свежую кровь. От заклинания усопших, совершённого Одиссеем и Геродотом, до опытов Гелленбаха, создавшего некие субстанции, мы всюду видим одно и то же: душам умерших (при некромантии) предлагается кровь. Только те мертвецы

¹ Novorka u. Kronfeld, a. a. O., 425.

² Schindler, a. a. O., S. 30.

³ Возможно, в оригинале было какое-то другое слово. *Тимпанит* — это метеоризм, избыточное скопление газов в кишечнике. Схожее слово «*тимпанист*» тоже вряд ли подходит: оно означает «музыкант, играющий на литавре». *Прим. ред.*

вкушают с особенным удовольствием кровь, этот символ материи, которые ещё при жизни всем существом своим ушли в сферу материального существования и которые в силу этого никак не могут свергнуть с себя путы, связующие их с земной жизнью. Гелленбах сравнивает их с умалишёнными, которые не в состоянии освоиться с новыми формами мирозерцания. Согласно индийскому тайному учению, средоточием всех низших страстей человека является особая основная сфера души, которая именуется *камарупа*. В этом месте пребывают человеческие склонности, сохраняясь даже после смерти. Эта *камарупа* лишена разума; она руководствуется одними только слепыми инстинктами. Если природа живого человека отличалась резкой чувственностью, то после смерти душа его будет стремиться к удовлетворению тех же страстей, которые тревожили его при жизни...

Итак, благодаря этой основной сфере души, сосредоточивающей в себе все низменные страсти человека, создаётся особая связь между двумя мирами. “Вампир” высасывает жизненные соки из живого человека, и таким образом в труп его поддерживается растительная жизнь. Вовсе не следует себе представить дело так, что здесь происходит фактическое высасывание, действительное лишение крови... Нет — силы убывают во всей нервной системе человека... С точки зрения упомянутого взаимодействия вполне объяснимы и такие явления, как удушье, быстрый упадок сил у вампиризованного субъекта и т. д.; что касается голубых пятен на теле, которые будто бы являются результатом “высасывания”, то это, в сущности, не что иное, как стигматы, вызванные внушением со стороны вампира. По той же причине человек, одержимый этой болезнью, видит пред собою призрак вампира... Состоянию вампиризованного человека можно противопоставить состояние трупа, принадлежащего самому вампиру; в тёмном царстве ночи, как говорит Гёррес, он ведёт безумное, отвратительное существование, подобно асфodelю¹... В своём прекрасном труде “Scheintod” Р. Визендангер² говорит, что каждый атом клетки человеческого организма проникнут жизненным принципом; упадок и разрушение нашего тела начинается тогда, когда жизненный принцип покидает наше клеточное сооружение. Я уже не раз говорил, что жизненный принцип, заложенный в человеке, имеет в каждом конкретном случае свою особую индивидуальность и психическую конструкцию. Если ясновидец хочет установить какое-нибудь взаимодействие между собою и каким-либо другим человеком, или какой-нибудь маг хочет испытать свою магическую силу на каком-либо человеке, то оба они должны обладать такими предметами, которые насыщены “трупными элементами” этого человека. Только тогда их опыт может вполне удался. Из всего сказанного ясно, что жизненный принцип, заложенный в этих предметах, создаёт особую связь с организмом, а это обстоятельство даёт нам основание утверждать следующее: до полного упадка

¹ *Асфodelус, асфodelь или асфodelюс (Asphodelus)* — название рода растений из семейства асфodelиевых (*Asphodelaceae*). У древних греков существовало мифическое представление о Полях асфodelей в Аиде (подземный мир), по которым блуждали тени умерших, не совершавших преступлений, за которые отправляли на Поля наказаний, но и не бывших настолько героичными и праведными, чтобы попасть в Элизиум. На Полях асфodelей тени были подвержены только забвению прежней жизни, и асфodelь был символом забвения. *Прим. ред.*

² Wiesendanger. Gibt es einen Scheintod? Sphinx, 1896, Märzheft.

Библиотечка «Апокрифа»

жизненного принципа, т. е. до полного разрушения клетки, мёртвое тело может сохранить ещё некоторое отношение к низшим сферам душевной жизни человека, так что оно таит в себе некое смутное подсознание... Этой именно подсознательной деятельностью объясняется тот факт, что труп лишён своего специфического запаха, что он не так быстро подвергается гниению; низшие органические образования, как например, волосы и ногти, даже продолжают расти, кровь сохраняет свою прежнюю свежесть... Тем не менее, действительное, объективное ощущение здесь совершенно отсутствует; это скорее состояние каких-то смутных, фантастических ощущений... Так говорит Данкмар. Если и вполне согласиться с ним, то всё же кое-что остаётся невыясненным. Ибо как понять нетленность святых людей, провозглашённую католической церковью? Ведь это факт, который можно подтвердить многочисленными данными. В этом случае не может быть никакой речи о своеобразной деятельности той особой сферы души, которая сосредоточивает в себе все низменные человеческие страсти. Нам кажется, что гораздо правильнее будет свести всё решительно моменты, связанные с верой в вампиров, к целому ряду явлений внушения. Это положение вполне подтверждается многочисленными оккультными фактами.

Мэйо¹, по нашему мнению, вполне прав, утверждая, что мнимая смерть, или «экстаз смерти», как он это называет, есть явление эпидемического характера, возникающее в определённых местах и в определённые периоды. Этот взгляд содержит в себе много верного. Страшный слух о появлении в какой-нибудь местности вампира повергает всё население в неопишуемый ужас. Вполне понятно, что у людей наиболее нервных дело иногда доходит до настоящих галлюцинаций, центральной фигурой которых является вампир. За этим болезненным ощущением следует целый ряд других столь же патологических впечатлений, которые нередко кончаются смертью человека. Правда, смерть в подобных случаях не является окончательной; она есть лишь временное исчезновение признаков жизни. Тем не менее, подобного состояния вполне достаточно для того, чтобы простой человек схоронил труп. Но так как мысль о вампире властно господствует над умами всех людей, то и этот мертвец очень часто появляется в фантастических видениях своей возлюбленной или родственницы. Ибо в большинстве случаев можно с точностью установить, что к женщинам являются мужчины-вампиры, тогда как мужчины в своих картинах рисуют себе преимущественно женщин-вампиров. Так, например, во время эпидемий в Сербии сын гайдука Милое через четыре недели после своей смерти предстал в образе вампира перед Ситанойкой, невесткой того же гайдука. Как-то раз она легла спать, чувствуя себя вполне здоровой; вдруг она с адским воем вскакивает с постели. Вся дрожа от страха, она рассказала, что к ней явился Милое и начал её душить, отчего у неё сильно разболелась грудь. Состояние её постепенно ухудшалось, и через восемь дней она умерла. В той же деревне одна вдова забеременела через год после смерти своего мужа. Она рассказала, что муж явился к ней ночью в образе вампира и, несмотря на её протесты, проспал с нею целую ночь.

А вот ещё один случай, довольно известный в литературе. Мы говорим о Петере Плогоевице, который в образе вампира посетил целых девять человек; все они вскоре

¹ Wahrheiten im Volksaberglauben, deutsch von Hartmann.

умерли. Через три недели после его смерти его снова откопали, причём не только не было трупного запаха, но на нём не нашли никаких признаков гниения. Мало того. Борода и волосы у него выросли; кожа во многих местах шелушилась, а в некоторых отчётливо выступала свежая, красноватая кожа и т. д.¹

Вампиризму не чужд и некоторый половой момент. В этой сфере он ведёт к чрезвычайно опасной форме предрассудков, связанных с инкубами и суккубами; но о них мы поговорим впоследствии. Вампиризм неумолим: на каждом шагу он требует жертв, которых предаёт самой безжалостной смерти. Благодаря Мэйо мы знаем, чем объясняется относительная свежесть, которую сохраняют трупы вампиров; причина этого поразительного явления заключается в том, что всё это — не настоящие мертвецы, что их закапывают живьём. Кроме того, вампиризм действует самым разрушительным образом на души живых людей.

Ведь «официально» установлено, что во время вампирической эпидемии нередко настигали живых людей, которые нападали на людей и животных, душили и терзали их, высасывали из них кровь! Все эти акты умопомешательства создавали самую благоприятную почву для распространения страха перед вампиризмом и веры в него. Правда, всё это совершалось живыми людьми, но ведь возбуждённая фантазия приписывала это «мертвецам»². Благоприятными оказывались и различные другие факты, о которых мы читаем в истории. Таков, например, случай с Тесосомоком, королём Аскапоцалько. Достигши преклонного возраста, он всецело был поглощён заботой о поддержании своего государства. Перед его глазами часто проносились картины страшного разрушения страны; Несауалькойотль, наследный принц Тешкоко, являлся к нему в сновидениях в образе коршуна; он рассекал ему грудь и вырывал сердце, причиняя ему этим мучительные страдания. В другой раз он появился к нему в образе пумы, которая облапывала его тело и сосала из него кровь. Здесь перед нами явление, вполне аналогичное вампиризму; во всяком случае, оно проливает свет на некоторые загадочные стороны вампиризма. Опасения старого Тесосомока за дальнейшие судьбы его государства были вызваны появлением коршуна, истерзавшего его тело и высосавшего из него кровь. Но это же самое мы видим и в вампиризме. Тревога и страх, опутывающие человека в бредовом состоянии, принимают образ вампира, который с тех пор приобретает безраздельное господство над человеком и неотступно следует за ним. Более того. Возникновение вампиризма можно всецело свести к подобным бредовым состояниям, которые свойственны всякому человеку в минуты горя и скорби.

Культурный человек давно порвал с вурдалаками и вампирами; даже дети — и те махнули на них рукой. Европа окончательно свергла с себя гнёт колдовства. Один только Сатана ещё остался; его не в состоянии была устранить даже просвещённость энциклопедистов. Сатанинское начало в человеке сохранилось даже в такое время, когда все прочие боги пали под жестокими ударами человеческого скептицизма. Эгоистические мотивы и дух отрицания привели современного человека к «чёрной мессе», этому культурному подражанию ведьмину шабашу. «Чёрная месса» — чрезвычайно популярная

¹ Horst. Zauberbibliothek, I, 257, 277, V. 391.

² Geszmann. Vampirismus und Zoanthropie. Psych. Stud. XIII, Jahrg., 1886, 5. Heft, S. 194.

Библиотечка «Апокрифа»

тема в наше время. Гюисманс и Пшибышевский подвергли её литературной обработке. Лео Таксиль на этой почве совершил гениальную махинацию с мисс Воган и демоном Битру. Даже Лев XIII поверил этой сказке или из соображений церковно-политического характера показал вид, что верит. О «чёрных мессах», которые имели бы место в действительной жизни, а не в пышной фантазии литераторов, у нас очень мало сведений. Достоверно мы знаем лишь об одной мессе, связанной с именем маркизы де Монтеспан. Лье и Функ-Брентано рисуют её в таком виде. Посреди комнаты был поставлен алтарь, а на него положен тюфяк. На этом тюфяке располагалась обыкновенно какая-нибудь обнажённая участница мессы; в данном случае это была маркиза де Монтеспан. Аббат Гибург, руководивший мессой, поставил крест на груди маркизы, покрыл её живот салфеткой, а поверх этого поставил чашу. Когда священнослужителю, сообразно той или иной фразе этой мессы, нужно было целовать алтарь, он целовал тело маркизы. Тут же совершалось жертвоприношение. Зарезав новорождённого ребёнка, священник отливал его кровь в чашу, где находилась святая просвира. Во время этой церемонии он от имени де Монтеспан говорил следующее¹: «Пусть король и дофина навсегда останутся моими друзьями. Я хочу, чтобы королева была бездетной, чтобы король оставил свой стол и кров. Пусть дружба его ко мне возгорится с адской силой, пусть покинет он Фонтанж, пусть отвергнет свою супругу и женится на мне».

Необходимо сознаться, что есть ещё очень много людей, которые празднуют свою «чёрную мессу». Но она окончательно утратила первобытную дикость, которая так сближала её с ведьминым шабашем. В настоящее время она представляет собою не что иное, как извращённое создание эстетической мечтательности. С тех пор, как церковь потеряла свою власть над умами людей, её догмы утратили ту строгость и остроту, против которых так страстно боролись вольнодумцы и еретики. Прошедший век, век демократии, уничтожил в корне все эти своеобразные особенности человеческой психики. Всякая попытка вновь возродить их потерпела бы поражение; в лучшем случае, она вызвала бы к жизни лишь отдалённые намёки на строй старого времени.

¹ Légue. Médecins et empoisonneurs. S. 185.

ИНКУБАТИ СУККУБАТ

Любовные демоны – «Молот Ведьм» о половых сношениях с Дьяволом – «Молот ведьм» о влиянии воображения – Любовные духи спиритов – Иранские проститутки – Демонические лисы Японии и Китая – Инкубы и суккубы у гаитян – Дикая дева – Шведская Скогсфру – Приговор за сожительство со Скогсро – Эльфы и альвы – «Любовь эльфов» – Русский леший – Любовные демоны в талмудической традиции – Происхождение любовных демонов – «Сыны Божии» – Фома Аквинский о любовных демонах – Любовные демоны в святоотеческой литературе – «Молот Ведьм» о «выходе» для похоти – Монашки и инкубы – Любовные письма к Сатане – Случаи в институте г-жи Буриньон – «Ведьма» Мишле – Видения Даниэля фон Оппена – Призрак девушки в Ганау – Сексуальная одержимость – Наблюдения Гмелина – «Спиритисты» Блютгена – Оплодотворение – «Четвёртое измерение» – Супружество с мертвецом – «Астральный двойник», являвшийся к жене – Современный суккубат – Спиритические опыты – Дух Берти – Его отношения с живым мужчиной – Объективные явления и субъективные галлюцинации – Появление писем и цветов от духа – МакНапп о материализации вымышленных фигур – Берти, воплощение бессознательного – Отто де Жу и управляющий дух – Интеллектуальный суккубат – Автоматическое письмо медиумов – Представления в состоянии транса – Глоссолалии – Танцы во сне – Эротические грёзы наяву – Спиритуалистические богослужения – Таинство брачной ночи с духом, пребывающим в медиуме – Талант и спиритизм – Спиритуалистическая демономания – Обмен душами – Спиритическая чертовщина – «Драматическое раздвоение» Сведенборга – Его «главная ночная страсть» – Субъективный характер видений Сведенборга – Психологические причины его общения с призраками – Сведенборг о своём общении с «ангелами» и «духами» – Ясновидение Сведенборга – Actio in distans (влияние на расстоянии) – «Концентрация мыслей» – Американская «психологическая литература» – Половое воздействие на расстоянии – Гёте об эротических телепатии – Елена фон Раковица о своих эротических «предчувствиях» – Человек как создатель любовного демона.

Если вопрос об инкубате и суккубате — этой существенной части колдовства — выделен нами в особую главу, то объясняется это тем, что, несмотря на совершенное исчезновение всяких ведьм и ворожей, вера в инкубов и суккуб продолжает оставаться по-прежнему. Первобытное человечество, а за ним и язычество, создало своих демонов и леших. Средневековые теологи и судьи, в руках которых находилась судьба преследуемых ведьм, проявляли совершенно исключительный интерес ко всем этим демонам, ко всем таинственным операциям, связанным с их культом. Составители *«Молота ведьм»*, Шпренгер и Инститорис, дают вполне научное и очень удовлетворительное психологическое обоснование этого загадочного разврата, в центре которого находился Дьявол. Там мы читаем:

«Когда человек спит, кровь спускается к главному центру чувств; вместе с ней спускаются и впечатления о свершённых действиях тела, уплотняются там в ином порядке и образуют то хранилище образов, из которых черпается содержание сновидений при приведении его в движение духами... Как сновидения, так и видения в бодрствующем состоянии обусловлены появлением различных образов из области памяти, вследствие определенного движения крови и соков под влиянием действия духов. Когда эти духи — демоны, то появляющиеся образы можно назвать внутренним искушением. Отсюда явствует происхождение любовной пагубы, возбуждаемой образами, поднимающимися из хранилища человеческих восприятий¹. В этой области демон совершает свою работу с большим, поразительным искусством. Он знает, что человеческая страсть достигает тем большей яркости и силы, чем чаще человек сталкивается с образами, схожими с предметом своего влечения. И вот с этой-то целью демон старается создать в воображении человека наиболее выпуклый, рельефный образ любимого им существа — и это делает он с тем большим успехом, чем чувствительнее и восторженнее отношение любящего человека к своему возлюбленному»².

Тут же они замечают: «Не надо забывать и того, что некоторые женщины тревожатся инкубами не в действительности. Им только кажется, что инкубы их беспокоят. С мужчинами это случается значительно реже. Ведь женщины трусливее и восприимчивее к фантастическим образам. Посему Вильгельм и говорит: “Многие фантастические явления обусловлены меланхолией, в особенности, у женщин. Основание этому надобно искать в женской натуре, т. к. женщины значительно восприимчивее мужчин”. И он добавляет: “Я видел одну женщину, которая была убеждена, что чёрт познаёт её изнутри, и сказал, что

¹ <http://lib.ru/HRISTIAN/INKWIZICIQ/hexenham.txt>, часть I, глава 7. *Прим. ред.*

² Hexenhammer. I, 116-117.

Последний фрагмент в указанной русской редакции не обнаружен, поэтому он приведён по оригинальному изданию «Оккультизма и сексуальности». *Прим. ред.*

подобное чувство невероятно”. Вильгельм не считает возможным, чтобы женщины могли забеременеть от инкуба, хотя и утверждает, что их животы увеличиваются в объёме. Когда же приближается время разрешения от родов, то они лишь уменьшаются в объёме, испуская значительное количество ветров. Ведь с помощью муравьиных яиц, принятых в каком-либо напитке, можно развить много ветров и смятения во чреве человека. То же получается от принятия травы “не-тронь-меня”. Дьяволу нетрудно произвести подобные и ещё более изумительные явления во чреве человека. Это прибавлено потому, чтобы не особенно верили женщинам, но чтобы верили только тому человеку, вероятность показаний которого не подлежит сомнению, а также и тому, кто действительно убедился в этом на опыте в своей собственной кровати и наблюдал подобные явления у спящих с ним вместе».

К сожалению, практика сильно расходится с приведённой теорией. Чтобы спасти основной догмат веры в Дьявола, решено было оставить без внимания весь тот научный материал, который был собран и накоплен в этой области. Ведь все, например, знали, какова сила и значение внушения. В *«Молоте ведьм»* мы читаем: «Когда вещь представляется совершенно не в том виде, какова она на самом деле; когда видишь, как человек проглатывает коня вместе с всадником, когда он глубоко убеждён, что превратился в зверя и гонится вместе с прочими зверями по широким полям — во всех этих случаях мы имеем дело с глубокой аномалией человеческих чувств и ощущений, — виновником всего этого процесса является демон. Он пронесит перед глазами человека фантастические образы, и делает он это с такой отчётливостью и рельефностью, что человек глубоко уверен, будто перед его глазами действительно стоит конь или зверь, тогда как никакого коня, никакого зверя на самом деле нет¹... Нет ничего удивительного в том, что демоны могут делать это, так как это происходит и при нездоровой природе, как то обнаруживается у сумасшедших, меланхоликов, маниаков и пьяниц, которые не могут правильно распознавать вещи: сумасшедшие полагают, что они видят удивительные вещи — видят зверей и ужасные явления, чего в действительности совершенно нет»². И несмотря на то, что всё это было достоверно известно, к показанию подсудимых отнеслись, тем не менее, с большой доверчивостью.

Современный спиритизм подражает во всех отношениях своим достойным предшественникам. Разница заключается лишь в том, что представители его не понимают психологической основы совершающихся процессов. Стоит медиуму заговорить о любовном демоне — и современный спирит крепко уверует в реальное бытие этого существа. Ведь говорит же Хандрих³ с чисто профессорским достоинством о «материализующихся существах ультраматериальной сферы, которые подкрепляют выводы спиритистов о существовании инкубов и-суккуб и о наличии связи между существами посю- и потустороннего мира». Вместе со спиритизмом возродились к новой жизни и демоны любви; нет никакого сомнения, что, сообразно требованиям новейшего времени, эти существа приобрели более загадочную и таинственную физиономию, чем их

¹ Этот фрагмент также не обнаружен в указанной русской редакции *«Молота ведьм»*. *Прим. ред.*

² Hexenhammer, II (?), 81-82.

<http://lib.ru/HRISTIAN/INKWIZICIQ/hexenham.txt>, часть III, глава 7.

³ Analogon spiritischer Phänomene, Psych. XXVI, 1899, Juniheft, S. 300.

достойные предшественники. Но взглянемся несколько ближе в лица этих предшественников.

Древние иранцы относились с большим подозрением к проституткам-чужестранкам. Совершенно исключительную подозрительность они проявляли к туранским певицам и танцовщицам. По их мнению, все эти женщины одержимы Дьяволом: он вселяет в них безумие и научает их всевозможным колдовским приёмам, с помощью которых можно пробудить в человеке страсть. Иранцы возносят молитвы к Гайомарту, покровителю брака, прося его поразить своим оружием эту «блудницу, которая зажигает человека бешеной страстью и чувство которой так же неустойчиво, как гонимое ветром облако». Так как туранки сверх этого не примыкали к общепринятому государственному культу, то священные книги Ормузда настойчиво предостерегали верующих от этих «обольстительных пери»; в этих книгах мы неоднократно читаем напоминания о том, что верующие под их влиянием не только становятся рабами их соблазнительной внешности — они просто впадают в ересь¹.

В Японии и Китае демоны имеют лисью внешность. По народному поверью, лиса обладает способностью превращаться в человека. В подобных случаях она превращается в инкуба или суккубу. Так, например, в народе до сих пор ещё держится слух, будто наложница последнего императора из династии Шан была лисой; эта лиса превратилась в женщину и своей красотой обольстила юного императора².

Жители острова Гаити также верили в инкубов и суккуб. То были души умерших, которые, по их представлению, днём находились в заточении, а ночью рыскали по белу свету³.

У абиссинцев и мусульман инкубом является Шайтан. В Абиссинии существует поговорка: если женщина спит одна, то о ней думает Дьявол⁴.

У германских народов лесные феи вступают в брак с людьми. Одна из них, жившая в пещере у Роденштейна, влюбилась в молодого красивого охотника; он же, в свою очередь, был так очарован её красотой, что вступил с нею в половую связь. Через некоторое время она родила ему ребёнка. «*Dictionnaire infernal*» приводит случай, приключившийся с одним молодым баварцем. У него умерла жена, и скорбь его была так велика, что он никак не мог утешиться. И вот перед ним явилась Сильфида в образе его умершей жены. Она заявила, что Бог послал её к нему, желая утешить в бесконечном горе. Они жили вместе несколько лет. Но так как его поведение оставляло желать много лучшего, то она самым неожиданным образом исчезла.

В Швеции Скогсфру бродит, одинокая, по лесам и своей красотой и лаской обольщает всех встречных. Кто поддаётся действию её чар, тот сходит с ума. Она принимает самые разнообразные формы. Так, например, одному юноше, который шёл на свидание к своей невесте, она явилась в образе этой невесты (кстати, последняя не могла прийти к назначенному времени). Она стала угощать его всевозможными яствами. Когда же он проглотил последний кусок, она страшно рассмеялась и быстро убежала в лес. При

¹ Svoboda, a. a. O., I, 261.

² Stoll. Suggestion und Hypnose in der Völkerpsychologie. S. 35.

³ Stoll, a. a. O., 186.

⁴ Bieber, a. a. O., 72.

этом юноша, напуганный до смерти, увидел выдолбленную спину её и длинный хвост. В Дании эльфы — это те же дьявольские существа с дуплистой спиной, каких мы встречаем у всех народов. Все они имеют неотразимую силу и влияние на тех людей, которые были крещены без соблюдения всех деталей этого обряда. Существует масса рассказов о браках, заключённых лесными феями с людьми. В 1691 году шведский суд присудил 22-летнего юношу к смертной казни «за преступное сожительство с Бергро и Скогсро». В 1701 году подвергся судебному преследованию волонтёр Манс Мальм за то, что имел дело со Скугрой¹.

Эльфы и альвы, фигурирующие в немецких сагах, это те же инкубы и суккубы. Человек, который одержим альвом (домовым), ясно чувствует, что какая-то женщина приглашает его совершить с ней половой акт; более того, он своими глазами видит, как она всходит на его кровать, чтобы выкинуть какую-нибудь нелепую шутку².

Если на германской почве лесные феи заключают брачные союзы с мужчинами, то у славян мы встречаем явление совершенно противоположного свойства: там леший старается обольстить своими чарами молодых девушек. Русский леший очень часто вступает в брак с женщинами. В Архангельской губернии существует поверье, что вихрь — это танец лешего с его невестой. Леший похищает и женщин, и детей; он уносит их в своё подземное обиталище и после долголетнего пребывания там выпускает их совершенно одичавшими³.

У еврейского народа тоже существовали многочисленные легенды о любовных демонах. Согласно толкованию Талмуда, место из книги Бытия «мужчину и женщину сотворил их» следует понимать в том смысле, что Адам был физически неразрывно связан со своей женой Лилит; но так как они вечно ссорились, Господь разделил их и дал каждому самостоятельное бытие; с тех пор Лилит предаётся разврату с различными чертями, а Адам в течение 130 лет тоже находился в связи с чертями женского пола, пока Бог не дал ему второй жены — Евы. Вот чем объясняется существование демонов и духов всевозможных видов. По преданию Талмуда, Исав имел жену Махаллат, которая была суккубой. Самая красивая из всех суккуб носила имя Ноема; вместе со своим братом Тувалкаином она родилась из души Каина. Эта-то Ноема и является настоящей родоначальницей любовных демонов⁴.

Опираясь на библейский рассказ о «сынах Божиих», живущих в любовной связи с дочерьми рода человеческого, Фома Аквинский утверждал, что любовные демоны существуют в действительности. Он защищал мнение, что совокупление с этими демонами может привести к зачатию. Согласно его теории, бесплотный дух обладает способностью облечься в телесную оболочку и таким образом вступить в половую связь с людьми. В результате, конечно, мы имеем процесс зачатия нового существа; но это зачатие вызвано не организмом демона и не тем семенем, которое содержится в телесной оболочке, в которую облачается демон. Причина зачатия лежит в том, что демон совокупляется с женщиной под видом суккубы; воспринятое таким образом семя он передаёт затем

¹ Mannhardt, a. a. O., 88, 132, 139, 126, 135, 136.

² Görres, a. a. O.

³ Männhardt, a. a. O., 142-143.

⁴ Dankmar, a. a. O., S. 333.

женщине, с которой он совершает половой акт уже в качестве инкуба. Против этого можно было бы возразить, что в промежутке между этими двумя актами человеческое семя остывает и теряет свою жизненную силу.

На это Фома Аквинский отвечает, что всё это демон старается предотвратить, как быстротой своих движений, так и применением всевозможных согревающих средств.

В трудах отцов церкви Фома Аквинский нашёл богатый материал, подтверждающий правильность его теории. Августин много рассказывает о фавнах и сатирах, находящихся в половой связи с женщинами. А Созомен в своей «Церковной истории»¹ приводит пример одного кузнеца Апеллеса, который пользовался в Египте широкой популярностью благодаря своим выдающимся качествам. Как-то ночью, когда кузнец был занят своей работой, к нему явился демон в образе женщины, чтобы испытать его целомудрие. В ответ на приставания демона кузнец бросил ему в лицо кусок раскалённого железа; только тогда демон со страшным стоном и плачем убежал. В изложении Созомена этот «демон», если он на самом деле был, проявляет все черты, весьма характерные для Дьявола. После Фомы Аквинского и некоторых других защитников этого предрассудка вера в любовных демонов приобрела самые прочные формы и вошла в качестве составной части в монашескую литературу.

В конце своей книги «*De apibus*» («О пчёлах») Фома из Брабанта приводит пример одной девушки, которую «неотступно преследовал инкуб, несмотря на ежедневную горячую исповедь, несмотря на её ум и просвещённость. Ни крест, ни святая вода, которая специально создана для того, чтобы смутить Дьявола; ни распятие, которое внушает страх даже ангелам, — ничто не помогло. Только долголетняя горячая молитва и жестокий пост спасли её от дьявольского наваждения». Цезарий Гейстербахский рассказывает об этой женщине, которая жила шесть лет с Дьяволом; невидимым образом он оплодотворял её под самым боком у мужа. На седьмом году она исповедалась и была спасена святым Бернгардом.

В X главе III книги своего произведения «*Illustrium miraculorum et historiarum memorabilium*» он приводит случай с одним развратным схоластиком, который пригласил к себе на дом женщину. Вместо неё пришёл Дьявол. На следующее утро Дьявол спрашивает его: «С кем, по твоему мнению, ты совокупился в эту ночь?» «С женщиной», — отвечает тот. «А вот и нет, — возражает демон, — ты совокупился с Дьяволом». Там мы находим рассказ о том, как дочь одного священника была обесчещена инкубом; из-за этого она помешалась. Она, однако, вполне излечилась от своей болезни после того, как её отвезли далеко за Рейн. Но Дьявол смертельно поразил её отца, так что тот через три дня умер. Пётр Палудан рассказывает об одном молодом человеке, который женился на идоле, но он об этом ничего не знал; ему казалось, что он имеет дело с девушкой. Всё это можно себе объяснить только происками Дьявола.

По поводу всех этих рассказов «*Молот ведьм*»² замечает, что «люди, воспламенённые плотской страстью, до того безумствуют, что им необходимо найти

¹ VI. 28.

² II. 214-215.

Библиотечка «Апокрифа»

какой-нибудь выход для своей похоти; люди знатные, прелаты, богачи — все они впадают в это роковое несчастье»¹.

Не остаются в стороне от этого движения и бедняки.

«Одна женщина, жившая вблизи города Гевия, в Базельском кантоне, шесть лет находилась в половой связи с инкубом; причём всё это совершалось под боком спящего мужа. Половые акты с ним происходили три раза в неделю, по воскресеньям, вторникам и пятницам, а иногда и ещё чаще. В городе Кобленце один бедняк в присутствии своей жены совершал половой акт точно таким же образом, как он вообще совершается между мужчиной и женщиной. Ничто не могло остановить его безумства — плач и ропот жены мало помогали в данном случае. Каждый раз по окончании акта он вскрикивал: “Начнём сначала”, хотя не видно было, к кому он, собственно, обращается и кто служит ему суккубой. Часто доходило до того, что он после жестокого приступа одержимости падал в полнейшем бессилии на землю. Когда его впоследствии спрашивали, с кем он совершал половой акт и кто такая была его суккуба, он неизменно отвечал, что ничего не видал пред собою, что впал в такое беспамятство, которое совершенно лишило его возможности владеть собою. Он при этом всегда указывал на одну женщину как на виновницу своего безумного состояния».

Особенно часто нападениям со стороны инкубов подвергаются монахини. Вейер рассказывает об одной 14-летней монашке Гертруде, которая каждую ночь спала с Сатаной. Она до того влюбилась в него, что писала ему самые страстные, самые нежные письма. Из института г-жи Буриньон — человека, настроенного крайне мистически, — убежала 14-летняя девушка; она как-то напроказила и за это была посажена под замок. Никто не мог понять, каким образом она убежала. Впоследствии она призналась, что её освободил из заточения Дьявол, которому она была предана ещё с раннего детства. Через три месяца после этого другая девушка заявила, что она — колдунья. Её немедленно уволили из института. Ещё через три месяца одна одиннадцатилетняя девочка заявила, что она — ведьма и всегда находится в обществе Дьявола, который является к ней в образе мальчика. При этом она рассказала, как впервые познакомилась с Дьяволом. Это было давно: как-то раз пришли к ней деревенские девочки и пригласили пойти гулять; выйдя за деревню, они встретили знакомых мальчиков, с которыми пошли вместе. Далее, приехал к ней верхом мальчик, но не на метле, а на маленькой лошадке; взяв с собою её и её подруг, он пронёсся по воздуху и прилетел в громадный замок, где они все наслаждались танцами, вином и музыкой. Но эти три девочки только положили начало. После них почти все девочки института, всего около 50 человек, объявили себя причастными к колдовству².

Жанна Хервиллерс говорит, что, когда ей было 12 лет, мать познакомила её с Дьяволом. С того дня он жил с нею совершенно так же, как живут друг с другом мужчина и женщина; разница заключалась лишь в том, что его семя было холодное. Он посещал её раз в неделю или в две, причём его нисколько не смущало то обстоятельство, что она

¹ Этот фрагмент также не обнаружен в указанной русской редакции «Молота ведьм». *Прим. ред.*

² Horst, a. a. O., I, 226-227.

иногда находилась с мужем; следует заметить, что муж об этом совершенно не знал и ровно ничего не замечал. Жанна и её мать были сожжены.

Мишле приводит рассказ одной вдовы, которая страшно убивалась по поводу смерти своего мужа. Она обратилась к одной колдунье с просьбой дать ей возможность хоть раз взглянуть на умершего супруга. В награду за это она готова была отдать ей всё, даже свою жизнь. Ведьма посоветовала ей пойти домой, наглухо закрыть двери и ставни, надеть свадебное платье и оставить за столом место для мужа. Далее она должна настойчиво звать его. «Но, — заметила она, — он не придёт. Тогда возьми из ящика последний его сюртук, целуй его и приговаривай: “Ты не придёшь — тем хуже для тебя”». Затем она дала женщине какое-то вино, которое та должна была принять, и заявила ей, что если она всё сказанное исполнит в точности, то муж обязательно придёт. И, в самом деле, он явился к этой вдове и обещал ей приходить каждое воскресенье ночью, когда она будет спать.

Даниэль фон Оппен, человек, которого часто посещали различные видения (некоторые из них он издал), подвергся в период своей возмужалости нападению духа в образе «знакомой девушки, облачённой в белые одеяния... Дух захотел, чтобы фон Оппен никогда не женился. Сам же фон Оппен под влиянием своих братьев решил, напротив, в ближайшем времени жениться. Узнав об этом решении, ночью явился к нему дух, так что все присутствующие могли его ясно видеть своими глазами. Он решительно направился к кровати, чтобы вытащить оттуда фон Оппена». Оппен всё же женился тогда. Дух продолжал свои угрозы; он пророчествовал, что «первый ребёнок, который родится от фон Оппена, будет мёртвым; так оно на самом деле и было». Оппен очень часто напоминал собою людей, которые «страдают эпилептическими припадками». Дух обыкновенно появлялся в костюме, шитом во вкусе знакомой Оппену девушки¹. Надо полагать, что к этой девушке Оппен питал очень серьёзное чувство, — и вот, благодаря его медиальным задаткам, бессознательная сфера его существа невольно создавала в его представлении образ этой девушки. Если и другие люди видели появление духа, то это, в сущности, не что иное, как психическое взаимодействие между Оппеном и окружавшей его человеческой средой.

Но вера в инкубов имеет и свои смешные стороны. До чего невероятным и фантастичным является, например, самообвинение одной амстердамской девушки, которая утверждала, будто словами «*schurius, turius, turius*» она в состоянии околдовать целое стадо и увести его с пастбища. Далее она говорила, что из ада восстал перед нею жених по имени Рультхен. Он обещал ей вступить в брак; она же ничего лучшего и желать не могла. Но когда он, в минуту интимной, откровенной беседы, признался ей, что он именно тот человек, который предал Христа, она горячо возненавидела его. Ещё комичнее рассказ Рейха об одном привидении, которое «явилось к нему в Ганау в образе девушки. Как-то ночью сидел он у себя в комнате и читал. Вдруг в дверях показалась девица, которая всевозможными знаками дала ему знать, чтобы он следовал за ней. Поднявшись со своего места, он направился к призраку; девушка же тем временем отошла от двери и направилась в комнату его друга. Там она легла в кровать, но когда

¹ Hennings, a. a. O.

Библиотечка «Апокрифа»

Рейх захотел обнять её, то он нашёл комнату совершенно пустой. По его словам, таких случаев у него в жизни было два. Раз явился к нему призрак в образе долговязого чёрного мужчины; то был вор, который хотел украсть у него платье. Другой раз в его комнату вошли хозяйка и служанка».

Случай сексуальной одержимости, представляющего собою переходную стадию к инкубату, приводит Гмелин в первом томе своего труда *«Beiträge zur Anthropologie»*. Речь идёт об одной немецкой даме, которая страдала нервными припадками, связанными с умопомрачением. Во время этих припадков она неизменно представляла себя французской эмигранткой. Заболела она на почве любви к одному молодому человеку, который принимал деятельное участие в разыгрывавшейся тогда французской революции. В один прекрасный день молодой человек бесследно исчез; это обстоятельство подействовало крайне удручающе на молодую даму, и она заболела. Правда она очень скоро отделалась от делирия, который сопровождался у неё сильнейшей лихорадкой, но до полного выздоровления было ещё далеко. Всякий раз, когда надвигались приступы болезненного состояния, она резко обрывала разговор, оставляла без ответа обращённые к ней вопросы, а её глаза неподвижно упирались в какую-нибудь точку. После этого она начинала громко вздыхать, проводила рукой по лбу и глазам, словно она только что проснулась от глубокого сна. Далее шёл бесконечный рассказ о её бегстве из Франции. В подобные минуты французский язык давался ей особенно легко; если же ей приходилось говорить по-немецки, то у неё появлялся какой-то странный, чуждый ей обыкновенно акцент.

Подобные, а пожалуй, и ещё более ужасные явления можно наблюдать и в настоящее время, особенно в различных спиритических кружках, насквозь проникнутых ханжеством и лицемерием. Таков был, например, случай с разведённой женой одного бельгийского фабриканта, которая вступила в связь с духом «Отто»; последний всячески уверял её, что сильно её любит. В своих письменных и устных любовных излияниях, которые возвещались обыкновенно медиумом, дух был до того навязчив, что дама боялась оставаться одна в комнате; она сильно опасалась, как бы «Отто» не изнасиловал её. В данном случае, как мы видим, появление или непоявление инкуба есть лишь вопрос времени, так как сила сопротивления совершенно покинула эту даму. Аналогичный случай приводит Блютген в своих «Спиритистах» (*«Spiritisten»*). Героиня романа также вступила в любовную связь с духом, причём Блютген вполне серьёзно замечает, что здесь возможно оплодотворение при посредстве существа «четвёртого измерения». Чрезвычайно интересный случай, лежащий всецело в сфере инкубата, приключился с вдовой известного парижского магнетизёра. Она рассказала одному сотруднику газеты *«Temps»*, что любила своего мужа горячей любовью, при этом она таинственно заметила, что оставалась с ним в браке спустя шесть месяцев после его смерти. Муж аккуратно посещал её каждую ночь. Как-то раз она ему сказала: «Докажи мне, что это действительно ты, а не кто-нибудь другой». Муж ей на это ответил: «Я тебе докажу — завтра в полночь». В назначенное время он явился, но не через дверь, как он обыкновенно это делал, а сквозь стену. Вдруг он набросился на неё, начал её кусать так, что та страшно кричала от боли. Знаки от этих укусов долгое время оставались у неё на плече. С тех пор она заболела страшным недугом,

от которого освободилась благодаря удачному лечению одного магнетизёра. Только тогда она стала настоящей вдовой; её муж больше не беспокоил её своими посещениями.

Современный оккультизм также противопоставляет инкубату суккубат.

Сюда относится случай, пережитый Христианом Реймерсом¹. По своей профессии Реймерс был музыкант. Вследствие переутомления и полнейшего расстройства нервной системы ему пришлось окончательно бросить свои занятия музыкой, и тогда-то он, как сам рассказывает, предпринял первые спиритические опыты². Конечно, и здесь, как во всех подобных случаях, необходимо предположить наличие некоего предрасположения, хотя бы и направленного в другую сторону. И действительно, сам Реймерс говорит, что при первом же сеансе его окончательно покинула способность трезвого и спокойного наблюдения³. Вполне естественно, что человек был охвачен всевозможными сомнениями, которые всё время не давали ему покоя. Бесконечные колебания между глубокой верой и отчаянным скептицизмом красной нитью проходят сквозь все рассказы Реймерса, касающиеся его личных переживаний. Но это ни в коем случае не говорит в пользу его объективности, как он это думает. Его крайне подозрительное отношение к медиумам следует, скорее, рассматривать как оборонительное средство в руках человека чрезвычайно слабохарактерного и безвольного: человек чувствует, как слепая вера поглощает, захватывает его, и вместе с тем этот результат для него совершенно нежелателен; мало того, человек хочет самым решительным образом предотвратить его. Но скептическое отношение Реймерса к медиуму имело для него ещё ту выгоду, что рассеивало у него всякие сомнения насчёт наблюдательности, присущей ему. В его переживаниях самым беспорядочным образом рассеяны как субъективные галлюцинации (когда он находится один), так и объективные феномены (особенно в присутствии медиумов). Вполне понятно, что случаи второго рода укрепляли Реймерса в том убеждении, что и его мнимые субъективные переживания имеют реальное бытие. Это, конечно, сильно осложняло положение несчастного: в конечном итоге он вступил в самые интимные отношения с духом женского пола.

В первый раз «Берти» (таково было имя духа) явилась в частном кружке спиритов, среди которых находился и Реймерс. Она заявила, что между XV и XVI веками она служила при лондонском дворе в качестве придворной дамы. Кстати заметим, что большинство духов, появляющихся во время сеансов английских спиритов, принадлежит к умершим придворным дамам. Дело дошло даже до материализации, и все моменты, сопровождавшие этот сеанс, оказались вполне благоприятными для Реймерса. Это никому не показалось удивительным, так как Реймерс был председателем кружка.

С этих пор Берти является во всех заседаниях, в которых принимает участие Реймерс, «управляющим разумом», как выражаются спириты. Но её отношения к Реймерсу принимают некоторый характер правильности лишь с тех пор, когда роль медиума взяла на себя г-жа Фирман. Заседания переносятся в Манчестер; они происходят значительно чаще и систематичнее, чем раньше.

¹ Erfahrungen eines Deutschen im Spiritualismus in Fr. land, Rpsych. Stud. 1874-1879, Jahrg. I-IV.

² A. a. O., 1875, II. 165.

³ A. a. O., 1874, I. 444.

Первое письмо от Берти Реймерс получил во время одного сеанса, который происходил в присутствии медиумов, г-жи Фирман и её сына, и посторонних зрителей в лице президента «*British Association of Spiritualism*» и двух дам. Письмо, которое, по словам Реймерса, было написано без всякого участия медиума, насквозь проникнуто спиритуалистическим духом. Содержание его таково: «Дорогой друг! Помни всегда о нас. Мы — духи, свободные от земных страданий, призваны утешать и ободрять Вас на трудном жизненном пути Вашем. Нам доставляет бесконечную радость видеть, как ты во всём повинешься этому несчастному существу, которое подвержено столь тяжким испытаниям в жизни (г-же Фирман). Но имей в виду, что нас сильно занимает и материальная сторона твоей жизни. Мы счастливы, конечно, что наша возвышенная Миссия вызывает в тебе горячий энтузиазм; но вместе с тем мы ни в коем случае не хотели бы, чтобы этот энтузиазм повлёк за собою какие-нибудь неприятные последствия в твоей материальной жизни. Приложи все старания к тому, чтобы твоя профессия не пала жертвой нашего общего дела, ибо нас очень огорчает мысль о том, что тебя могут постигнуть какие-нибудь материальные невзгоды. Верная тебе Берти»¹. В этом письме заслуживает внимание одна черта — это бесконечная заботливость, которую дух проявляет по отношению к своему поклоннику. Следует заметить, что эта черта вовсе не является характерной для подобного рода отношений; совершенно напротив — дух никогда не вникает в социальное положение верующего, он считает это вещь, на заслуживающей никакого внимания. Но всё же эта черта, наличие которой мы отметили в данном письме, не даёт ещё никаких указаний на то, какое направление примут дальнейшие отношения между Реймерсом и Берти. В общем, главные толчки в развитии этих отношений исходят неизменно от самого Реймерса. Его экзальтация растёт изо дня в день. Во время одного сеанса, на котором в качестве медиума фигурировала г-жа Вудфорд, он задаёт ей вопрос: «Каким образом возвышенные, непорочные духи являются перед лицом людей, воплощаясь в низменных, подчас даже лживых медиумах?» На это она ему ответила пространной речью, которая «была соткана из роскошных цветов, которая дышала бесконечной горячей любовью ко всему человечеству». По этому поводу он заметил ей следующее: «Глубокая интимность, которая наполняет всё моё существо, неудержимо влечёт меня к этому загадочному, таинственному созданию. Мною овладело чувство, будто ко мне приближается давно умершая любимая сестра моя, которая с большой осторожностью скрывает своё родство со мной»². В том же заседании Берти обещала ему свою фотографическую карточку. Он немедленно отправился к фотографу духов, г-ну Хадсону, и «с тихой радостью» принял от него обещанную карточку. Фотограф, однако, с явным неудовольствием заметил: «Фигура прекрасная, почти что самая лучшая во всей моей коллекции, но у меня есть очень много карточек таких лиц, которые мне совершенно незнакомы»³. Вернувшись из какой-то поездки по Германии, Реймерс немедленно приступил к спиритическим сеансам, пользуясь услугами одного своего друга, отличавшегося ярко выраженными медиумическими задатками. С помощью этого друга Реймерсу удалось несколько раз добиться письменных откровений от Берти; это

¹ А. а. О., 1877, IV, 163.

² А. а. О., 1877, IV, 221.

³ А. а. О., 1877, IV, 213.

приводило его в неопиcуемый восторг¹. Наконец, вернулась и г-жа Фирман, исчезнувшая вдруг из Манчестера. В тот же день, когда она приехала, «Берти постучалась ко мне почти одновременно с приходом медиума, и мы все втроем сидели тихо за чаем и наслаждались весёлыми выходками нашей невидимой гостьи». Надо полагать, что это был спиритический транс, в который погрузилась г-жа Фирман, так как никаких других указаний для объяснения этого явления у Реймерса не приведено. Сеансы происходили с чрезвычайной аккуратностью. Реймерс сосредоточивает всё своё внимание на том, чтобы медиум его как-нибудь не обманул; он принимает всевозможные меры предосторожности, но всё же явление материализации неизменно наступает. Естественно, Берти появляется первой. Перед её появлением он ясно ощущает в левой части своего тела какие-то своеобразные колебания², которые, несомненно, свидетельствуют о его личной медиумической одарённости, по-видимому, совершенно незамеченной им. После этого первого «сигнала» является Берти. Сначала она показывает лишь свою голову и бюст, а затем выступает во весь рост. В протоколах своих сеансов Реймерс пишет: «Она явилась предо мной в своеобразном великолепии; она показала мне свои нежные, словно воск, руки. Я втайне даже сомневался, могут ли вообще быть такие руки, но когда она заиграла своими пальчиками, все сомнения мои рассеялись. Это явление было для меня провозвестником и сигналом счастья; оно явилось для меня указанием того, какие горы сомнений может рассеять эта ангельская ручка»³. Чтобы окончательно убедиться в реальности этого явления, Реймерс решил на крайнюю меру: он задумал отлить форму этой руки. Сделать это очень легко. Для этого достаточно отливаемый предмет погрузить в ведро горячей воды, содержащей в себе раствор парафина, затем этот же предмет опустить в холодную воду. Если изображаемым предметом будет рука, то описанным способом можно получить точнейшую форму её. Но если рука погружена в парафин выше сустава, то очень может статься, что её трудно, а иногда почти и невозможно будет извлечь из этой массы без нарушения отлитой формы. Копенгагенский профессор Альфред Леманн утверждает, что извлечение руки можно без ущерба для формы совершить до тех пор, пока парафин сохраняет свою мягкость и теплоту. В случае же с рукой Берти мы совершенно ограждены от обмана, так как её рука и тоньше, и меньше, и совершенно другой конструкции, чем рука медиума или Реймерса. Берти, таким образом, очень легко могла извлечь свою руку из парафинового раствора. Желая доставить удовольствие Берти, он преподнёс ей к празднику Рождества маленький золотой шейный крестик. Та приняла его с благодарностью и моментально исчезла; но с тех пор она никогда не являлась к Реймерсу без крестика. Она носит его на руке своей, на тыльной стороне⁴. Когда Реймерс просит вернуть крестик, она неизменно отвечает: «Нет, нет, нет, ты крестика этого не получишь, он для меня слишком дорог! — у кого есть крест, тот приобретёт и венец»⁵. Его отношения к Берти приобретают всё более интимный и нежный характер. Она уже является теперь к нему не только во время сеансов. Эта новая стадия в

¹ А. а. О., IV, 215.

² А. а. О., IV, 352.

³ А. а. О., IV, 354.

⁴ См. Aksukow, Animismus und Spiritismus.

⁵ А. а. О., IV, 403.

их отношениях началась после одного сеанса, на котором духи Берти и Лилли преподнесли всем участникам цветы. Вернувшись домой, он зашёл к себе в спальную и там на подушке нашёл красивую астру¹.

Сначала он подумал, что это г-жа Фирман, жившая у него в доме, пошутила над ним. Но на следующий день он узнал, что его предположения совершенно неправильны. И вот, чтобы устранить всякую возможность обмана, он перед своим уходом из дому оклеил все окна и двери и сделал тайные пометки и различных местах. Вернувшись домой, он нашёл всё в полном порядке, все наклейки были в целости, и всё же в комнате у него были свежие цветы, а на одной из наклеек он заметил несколько слов, написанных рукою Берти; там она высказывалась насчёт одного письма, которое он оставил у себя в комнате, но которого теперь никак не мог найти². «Таким образом, у меня происходит таинственный обмен письмами и цветами — с духом!?» — вскрикнул он. Далее он продолжает: «Шум будничной жизни болезненно задел моё восприимчивое, чувствительное ухо»³. В одном месте он как-то говорит, что спиритические переживания «заставляют его в ослеплении блуждать сквозь тёмный туннель житейского бытия; не часто выпадали на его долю минуты, когда он мог бы знать, где ступает его нога»⁴.

Явления начинают постепенно облекаться в форму каких-то мистерий. Одними письмами и цветами дело не ограничивается. Возвращаясь поздно ночью домой после утомительных спиритических сеансов, Реймерс находит у себя в запертой комнате вино и пироги⁵ Берти постаралась для своего возлюбленного (мы можем теперь смело назвать Реймерса её возлюбленным); очень часто она преподносит ему вино во время сеанса, когда он заседает с г-жой Фирман и её сестрой⁶. Что касается её внешности, то о ней он высказывается в следующих словах: «Она пришла ко мне — образчик небесной красоты, которой я не берусь и не смею описать! Бодрая осанка, нежный цвет лица, огромные, блестящие глаза, обрамлённые длинными ресницами, — всё это превосходило самые смелые ожидания мои. Признаюсь откровенно — я был ошеломлён. Я не могу описать вам того трепетного одушевления, которое овладело мною в ту минуту. Приди ко мне, Мефистофель и верни он мне, подобно Фаусту, мою молодость, дай он мне сверх того Берти в качестве постоянной спутницы моей жизни — о, я несколько не посмотрел бы на ту роковую опасность, которая связана с подобного рода волшебством!»⁷

Вот всё, что мы могли позаимствовать из сообщений Реймерса, собранных в его труде «*Erfahrungen im Spiritualismus*». Но этого материала вполне достаточно, чтобы уяснить себе все дальнейшие явления в его жизни. У нас, кроме того, имеются вполне точные сведения относительно исхода всей этой аферы; но этим мы уже обязаны одному известному исследователю в области спиритизма, близкому другу Реймерса. По его словам, Берти навещала Реймерса и вне сеансов, в его спальне. «Ведьма», как

¹ А. а. О., 1878, V, 249.

² А. а. О., V, 249-250.

³ А. а. О., 1879, VI, 353.

⁴ А. а. О., 1876, IV, 355.

⁵ А. а. О., VI, 430.

⁶ А. а. О., VI, 407.

⁷ А. а. О., VI, 407.

он её называет¹, заставила Реймерса совершенно позабыть ту, духовную, возвышенную сущность, которую он ей приписывал. Дело кончилось тем, что было наиболее естественно в подобных отношениях: половой связью.

С этих пор Берти становится всё назойливее. Ей недостаточно ночных визитов; она пристаёт к своему возлюбленному и днём. Вначале Реймерс относился к подобным желанием Берти весьма сочувственно; с течением времени эти бесконечные приставания начали ему надоедать. Берти превратилась для него в синоним ужаса. Он дрожал от страха при каждом посещении её. Желая избавиться от её преследований, он, по совету своего друга, принял приглашение в Австралию. Ему казалось, что перемена места приведёт его к окончательному разрыву с Берти. Но было уже поздно. Разрыв между ними был уже невозможен. Правда, во время поездки фантом его нисколько не беспокоил. Объясняется это как изменившимися условиями жизни, так и отдыхом, который он вкушал в пути. Но лишь только нога его ступила на твёрдую почву, лишь только он вернулся к своим обычным занятиям, куда относятся и спиритические сеансы — Берти снова появилась. Теперь уже не было никакой сдержки: «Я и она — это одно!» — пишет он где-то; он говорит о ней, как о своём «я»². Но этот измученный, истерзанный человек нашёл, наконец, покой. Спустя короткое время после своего приезда в Австралию он умер.

Все эти явления, взятые, несомненно, из жизни и имеющие какой-то особый романтический привкус, объяснить нелегко. Картина пестрит разнообразными красками, её трудно разрешить одним ударом. Ведь мы совершенно не знаем, насколько верны все те данные, которые приведены самим Реймерсом. Предпринимая различные меры предосторожности, не прозевал ли он чего-нибудь? Он был, в сущности, *единственным* свидетелем всех откровений г-жи Фирман — женщины, которая в материальном отношении находилась в исключительной зависимости от него. Мы нисколько не сомневаемся, что Берти являлась не только в присутствии г-жи Фирман; мы даже положительно знаем, что она приходила и тогда, когда в качестве медиумов фигурировали другие лица. «Таинственная Берти появлялась во всех тех кружках, где я играл руководящую центральную роль»³, — говорит он и этими словами совершенно бессознательно указывает нам на то, где следует искать причину этого постоянного появления её. Он и только он был источником всех этих явлений. Его личная медиумическая одарённость, естественно, повышалась под влиянием различных других медиумов, окружавших его. Ни материализации Берти, ни формы её рук и ног — всё это нисколько не доказывает, что она реально существовала. Благодаря исследованиям де Роше мы знаем, что сомнамбулы и медиумы в состоянии глубокого сна испускают особого рода влажные тела, которые обладают способностью сгущаться и которые принимают форму человеческого тела, большей частью — фигуру самого медиума. Однако это бывает не всегда. Так, например, на конгрессе спиритов инженер МакНапп доложил об одном случае, когда образовавшееся тело было во всех деталях похоже на фигуру, взятую с одной картины; к этой картине очень внимательно присматривался медиум до открытия сеанса. Да, медиумы обладают способностью вызвать наружу человеческие образы; этого

¹ А. а. О., VI, 407.

² Reimers. Erörterungen zu meinen früheren Erfahrungen. Psych. Stud., 1884. XI. Jahrg., Heft, S. 522.

³ А. а. О., 1877, VI, 216.

отрицать нельзя, ибо в качестве доказательства мы имеем целый ряд фотографических снимков, совершённых с соблюдением всех предосторожностей. Но в создании этих образов видную роль играет фантазия, как самого медиума, так и всех прочих участников сеанса. Так обстояло дело и в данном случае. Берти, на которой были сосредоточены все помыслы Реймерса, должна была появляться всюду, где находился и Реймерс. Для этого вовсе не требовалось, чтобы его медиумы вообще знали о существовании Берти; и, действительно, очень часто они ничего не знали о ней, и всё же она тем или иным образом появлялась перед участниками сеанса. Её появление, таким образом, является результатом упорной мысли Реймерса, сосредоточенной на Берти, результатом его безудержного неодолимого влечения к ней.

Но что представляет собой Берти? Не что иное, как воплощение бессознательного. Те самые процессы, которые у людей нормальных и здоровых всецело протекают в сфере интеллектуальной жизни, принимают у Реймерса совершенно другое направление: благодаря экспансивному, повышенному темпераменту его они переходят в сферу материальных ощущений и от поры до времени принимают очертания нормального человеческого организма. Только этим можно объяснить себе тот факт, что мысль о Берти ни на минуту не покидает Реймерса, что его неотступно преследует её дивный образ, созданный его пышной, богатой фантазией; естественно, что на этой почве рождаются и различные моменты эротического свойства. Вполне понятно, что самые незначительные факты, связанные с именем Берти, как, например, цветы, преподнесённые ею во время одного сеанса, сильно разжигают и без того разгорячённую фантазию Реймерса и доводят его до полнейшего безумия. Что касается «взаимного обмена цветами и письмами», то мы предпочитаем совершенно умолчать о нём; дело в том, что рассказ Реймерса, касающийся именно этой стороны дела, может быть с субъективной точки зрения и очень интересен, с объективной же точки зрения он для нас далеко не достоверен. Остался ещё один вопрос: как объяснить себе появление Берти в качестве суккубы? Но это ведь не что иное, как заключительный момент, к которому Реймерс неминуемо должен был прийти под влиянием своей не в меру возбуждённой фантазии. Всё остальное вплоть до его трагической кончины представляет собою прямой и логический результат его болезненного психического состояния.

Аналогичное явление приключилось с литератором Отто де Жу. Де Жу — автор многочисленных трудов в области гомосексуализма. Его перу принадлежат «*Die Enterbten des Liebesglücks*», «*Die hellenische Liebe in der Gegenwart*» и т. д. В последние годы жизни его неотвязно преследовала мысль, будто рядом с ним существует какой-то управляющий дух, с которым он находится в половой связи. К этому же времени де Жу приобрёл одну крайне отвратительную черту: он начал интересоваться половой жизнью людей, совершенно чуждых и незнакомых ему, и на этой почве произносил различные пророчества, вложенные ему будто бы в уста св. Анной, с которой он сошёлся также на половой почве. Большинство этих пророчеств не имели, конечно, под собою никаких оснований; он их просто, что называется, из пальцев высасывал. Все они, естественно, были результатом его возбуждённой эротической фантазии, как и управляющий дух и св. Анна. Де Жу умер от размягчения мозга. Зачатки этой болезни явственно намечаются уже в нелепых мыслях относительно общения его с управляющим духом и со св. Анной.

Сознание собственного «я» постепенно притупляется; мысли, всплывающие на поверхность из сферы бессознательного, производят при этом на человека ошеломляющее действие, они кажутся чем-то посторонним, чуждым, а потому и страшным. Но если всем этим ощущениям предшествовали спиритические сеансы, тогда ответ ясен: болезненное психическое состояние является результатом воздействия какого-нибудь духа. Возбуждение де Жу гипостазировалось отчасти в святой Анне, в этом воплощении женского начала, а отчасти в мужском управляющем духе, чувственном прообразе его преступного влечения.

Для оценки подобных фактов нам представляется чрезвычайно важным рассказ одного молодого немецкого скульптора.

Он пишет: «Благодаря лекциям одного народного оратора, принадлежащего к лагерю спиритов, я в 188... году познакомился с сущностью спиритизма. Должен сознаться, что рассуждения этого человека произвели на меня колоссальное впечатление только потому, что незадолго до этого жестокая смерть похитила у меня горячо любимую мною мать. Впечатлительный и вдумчивый от природы, я вечно был занят вопросами о Боге и бессмертии. Тяжёлая потеря, понесённая мною в лице матери, сделала то, что эти мысли всецело овладели моим существом. В то время мне казалось, что где-то, в глубоких тайниках своей души, человек должен незадолго перед смертью получить возмещение за все те страдания, которые он испытал в земной жизни. Мысль о том, что человек как индивидуальность продолжает существовать за гробовой доской, представлялась мне полнейшим абсурдом. Но этот взгляд был окончательно сокрушён доводами упомянутого спирита.

Но, познакомившись с сущностью спиритизма, я не мог ограничиваться одними только лекциями; я вдался в изучение спиритической литературы. Параллельно с этим мы устраивали спиритические сеансы в тесном кругу семьи; в них принимала участие моя тётя, которая приютила у себя мать мою незадолго до её смерти. Дело пока не шло дальше различных опытов со столиками. Столик поднимался и опускался — и нам казалось, что мы находимся в каком-то таинственном общении с матерью. Мне было тогда всего 19 лет; юношей я был чрезвычайно слабого телосложения. Но вот, по мере увеличения числа сеансов я начал подмечать в себе явные признаки умопомрачения. Я иногда требовал карандаш и бумагу — и с невероятной быстротой наносил на неё различные слова утешения и угрозы, то в стихотворной, то прозаической форме. Вначале почерк мой совершенно не изменялся; но когда мать моя появлялась в обществе других духов, его нельзя было узнать. Содержание этих надписей нисколько не выходило за пределы того, что вообще было доступно моему сознанию; тем не менее, мы все, я, моя тётя и некоторые знакомые, находили в этом нечто очень загадочное.

Процесс этот в общих чертах сводится к следующему: лишь только появлялось упомянутое лёгкое помрачение, у меня вместе с тем возникало ощущение, будто мысли мои с невероятной быстротой проносятся сквозь мою голову.словно чёрные тени носились они перед моими глазами. Вдруг голова моя совершенно пустела, и перед глазами являлась огромная белая поверхность. На этой поверхности были начертаны громадные чёрные буквы, которые я, в свою очередь, должен был перенести на бумагу; и до тех пор, пока я не списывал их, эти буквы неотступно стояли перед моими глазами.

Библиотечка «Апокрифа»

Затем всё исчезало, и я, не открывая глаз, с изумительной быстротой писал целые страницы самой горячей, вдохновенной проповеди. Находясь в подобном состоянии, я раза два даже начал говорить; при этом я всегда испытывал ощущение, будто сижу на своих собственных плечах. Во время речи я чувствовал себя окружённым розовыми облаками, в которые я постепенно погружался; на этом и кончалась моя речь. Вместе с тем я всячески старался избегать подобного рода состояний, так как они сильно беспокоили мою тётю. Говорю это между прочим.

Во время лекций упомянутого спирита я познакомился с одним молодым человеком, который меня очень заинтересовал. Прежде всего, мне понравилось это тихое самоуглубление, которое сквозило во всех его манерах. Правда, я тоже был человеком очень замкнутым и одиноким; но всё же я долгие годы мечтал о товарище или подруге, которых у меня тогда, однако, не было. Даже знакомство с этим молодым человеком ограничивалось тем, что я встречался с ним в течение целого года в спиритическом кружке; дальше обычных разговоров наша «дружба» не шла. Эти отношения нисколько не изменились и после того, как я во время одного сеанса, впадши в глубокий транс, высказал несколько очень важных замечаний относительно дальнейшей его судьбы. После этого случая я не встречал его целых полгода. Вдруг один наш общий знакомый сообщает мне, что этот молодой человек хотел бы как-нибудь свидеться со мной. Я назначил время. Когда он пришёл, мы устроили маленький сеанс, который ничего ценного нам не дал, разве только то, что дух просил совершать эти сеансы возможно аккуратнее, так как только это избавит молодого человека от его болезненного нервного состояния. С этих пор отношения между нами становятся более тесными, и я начинаю часто навещать Г. Но мы всё же большую часть времени проводим в сеансах. Так как Г. страдал желудком на нервной почве, то, по совету духа, я начал его магнетизировать. Сделав ему несколько раз втирания во всё тело, я клал свою левую руку ему на голову, а правую — на нервное сплетение, находящееся у живота. В таком положении я просиживал целые часы.

С течением времени мы очень подружились. Я сильно привязался к нему. Если я его не заставал дома, меня начинала пугать мысль, не случилось ли с ним что-нибудь неладное. Единственным утешением для меня в подобные моменты было то, что я как-то инстинктивно узнавал, когда именно он придёт. И я ждал его часами. Моё чутьё не обманывало меня ни на минуту. Как-то раз мы вдвоём справляли день моего рождения; я впал в глубокий транс и, в первый раз после продолжительного затишья, — стал говорить. Проснувшись, я нашёл своего друга в слезах; он безумствовал от восторга. Он рассказал мне, что моими устами говорил очень возвышенный дух, что он весь был потрясён бесконечной мягкостью, которая веяла от этой речи. Я, естественно, ничего не знал о том, что произошло. Когда я, находясь в транс, говорил стихами, то явственно слышал какое-то мелодическое журчание в ушах. Но лишь только я почувствовал прикосновение какого-то невидимого существа — я впал в беспамятство. Что произошло потом, я не знаю.

Чтобы беспрепятственно продолжать наши опыты, как их называл мой друг, хотя о каких бы то ни было изысканиях и речи быть не могло, мы сняли отдельную квартиру. Медиумические задатки, присущие мне, сказывались самым отчётливым образом. Моими услугами для сношений с поюсторонним миром пользовался не только упомянутый дух, но и многочисленные другие духи. Во мне, если можно так выразиться, отразились самые

разнообразные характеры. Я об этом, конечно, ничего не знал. Часто я целыми днями находился в трансе, так как общение с невидимым миром не только не надоедало моему приятелю, но доставляло ему даже какое-то особенное удовольствие. Среди всех прочих духов наиболее почётное место занимала некая г-жа Х и её брат. Оба они, по словам моего друга, говорили на каком-то иностранном наречии, причём они уже начали усваивать и наш язык.

В эту госпожу Х мой друг влюбился страстной любовью. Он уже не мог жить без неё. Тия, как она себя называла, приходила почти ежедневно; нередко же он сам обращался ко мне с просьбой: “Пусть Тия придёт”. Говорят, что Тия великолепно танцевала. Это подтвердили все, видевшие, как я танцую под влиянием Ти. Кстати замечу, что организм у меня чрезвычайно тонкий и гибкий, а черты лица совсем женственны. Но всё это было не настолько ярко, чтобы остановить на себе внимание; однако, когда моими устами говорит Тия, я, по словам зрителей, окончательно превращаюсь в женщину. Должен заметить, что, как это ни странно, но меня никогда не огорчало то обстоятельство, что я всегда должен был фигурировать в качестве медиума. Столь же мало трогало меня и то, что мною пользовались для своих откровений лишь духи женского рода. Это, вероятно, объясняется тем, что во мне вообще было очень много женственного. Во время возмужалости моя фантазия создавала самые нелепые эротические картины. Я иногда воображаю себя парижской демимонденкой¹, обладающей несметными богатствами, бесчисленными друзьями и высоким духовным развитием; в этой своей роли я давал роскошные балы своим друзьям; последние находили у меня всё вплоть до прекрасных женщин, и в моём воображении все эти балы завершались самыми дикими оргиями. Правда, представление об этих оргиях было у меня самое смутное, так как я тогда ещё ничего не знал о половом акте. А иногда я воображал себя главой могущественной теократии; я устраивал роскошные церковные празднества, которые неизменно кончались совокуплением, совершённым какой-нибудь влюблённой парой. В подобные минуты я держал такие же вдохновенные “речи”, какие, вероятно, произносил во время появления Ти.

Но вернёмся к нашим сеансам. Должен сказать, что с некоторых пор они приобрели характер религиозной мистерии и таинства брачной ночи. Во время этих мистерий в моём лице как в медиуме фигурировал первый из наших духовных друзей; а что касается брачных ночей, то мой друг справлял их вместе с Тией — духом, который порою всецело овладевал моим существом. Для сеансов мы отвели в нашей квартире отдельную комнату, которую украсили наподобие храма; в этом храме мы проводили долгие часы. Я отлично понимал, сколько радости доставляло моему другу общение с Тией и другими духами, а потому я в этой сфере ни в чём не мог отказать ему. Но за все труды мои на этом поприще я был вознаграждён с лихвой: во мне объявился талант, о котором не подозревали ни я, ни кто-либо из моих родственников. Теперь во время сеансов я просил уже не карандаш и не бумагу, а глину, и эта-то глина превращалась в моих руках в самые удивительные создания. То, говорят, были звери с Марса. Этот талант остался у меня до их пор; правда, в настоящее время он всецело ограничен рамками реальной жизни, но именно потому-то он

¹ Демимонденка (устар.) — женщина полусвета, демимонда. *Прим. ред.*

и в состоянии создать образчики истинного искусства. Всему этому немало способствовало и то, что я всячески стремился к возможно широкому развитию его.

В этом заключалась положительная сторона наших сеансов. Отрицательную же сторону их нам пришлось испытать лишь впоследствии. Вполне понятно, что чем ревностнее мы занимались спиритическими опытами, тем больше духов появлялось со своими откровениями к нам, а это имело ту невыгодную сторону, что среди них затесались личности самого отвратительного свойства. Выходки мои — одна нелепее другой — приводили меня самого в ужас. Вдруг я разражался страшными ругательствами, колотил своего друга, набрасывался на него с ножом — и всё это совершалось против моей воли; мало того, я обливался слезами, видя эту несуразную картину, но ничего против этого сделать не мог: какая-то невидимая рука властно толкала меня и возбуждала во мне враждебное, воинствующее отношение к моему другу. Нервная возбуждённость у нас дошла до крайних пределов. Поэтому я нисколько не удивился, когда он однажды пришёл и предложил мне превратиться в Тию; вместе с тем он заявил, что это предложение исходит от самой Тии. Она будто бы хочет всецело воплотиться во мне, моя же душа, оторванная от меня, будет витать в каком-то промежуточном царстве. Теперь я отлично понимаю, сколько несуразности, абсурда заключалось в этом плане, хотя я всё ещё остаюсь спиритом; но в то время, когда на моих глазах разыгрывались самые невероятные вещи, он показался мне чрезвычайно естественным. Однако я долго не соглашался. Но натянутые отношения, создавшиеся между мною и моим другом, заставили меня, наконец, согласиться; да я ничего другого и придумать не мог, так как друга своего я любил безумно. Выход был один — согласиться, что я и сделал. Произошёл, если можно так выразиться, обмен душ. Я впал в глубокий сон, а когда проснулся, почувствовал себя преображённым. Я стал Тией. Или Тия превратилась в меня. В точности ничего не могу сказать. Я изменился до последнего своего атома. Мышление и чувство моё совершенно преобразилось. Я, или вернее, Тия жила исключительно в моём друге. При нём нельзя было даже произнести моего имени. Итак, я, вероятно, стал Тией? Ибо до того самоотрицания, которое наблюдалось у меня в ту пору, я никак дойти не мог. Внешним образом я, естественно, остался таким же, каким был и раньше; одно только — черты моего лица радикально изменились.

Но вот мой друг был отозван в П. Это обстоятельство положило конец всему, так как я или Тия, Тия или я не могли сопровождать его. Он уехал в П., но Тия всё не покидала меня. Через четырнадцать дней она ушла в Д-скую рощу. Там она села на пень и погрузилась в свою скорбную думу. Вдруг сильное безумие овладело ею; ей почудилось, будто что-то вырывают из неё — и потеряла сознание. Когда я пришёл в себя, я почувствовал себя совершенно таким же, каким был до того знаменательного превращения. Этим был положен конец всей этой спиритической афере. Однако Тия до поры до времени пользовалась ещё моими услугами, чтобы написать письмо к моему другу, который всё ещё страстно любил её. Конечно, при составлении этих писем я, как и прежде, впадал в спиритический транс.

Теперь всё это — дело далёкого прошлого. Кроме воспоминаний, я сохранил ещё один ценный остаток того времени: это — искусство. Я нисколько не раскаиваюсь в том, что пережил все эти невероятные, сверхъестественные явления, так как в награду получил

искусство. Я говорю “в награду”, ибо, если художественное творчество и скрывалось во мне в значительном состоянии, то его расцветом я всецело обязан той роли медиума, которую я неизменно играл во всех сеансах. Правда, во всей этой истории осталось для меня ещё очень много неясного, неразгаданного, но, несмотря на все мои старания, разрешить здесь что-нибудь оказалось выше моих сил. Вот всё, что я могу сказать».

В связи с этим мы позволим себе выяснить те обстоятельства, которые привели Сведенборга к «раздвоению личности», ибо, как в этом, так и в только что приведённом случае, речь идёт об одном и том же «драматическом раздвоении». Прежде всего следует заметить, что это раздвоение наступило у Сведенборга не в 1743 году, как обыкновенно думают. Ещё задолго до этого, со времени своей несчастной любви, со времени своей разлуки с Эрментинной Поль, он страдал какой-то болезнью, о которой он подробно говорит в своём дневнике, опубликованном в 1859 году в Швеции. По поводу этого дневника д-р Альфред Леманн¹ замечает следующее: «Он состоит из отдельных, миниатюрных описаний внутренней душевной жизни Сведенборга. Со страниц этого дневника перед нами встаёт человек, нервная система которого совершенно разрушена половыми излишествами. Его картины кишат женскими образами, и отношения его к женщинам обрисованы самыми подробными, самыми откровенными штрихами; вероятно, Сведенборг никогда не думал о том, что его книга может быть предана гласности. Мало того, что все его бредовые фантазии насквозь пропитаны сексуальностью, — сексуальные представления преследуют его и наяву, они не дают ему работать, Единственное, что может его на короткое время спасти от назойливых, отвратительных мыслей, — это горячая молитва к Богу и преклонение перед крестом Голгофы».

Из всего сказанного видно, где следует искать причину раздвоения у Сведенборга. Расслабленная нервная система и повышенная чувствительность привели к тому, что различные галлюцинации, связанные с сексуальной возбуждённостью, приняли формы вполне реальных образов, от которых «он защищался с помощью религиозной фантастики»²; к последней он питал, кроме того, склонность в силу особых условий воспитания (отец его был епископом). Так мастурбант превратился в целомудренного духовидца, который сильно интересуется половыми отношениями между духами и ангелами.

Субъективный характер видений, посещавших Сведенборга, сквозит в каждой странице его сочинений. Вергилий, Лютер, Меланхтон, Павел, Иоанн, Моисей и Мария, как и целые толпы всевозможных ангелов и духов — всё это не что иное, как порождение «драматического раздвоения личности», всё это образы, созданные в бреде. Касаясь видения, в котором перед глазами Сведенборга явился Вергилий, Кизеветтер замечает: «Психологический процесс, который в подобные моменты разыгрывается в душе Сведенборга, до того ясен и прозрачен, что только человек, лишённый критического ума, может поверить в реальность этих «визитов». В молодости Сведенборг, как он сам говорит, очень интересовался латинской поэзией, и воспоминание о ней — сознательно или бессознательно — внезапно проснулось в нём. Идеи, всплывшие на поверхность, были

¹ Aberglauben und Zauberei.

² Perty. Mystische Erscheinungen. S. 330.

доведены трансцендентальным субъектом, заключённым в Сведенборге, до крайности; наступило упомянутое раздвоение — и вот появился Вергилий. Картина совершенно та же, которую мы наблюдаем у человека, находящегося в бреду: человек ведёт беседу с созерцаемой им личностью». В отношении Сведенборга к Лютеру и Меланхтону также «ясно выступает наружу чисто субъективный момент религиозного настроения, присущего ему»¹. Эту же черту можно подметить и в подробнейших описаниях его видений. Он говорит: «Не следует забывать, что человек видит духов и ангелов не телесными глазами, а внутренними, духовными. Перед ним раскрывается мир возвышенный, одухотворённый, но это бывает только тогда, когда человек отрешается от плотского бытия и созерцает в себе выпретенную духовную сущность. И всё же человеку впоследствии кажется, что всё это он видел самыми обыкновенными глазами, теми глазами, которыми он вообще смотрит на вещи материального мира». Относительно бесед, которые он ведёт с «ангелом», мы читаем следующее: «Слова, произносимые ангелом при разговоре с каким-нибудь человеком, до того явственно слышны, что получается представление, будто два обыкновенных человека говорят между собою. Но следует заметить, что этот разговор слышат не все присутствующие, а лишь тот человек, с которым говорит ангел. Причина этого лежит в том, что слова ангела являются воспроизведением тех мыслей, которые занимают в данный момент его собеседника; эти мысли каким-то внутренним путём восходят до слуховых органов и производят там впечатление нормального разговора. Совершенно другое дело обыкновенный разговор людей: здесь звуки все привходят извне... Та мысль, что слова ангела достигают уха именно внутренним путём, показалась мне весьма правдоподобной и потому, что язык человека ощущает в этот момент лёгкую, едва заметную дрожь²... В разговоре своём с человеком ангел пользуется лишь тем языком, которым владеет его собеседник; во всяком случае, он никогда не прибегнет к такому наречию, которое совершенно недоступно и непонятно данному человеку. Объясняется это тем, что во время таких бесед ангел всецело сливается с этим человеком. Слияние это доходит до того, что ангел всецело овладевает воспоминательным материалом собеседника; ангелу, правда, кажется, что мысли этого человека ему давно известны, на самом же деле он теперь откапывает их и читает в памяти его... Я как-то говорил по этому поводу с ангелами; я заметил им: у вас нет никакого сомнения, что это вы говорите на моём родном наречии, а не я; но должен вам заметить, что говорите не вы, а именно я». «Ангелы», соглашаясь во всём со Сведенборгом, возразили ему: «Мы отлично знаем, что наша связь с человеком ограничивается лишь областью мышления его. Но именно поэтому нам и кажется, что его язык есть наш язык, его познания — наши познания». «Духи» же никак не хотели согласиться с Сведенборгом. Своевольные и строптивые, как все «духи» и «разумы», они упорно настаивали на том, что на различных языках говорят именно они; мало того — по их мнению, человек вообще лишён всяких знаний, если же таковые у него имеются, то только благодаря их содействию. Всё знание в их руках. «Я хотел их убедить в том, что на самом деле это не так, но всё напрасно», — замечает Сведенборг. Насколько прав был Сведенборг, видно из того, что он пережил на

¹ Kiesewetter, a. a. O., 295-296.

² Доказательство в пользу положения профессора д-ра Леманна о «непроизвольном шёпоте», производимом медиумами, положения, выдвинутого им для объяснения своеобразных явлений «передачи мыслей».

почве своего общения с «духами Меркурия». Он говорит: «Как-то раз я писал статью относительно будущего, относительно грядущих событий. Духи находились вдали от меня, и всякий раз, когда они приближались ко мне, я моментально прекращал чтение; ясно, что они моих мыслей читать не могли. И вот получился самый неожиданный эффект: они пришли в страшнейшую ярость и стали ругать меня самыми последними словами». В пользу субъективного характера всех этих явлений говорит и то обстоятельство, что до появления духов Сведенборг неизменно ощущал «сильное давление и радикальную перемену» в своём мозгу. Это наблюдалось особенно явно тогда, когда дух являлся перед ним в виде светящегося шара или «ярко горящего» пламени.

Вполне достоверные случаи ясновидения Сведенборга, предсказание насчёт смерти его знакомого, сообщение относительно убийства русского царя Петра III, сделанное им в день самого убийства, воспроизведение разговора, который шведская королева Ульрика с глазу на глаз вела со своим умершим братом Августом Вильгельмом, — всё это может быть вполне объяснено без привлечения таинственного действия «духов». Ибо «духи», которые участвуют в его видениях, как, например, в случае с принцем Августом Вильгельмом, суть не что иное, как гипостазирование его подсознательного мира, направленного на объекты ясновидения. Всё это — образы, рождённые в бреду. Тот факт, что подобные явления имели место у Сведенборга даже наяву, несколько не изменяет сущности дела: это — те же галлюцинации.

Ощущения, которые связаны с «влиянием на расстоянии», также относятся к области галлюцинаций. Воздействие на третьих лиц через расстояние, воздействие, производимое с помощью «концентрации мыслей», получило большое распространение и на Европейском континенте благодаря американской «психологической литературе». Этим средством очень часто пользуется человек, чтобы расположить к себе предмет своей любви. При «концентрации мыслей» желание, естественно, является единственным источником ощущений. Человеку, применяющему это средство воздействия на расстоянии, часто кажется, что он встречается и беседует с предметом своей любви, на который он, собственно, воздействует. Но всё это, конечно, самообман, который очень вредно отражается на его психической организации. Следует, кроме того, заметить, что если это воздействие направлено на человека чувствительного, то оно всегда скажется на нём самым нежелательным образом. Знаток этого дела, Зебальдт, высказывает по этому поводу следующее, несколько туманное, соображение: «Если молодой человек, отличающийся крепкой физической организацией, применит средство “воздействия на расстоянии” по отношению к слабой сомнамбулистке, то последняя, несомненно, создаст в своём представлении образ “любовного демона”, если, конечно, тут участвуют различные половые моменты, что большей частью и бывает»¹.

Для иллюстрации только что описанной нами эротической телепатии приведём пару исторических примеров. Гёте сообщает несколько таких случаев из своей жизни. Отправляясь гулять, он иногда задумывался над тем, как хорошо было бы сейчас встретить ту или иную знакомую. Но не успевал он ещё подумать об этом, как знакомая появлялась перед ним. Он никогда с ними, конечно, не условливался о предстоящей

¹ Sebaldt-Herrmann. «Genesis», das Gesetz der Überzeugung.

Библиотечка «Апокрифа»

встрече, но все они в один голос уверяли его, что пошли они под влиянием какого-то своеобразного беспокойства, внезапно овладевшего ими. А Хелена фон Раковица в своей книге *«Meine Beziehungen zu Ferdinand Lasalle»* рассказывает следующее о своих «предчувствиях»: «Лишь только я с Холтоффом вошли в бальный зал, он шепнул мне на ухо: “Ну, деточка, сейчас посмотрим, тут ли он”. Я совершенно машинально, не думая о том, что говорю, возразила ему: “Нет, папочка, его ещё нет; я это чувствую”. Как это ни странно звучит для нас, как это ни удивительно показалось Холтоффу — на самом деле это было так. Холтофф ещё ничего не подозревал относительно моих ощущений, а потому ответил мне с несколько ироническим смешком: “Ради Бога, деточка, бросьте эти нервно-мистические выходки; если вы думаете вдаваться в свои сомнамбулические ощущения, то я вас моментально отвезу обратно домой!” Но вдруг я содрогнулась и сказала вполголоса: “Он сейчас входит”. Холтофф обернулся и с лёгким раздражением в голосе сказал: “В самом деле, вы правы! — он только что вошёл!”»

Во всех этих случаях налицо должен быть человек, отличающийся колоссальной психической восприимчивостью и раздражимостью. Мало того, человек должен быть лишён всякой способности сопротивляться всем этим влияниям. Эта неспособность, эта податливость должна быть отличительной чертой и того человека, который применяет *actio in distans*¹, в противном случае ему, правда, удаётся произвести некоторое влияние на третьих лиц, но результатов своего влияния он не в состоянии будет воспринять. Только таким образом можно объяснить себе все описанные нами случаи.

Идёт ли речь о половом «воздействии на расстоянии» или о различных галлюцинациях, связанных с инкубами и суккубами, об интеллектуальном воздействии или психическом превращении — во всех этих случаях призраки исходят из внутреннего мира человека. Его собственная душа является источником тех фантомов, которые в конечном итоге покоряют его всецело. Не демон и не дух — не они искушают человека, не они завязывают с ним половые сношения. Нет, всё это картины, созданные болезненным, сладострастным воображением самого человека. Конечно, воображение это в том или ином случае в достаточной степени умеряется влиянием среды, воспитания и общепринятых воззрений.

¹ (лат.) Воздействие на расстоянии. Прим. ред.

СЕКСУАЛЬНО-ОККУЛЬТНЫЕ
НАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ

Бракосочетание на пашне – Заклинания плодородия – Талисман – Призывание демона растительности – Отношения между растениями и человеком в народной вере – Местопребывание растительного демона – Духи деревьев – Истязания «вербой жизни» – Дни и часы для истязаний – Пасхальные вербы и свежие зелёные ветви – Плодовитость – Стегание молодожёнов – Хлестание коров в Индии ветками бутеи – Майское дерево – Женщины, главные участницы майского торжества – Майский король и майская невеста – Символическое значение майского дерева – Жребий Валентина – Ассирийские девушки напоказ – Дополнительные соображения по поводу майского дерева – Индийский праздник Карам-кадамба – Свадебные обычаи – Выкуп невесты в Баварии – Свадебные поверья в Пфальце – Свадебные торжества в марках (областях Германии) – Благословение брачного ложа у вендов – Эстонские свадебные жертвоприношения – Осыпание новобрачных зёрнами у литовцев – Свадебные хороводы в Англии – Организация свадьбы в Скандинавии – Брачное ложе у русских – Славянские свадебные обряды – Албанский свадебный пирог – Немецкие заклинания для родильниц и рожениц – Магия облегчения родов в славянских странах – Заклинание духов, препятствующих рождению, у цзинпо (Бирма) – Магия отлучения от груди – Гадания на суженого у южных славян – Гадания на суженого в Германии – Связь Ивановых костров с плодородием – Свадьбы на Ивана Купалу – Магия Иванова дня – Священные дни магии – [Цюрихские истории] – Рождественские обрядовые песни в Провансе – Свадебные гадания в канун Рождества – Магия кануна Нового года – Библиомантия – Сербские заговоры – Дни, подходящие для гаданий, и гадательные обряды – Мораль народных обрядов – Традиционность соблюдения старых обычаев – Права духа.

Сексуально-окультурные народные обычаи теснейшим образом связаны с половыми чарами. Между этими двумя категориями нельзя провести резкой грани. Однако мы сочли нужным говорить о них не в связи с сексуальной магией, а совершенно самостоятельно. Руководствовались мы при этом тем соображением, что все эти обычаи окончательно потеряли характер колдовства и соблюдаются лишь как пережиток старины, поддерживаемый вековой традицией.

Наиболее своеобразным среди всех этих обычаев является акт бракосочетания, совершаемый на пашне. Как в первоначальной, так и в несколько ослабленной форме он существует и поныне.

В Англии муж и жена, обнявшись, в майский день выходят в поле и кувыркаются там. На Пасху и в Троицу молодые пары скатывались обыкновенно с Гринвичского холма. В Украине крестьяне после освящения полей ложатся на пашню, и у кого есть жена, тот валяется с нею на засеянном пространстве. Молодые люди следуют этому примеру. Делают это потому, что «так делал и св. Юрий», что это «даст богатый урожай». Такие же обряды, хотя и в более слабой форме, существуют в Зангерхаузене и Шарреле. В Зангерхаузене жнецы и жницы, участвующие в жатве впервые, связываются лицом к лицу и скатываются с холма. В Шарреле тот же обряд совершается в несколько ином виде: там жнец обнимает ноги жницы, а жница его ноги; соединившись таким образом, они валяются в поле.

В Хемнице в Иванову ночь люди валяются парами на луковых грядках, чтобы луковица богато уродилась. В Заальфельде девушки танцуют вокруг посевов льна; они раздеваются и валяются в поле.

В некоторых местах Швабии ещё в настоящее время существует обычай, в силу которого жених и невеста, живущие в различных селениях, после помолвок выходят друг другу навстречу и в том пункте, где встречаются, совершают половой акт. Этот обряд, который вряд ли правильно понимается теперь, тоже заключает в себе глубокий оккультный момент. Очень может быть, что этим обрядом люди хотят умилостивить богов полей; возможно также, что этим актом они хотят отдать себя под защиту некой высшей силы, которая в каком-нибудь деревенском споре занимает нейтральное положение.

В Богемии существует обычай, согласно которому молодая девушка во время посева прохаживается ночью по полю, держа на руках кота. Кота обыкновенно зарывают в землю; это — своего рода жертва.

Если хорват в ночь под Рождество совершит половой акт со своей женой, то его в этом году ожидает успех во всех делах. В различных других местах рекомендуется совершенно обратное. И если всё же половой акт будет совершен, то черви поедят всё посеянное.

Библиотечка «Апокрифа»

Жители Гватемалы также воздерживались от половой связи со своими жёнами во время посева, так как, по их мнению, нельзя «одновременно оплодотворять жену и возделывать пашню».

Славянин совершает акт совокупления со своей женой в поле, чтобы Бог дал хороший урожай. Очень часто женщина размётывает семенную жидкость мужчины по полю и при этом приговаривает: «О, Господи! Уроди мой хлеб! Выйди, колос, из земли, гордый и красивый!» Но для того, чтобы это колдовство возымело своё действие, крестьянин должен совершенно воздержаться от полового общения со своей женой.

Когда корова телится с трудом, то необходимо взять семя непорочного юноши, размешать в воде и напоить этой смесью корову. При этом следует произнести соответствующее заклинание.

Когда крестьянин выезжает на базар, он становится посреди двора (ворота должны быть при этом открыты) и спускает свои брюки до колен. В таком виде он выезжает на улицу, но тут он снова застёгивает брюки. На базаре его ожидают богатые барыши. Перед отъездом муж, согласно обычаю, совершал половой акт с женой и просил Бога доставить ему и его жене возможно больше таких приятных моментов.

Ко всему этому следует прибавить обряды, с помощью которых призывается персонифицированный демон растительности, имеющий местопребывание в траве, дереве и т. д.

У первобытных людей существовало воззрение, согласно которому растение является существом, совершенно аналогичным человеку: оно одарено мыслью и чувством; мало того — оно кроет в себе характерные признаки того или иного пола. Вера эта имеет в своей основе вполне здоровое чувство, присущее первобытному человеку и чуждое нашему времени. Чувство это — религиозная склонность к природе. Благодаря этому растение или камень представлялись им существами индивидуально одарёнными; человек же со всеми своими запросами духа и мысли являлся существом, всецело заключённым в сфере физического существования. Таким образом, природа и человеческая жизнь были связаны, как две равные, одноимённые единицы, и грань между ними не была так резка, как представляют себе это в настоящее время. Исключительной одухотворённостью отличались трава и деревья. То были отчасти демоны, воплотившиеся в каком-нибудь растении, а отчасти души умерших людей, которые, по понятиям наших предков, постепенно приобретали демонический характер. Духовная сущность, заложенная в растении, неразрывно связана с физическим бытием самого растения, тем не менее, она может совершенно отделиться от него и странствовать на свободе в образе какого угодно существа.

Это параллельное сосуществование двух телесных воплощений одного и того же духа свойственно всякому религиозному воззрению. Мы находим его в Египте, где дух Ра воплощается в солнце, в образе Амона и в лице фараона, в культе инков, у греков — словом, всюду. Даже католической церкви и той свойственно это воззрение: Христос, сидящий по правую руку Господа Бога, воплощается в святой просвире и живёт в сердце каждого верующего. Как люди взывали к тому или иному божеству в его многочисленных лицах и образах, так обращались они и к своим растительным демонам. Деревья, в которых воплощаются демоны, раскрывают на себе все стадии земного бытия: жизнь,

смерть и воскресение. Отсюда ясен вывод: демоны дают жизнь людям, посылают на них смерть и воскрешают их, если заслужить только их милость, т. е., если приносить им жертвы.

«К помощи духов люди прибегали при всех невзгодах, как нравственных, так и физических. Люди возносили к ним молитвы, как в случаях различных болезней, так и в делах половой жизни, и в благодарность им часто приносили человеческие жертвы.

В делах брака и плодовитости, любовных чар и богатства — во всех этих случаях люди обращались к помощи демонов... Демоны, воплощённые в деревьях, исцеляли от всевозможных болезней, повышали человеческую плодовитость, давали молодость, награждали красотой. Но они не всегда проявляют своё расположение к человеку; часто у них можно заметить очень враждебное отношение к нему. Растение, как и человек, способно творить добро и зло. Оно может насладиться на человека различные болезни: убить в нём плодовитость, поразить весь человеческий род, вселив злую силу в материнскую утробу.

Существуют два обряда эротического свойства, которые уносят нас в очень далёкое прошлое: истязание вербой и торжественная встреча майского дерева.

Первоначально обряд с “вербой жизни” сводился к следующему: в определённое время года все женщины и весь скот женского рода истязались ударами розог. Какой символ воплощался в этом обряде? Первобытный человек видел в розге символ полового органа, принадлежащего демону; стоит ударить этой розгой женщину по её половым органам, и она приобретает способность рожать детей. Розга, хлыст, палка, пика — всё это издавна служило символом полового органа мужчины. Мужчины, наносившие удары, также причислялись к демонам, воплощённым в тех деревьях, с которых были сорваны эти розги... Женщина — воспринимающий, плодоносящий принцип — принимает в сфере своих половых органов удары розги, олицетворяющей активное начало процесса оплодотворения.

“Вербный обряд” совершается повсюду в одно и то же время, а именно — когда природа начинает просыпаться от зимней спячки. Он происходит в следующие дни: 28 декабря, в Новый год, 2 февраля, на масленице, Пасхе, 1 мая (Вальпургиев день) и т. д. Всё это — дни радости, веселья и света. В славянских странах Пасха является вербным праздником.

Свежие зелёные ветви берутся с тех деревьев, которые имеют какое-нибудь эротическое значение, как например: орешник, бузина, рябина, берёза и т. д. Далее идут такие деревья, которые являются символом вечной, непреходящей жизни, как например: бук, остролистник, розмарин, можжевельник и т. д. Серьёзным нарушением обычая было бы держать в руках вместо таких веток крапиву или цветы»¹.

«В Лауэнштайне в 1599 году полицией был издан указ, которым запрещается этот обряд под страхом тяжкого наказания»².

«Рядом с этим обрядом следует упомянуть и другой: истязание невесты в день свадьбы. В Оберпфальце невеста с помощью вербы загоняется в церковь. Польские

¹ Aigremont. Volkserotik und Pflanzenwelt.

² Mannhardt, a. a. O., 266-267.

католики заставляют невесту ударами вербы взойти на брачное ложе. То же самое можно было видеть и у латышей ещё в 1526 году. У литовцев руководитель свадебной процессии также наносил невесте жестокие удары (1690 г.). В Бранденбурге ещё в настоящее время существует обычай, который своим происхождением обязан именно этому обряду. В первое же майское воскресенье все деревенские девушки собираются вокруг одной женщины, недавно вышедшей замуж. Девушки выстраиваются шпалерами, сквозь которые должна пройти эта женщина; при этом каждая из них слегка ударяет её зелёной веткой. После описанной церемонии женщина эта должна откупиться какой-нибудь денежной суммой»¹.

Близ Родинга невеста переходила от церковных дверей до церковного кресла, на котором сидела во время свадьбы, под непрерывными ударами берёзовой ветки.

В Курляндии существует такой обычай: если первая брачная ночь проходила без всяких недоразумений (что всякий раз проверялось всеми присутствовавшими на свадьбе), то в честь демона растительности вывешивали над домом громадный зелёный венок.

28 декабря верба свободно гуляет по всей Бельгии. Она особенно жестоко поражает молодожёнов и вообще всех людей, которых случайно заставали в кровати. Подобные истязания совершают 1 марта и албанцы. Это, по их мнению, очень полезно для здоровья; под здоровьем, естественно, разумеется нормальное состояние половых органов человека. В Гумбинне хозяин дома в первый день пасхи (утром) слегка ударяет веточкой вербы свою жену, детей, челядь и скот. Чтобы эта ветка к назначенному дню густо обросла листьями, она всё время сохраняется в тепле; дело в том, что колдовство это будет тем успешнее, чем живучее демон, воплощённый в ветке².

Этот обряд вполне отчётливо выступает в Германии, Швеции, Австрии, Польше и России; в менее яркой форме мы находим его в Англии, Франции и Бельгии. Мало того — он содержит в себе такие представления, которые, вероятно, чрезвычайно характерны для первобытного человека. В Новой Калифорнии девушку, приобретающую какую-нибудь мужественную черту, бьют розгами. Этим, по мнению калифорнийцев, можно привить ей ту плодотворность, которая у неё отсутствует. Мексиканские жрецы в день праздника в честь великой матери жизни бегают по городу со связками прутьев в руках и бьют ими всех встречаемых женщин.

«Обряд истязания вербой был перенесён на деревья и животных. Главная цель этого обряда заключалась в повышении плодовитости, укреплении здоровья и защите от всяких болезней. Среди всех деревьев одна только яблоня является представительницей женского начала — её-то и ударяли несколько раз вербой»³.

В Индии святые коровы получают несколько ударов веткой бутии (*Butea frondosa*). В день новолуния жрец-брахман срезает ветку, растущую по направлению к востоку или к северу; с неё он снимает все листья, оставив несколько лишь наверху. Далее он сгоняет вместе коров шесть с их тёлками; тёлок он отделяет и велит угнать их в поле. Затем, касаясь этой веткой спины какой-нибудь коровы, он произносит молитву, в которой

¹ Aigremont, a. a. O.

² Mannhardt, a. a. O., 299, 47, 268-270.

³ Aigremont, a. a. O.

просит, чтобы стадо уродилось богатое, чтобы оно не сделалось добычей злых людей и разбойников, чтобы оно служило для вящего материального благополучия жертвователя. Затем он со словами «Защити стадо этого человека» бросает ветку в жертвенный огонь. Чем больше листьев на верхушке ветки, тем многочисленнее будет стадо жертвователя. Если же на ней вовсе нет листьев, то стадо неминуемо погибнет. По воззрениям брахманов, ветка является местопребыванием Бога»¹.

«Теперь обратимся к другому обряду: встрече майского дерева. Уже в документах XIII века об этом обряде упоминается как о пережитке далёкой старины. В определённые дни, 1 мая или в день Вознесения, вся деревня толпой уходила в лес и срубала там майское дерево (берёзу, пихту или ель); украсив его цветами и пёстрой одеждой, вся толпа торжественно возвращалась с ним в деревню, где на свободной площади его снова сажали в землю. Вокруг него устраивался весёлый хоровод: ему приносили в жертву деньги, фрукты, животных и даже людей. Этот обряд очень распространён в германских и славянских землях, в Англии и Франции; мы находим его и в Пиренеях, и в балтийских провинциях — у эстонцев. Дерево — это символ мужского демона, дарующего женщине блаженство и плодовитость. И мы, действительно, видим, что в древнейшие времена женщина, этот воспринимающий плодоносящий принцип, является главной, самой ревностной участницей этого торжества... У русских дерево это носили из лесу только женщины. Точно так же совершался этот обряд и у вендов: там посадкой майской берёзы занимались исключительно женщины. В Саарлуисе работник, переодетый в женщину, нёс на своих руках разукрашенную ёлку.

Дело не обходилось здесь и без антропоморфизма. Мужской демон растительности изображался не только в виде дерева, но и в виде мужской куклы; очень часто его просто заменял какой-нибудь мужчина, одетый самым причудливым образом. Чтобы окончательно уподобить его человеку, рядом с ним ставили женскую куклу. Куклы, мужчины, женщины, мальчики, девочки, украшенные листьями, венками и берёзовыми ветками, — всё это должно было представлять собою демонов — мужских и женских. Этот обряд можно встретить не только в Европе, но почти у всех первобытных народов, правда, в несколько более грубой форме.

Другое дело — берёзки, посаженные перед каждым отдельным домом. Молодые люди обыкновенно сажают берёзу перед домом своей возлюбленной в ночь под Троицу (Германия), или под 1 мая (Франция, Италия), или под день Вознесения (Румыния). Этот обычай тоже весьма старинный; большой популярностью пользуется он в Италии и Румынии. Здесь мы также имеем дело с устаревшими представлениями эротического характера: мужской демон, воплощённый в дереве, отождествляется с влюблённым юношей; он — двойник этого юноши. Эта мысль особенно отчётливо выступает в тех случаях, когда юноша вырезывает своё имя на коре дерева. Таков первоначальный смысл этого обряда в позднейшем толковании; это дерево превратилось в прообраз и символ самой любимой девушки»².

¹ Aigremont, a. a. O.

² Aigremont, a. a. O.

Библиотечка «Апокрифа»

К обычаям сексуально-окультурного характера относятся также брачные встречи, происходящие преимущественно в мае месяце, а особенно в день Валентина¹. Заключался этот обычай в том, что девушка должна была подружиться с первым встречным деревенским парнем, если на неё указывал жребий или вызов деревенского старшины. Часто эта игра принимала характер самого серьёзного действия, тем более, что во всех подобных случаях народ склонен видеть присутствие высшей силы, решающей судьбу человека².

Аналогичный обряд существовал и у ассирийян. Девушки, вполне созревшие для брака, выводятся во главе старейшин напоказ всему народу. Молодые люди, желающие вступить в брак, могут свободно выбирать, кого только захотят.

Нечто подобное существовало в Лапалисе, департамент Алье. Когда кончалась жатва и последний хлеб свозился в амбары, брали огромную ель, к которой помимо других украшений подвешивали мужскую фигурку, сделанную из теста. Дерево и фигурку отвозили обыкновенно в мэрию, и там они хранились до того момента, когда кончался сбор винограда. Только тогда устраивался праздник жатвы. Мэр разрывал эту фигурку на части и раздавал отдельные её куски народу, который съедал их. Цель этого обычая вполне ясна. Вкусив частицу демона растительности, человек приобретал силу, свежесть, здоровье и — прежде всего здоровье в половом отношении. Вообще, все эти майские обычаи имеют связь не с одним только плодородием земли. Майское дерево, украшенное фруктами всех сортов, орехами, символами детородных органов, является олицетворением растительной энергии, заложенной в глубоких основах человека³. В категорию этих праздников можно включить и североиндийскую Карам-кадамбу. Накануне праздника, которому предшествует однодневный пост, деревенские парни берут ветку кадама (*Neolamarckia cadamba*), покрытую густой листвой, и украшают её особым образом. Затем они засаживают эту ветку и убирают её гирляндой из диких цветов. Далее идут жертвоприношения и священные танцы. К концу танцев один из присутствующих изображает собою человека, одержимого бесами; он неистово пляшет, произносит какие-то бессмысленные слова и ест листья кадама. Благодаря такому состоянию этот человек приобретает способность предсказать будущее на целый год вперёд. Вслед за тем кадам бросают в воду. Жертвоприношением служат ржаные колосья — указания на то мистическое взаимоотношение, которое существует между кадамом и плодovitостью⁴.

Теперь мы подходим к той категории обрядов, которая прямо касается половой жизни человека. Немецкая мать напутствует свою дочь советом во время венчания стоять возможно ближе к жениху, чтобы никогда с ним не разлучаться. Также ей рекомендуется наступить ему на ногу, чтобы занять господствующее положение в доме. Уходя из церкви, она не должна оборачиваться, так как это указывает на то, что она ищет ещё кого-то помимо своего жениха.

¹ Вероятно, имеется в виду священномученик Валентин Доростольский, день памяти которого отмечается 7 мая. *Прим. ред.*

² Aigremont, a. a. O.

³ Mannhardt, a. a. O., 205, 217-218.

⁴ Stoll, a. a. O., 906.

Ярко выраженный эротический обряд существует в Баварии. Состоит он в следующем: тотчас же после венчания вся свадебная братия отправляется в дом новобрачной. Юноши заводят хоровод, в центре же круга лежит ключик, который является символом обладания невестой. Они танцуют босиком, одетые лишь в рубаху и брюки. Кто выйдет в этих танцах победителем, тот получает от невесты деревянный позолоченный крест, а от жениха — определённую сумму денег. Весь этот обряд, очевидно, имеет целью устранить притязания молодых людей на новобрачную.

В Пфальце свадьба устраивается лишь тогда, когда луна вступает в последнюю фазу увеличения, в противном случае «брак будет несчастен». Там же существует поверье, что если во время брачной церемонии открыть висячий замок, то брак будет бездетен.

В Гарделегене жених по окончании свадебного торжества должен был лечь на брачное ложе. Тем временем отец невесты или его заместитель подводит её «с правой стороны ложа», укладывает её и говорит: «Я приказываю тебе, дочь моя, сделать с этим человеком то же самое, что Бог делает в нашей душе». Затем жених обнимает её, и они выпивают пару глотков вина. Жених сходит с ложа и, подойдя справа, поднимает свою невесту со словами: «Иди сюда, избранница моя!» Невеста при этом встаёт и садится со своим возлюбленным за стол, приготовленный в этой комнате; затем приходят друзья невесты и жениха, и вся эта братия тихо развлекается.

У вендов-католиков существует обычай, в силу которого один из ведущих свадьбы призывает милость Божью на брачное ложе; это делается в тот момент, когда брачная пара под звуки музыки уходит к себе в комнату.

Эстонцы устраивают свои свадьбы в первый день недели¹ или в день новолуния. Начало недели указывает на преуспевание семейной жизни брачующихся; что касается новолуния, то оно имеет отношение к плодovitости жены. Собираясь на свидание со своей невестой, эстонец очень неохотно выезжает на кобыле, так как из-за неё он должен потерять всякую надежду на мужское потомство. Он должен всё время иметь в виду, что мальчиков он на свет Божий не произведёт. Лишь только брачная пара вступает после венчания в свой дом, то невеста прежде всего должна принести жертву: у очага — Тулиэма, а у колодца Весиэма. Это — старые богини огня и воды; в жертву они получают несколько медных монет, но этого вполне достаточно, чтобы расположить их к себе. После этого обряда новобрачной подают ребёнка, которого она сажает к себе на колени; кроме того, ей подносят хлеб и соль — его она раздаёт всем присутствующим и затем сама берёт себе. В её доме пища будет всегда в изобилии, а плодovitость — не знать границ.

У литовцев существует обычай умывать ноги новобрачной, лишь только она после венчания вступила в свой дом. Этой водой окропляют всех присутствующих, весь семейный совет, скот и жениха. Затем завязывают ей глаза и подводят к дверям каждого

¹ У древних римлян понедельник был посвящён Луне. Английское существительное *Monday* (понедельник) буквально означает «день луны». То же значение имеет название этого дня в других германских языках. На большинстве традиционных языков Индии слово, означающее «понедельник», получено из санскритского *Sōmavāra* или *Chandravāra*, где Сом — имя лунного бога, а Чандра — название луны. В Таиланде день называют «*Ван Джан*», что значит «день лунного бога Чандры». Японский и корейский языки взяли китайское название 月曜日, которое также означает «день луны». *Прим. ред.*

Библиотечка «Апокрифа»

сарая, к которым она должна прикоснуться ногой. Тут же её осыпают всевозможными зёрнами. Затем она идёт к себе в комнату и подходит к кровати, на которой ждёт её муж. Лишь только они улеглись, им приносят воловы почки, которые они съедают на следующий день. Это блюдо имеет свою целью привить новобрачной плодовитость.

Точно так же и в Англии невесту при выходе из церкви осыпали пшеничным зерном, чтобы Бог даровал ей плодовитость. Известны там и свадебные хороводы, уже описанные нами.

В некоторых местах Скандинавии существует такой обычай: подъезжая верхом к церкви, чтобы повенчаться со своим женихом, невеста слезает с коня и снимает с него узду, расстёгивает седельный ремень; всё это, согласно народному поверью, даёт ей лёгкие роды. Той же цели она может достигнуть, пролезая сквозь лошадиную сбрую, но в таком случае её ребёнок будет выродком. Нередко невеста накануне венчания ложится спать вместе с мальчиком, чтобы быть плодовой в браке и рожать много мальчиков.

Русские вблизи Нерехты устраивают своё брачное ложе в специально приспособленной для этого комнате на хлебных снопах. Здесь бывает масса ржи, пшеницы, овса и т. д.; всё это должно обозначать высокую плодовитость, желательную для брачующихся в их семейной жизни¹.

В Славонии невеста в день свадьбы держит у себя за пазухой яблоко, чтобы заручиться плодовитостью в предстоящей жизни своей. Если ей по дороге в церковь попадётся мост, то она не перейдёт его, а попросит себя перенести, так как только в таком случае может рассчитывать на лёгкие роды. По тем же соображениям она при входе в церковь боится наступить на порог её. При венчании брачующиеся стоят очень близко друг к другу. Люди думают, что это сблизит их в семейной жизни.

В Далмации и Герцеговине мать жениха поджидает новобрачных на пороге своего дома с маленьким мальчиком на руках. Перед порогом разостлан громадный ковёр. Гости, приглашённые на свадьбу, окружают этот дом со всех сторон. Невеста берёт у своей свекрови мальчика и уносит его в дом. Она делает так с той целью, чтобы Бог даровал ей мужское потомство. В Мостаре мальчика приносят к новобрачной лишь тогда, когда она сидит у очага уже в доме своего мужа. Она берёт его к себе на колени и поворачивает три раза. В Бокке всё это совершается в несколько ином виде; здесь мальчика подносят к ней на улице; она поднимает его три раза и всякий раз целует. Затем она даёт ему какой-нибудь подарок².

В Малороссии, на Волыни, существует такой обычай: главный распорядитель всей свадебной церемонии вносит в комнату большую еловую ветку, украшенную белыми цветами. Когда вносят ветку, невеста должна скромно прикрыть лицо. Жених тем временем обходит три раза вокруг стола, подходит к невесте, обхватывает её голову ладонями и целует её; затем садится рядом с невестой. Ель вместе с хлебом ставится на стол, а тёща подходит к жениху и осыпает его орехами, чтобы он произвёл на свет Божий много детей³.

¹ J. v. Düringsfeld u. O. v. Reinsberg-Düringsfeld. Hochzeitsbuch. Leipzig, 1871.

² Krauss. Sitte und Branch der Südslaven. 428, 430-431.

³ Mannhardt, a. a. O., 222.

У албанцев накануне свадьбы пекут свадебный пирог. В этот день соседки собираются в доме невесты; в руках они держат шесты, к которым прибиты куски красной материи.

В Сицилии брачную пару при выходе её из церкви осыпают пшеницей. То же самое повторяется и после свадебного обеда; но тут уже бросают орехи и миндаль¹.

Германский народ придерживается мнения, что родильнице нельзя скрещивать руки, что на ней всё до последней нитки должно быть свободно. Если в доме находится борсдорфское яблоко, то роды будут тяжёлые. Если жена надевает туфли мужа или если жених в день свадьбы застёгивает невесте её подвязку, то роды у неё будут лёгкие. Если женщине не удаётся родить, тогда удаляют из дома все предметы, которые являются препятствием к тихим, спокойным родам. Если и это не помогает, тогда надевают на эту женщину рубаху или брюки мужа.

В Швеции беременные женщины в минуты сильных предродовых болей обхватывают обеими руками стоящее перед их домом дерево. Это, по их мнению, даст им лёгкие роды². А южные славяне развязывают беременной все узелки на её платье; они даже расплетают её волосы. Часто они курят вокруг неё различные масла, дают ей пить чистую холодную родниковую воду.

Колдовские церемонии, предпринимаемые с целью облегчить процесс родов, весьма распространены повсюду. Так, например, в Верхней Бирме прежде всего стараются умиловить гнев духов различными жертвоприношениями. Если это не помогает, то начинают бить копьями по стенам.

Когда южная славянка хочет отлучить своего ребёнка от груди, она печёт пирог, в котором замешивает своё молоко, и даёт его ребёнку есть. Больше она не должна кормить его грудью. За пазухой у неё должна находиться иголка, чтобы молоко стекло вниз. Ещё лучше, если она наденет рубаху так, чтобы спина рубахи приходилась у неё на грудь, а грудь рубахи — на спину; это тоже изменяет направление молока. После того, как всё это сделано, она ни в коем случае не должна кормить ребёнка грудью. Если она всё же это делает, то ребёнок её впоследствии станет опасным колдуном или ведьмой.

Большинство этих обрядов имеет отношение исключительно к любовной жизни молодёжи, молодожёнов и т. д. Эта сфера особенно богата; с этим согласны все народы, даже такие, которых меньше всюю коснулись блага природы. Наш крестьянин до того занят своими делами, что ему некогда заниматься этими обрядами. Поэтому для их описания нам нужно обратиться к народам, культурным лишь наполовину.

В некоторых южных местах, населённых славянами, существует такой обычай: в Юрьев день три взрослые девицы отправляются рано утром к реке и там занимаются колдовством.

Одна девица несёт с собой просо, а другая — семена бука. Подойдя к реке, обе девицы останавливаются и предлагают третьей вопрос: «Куда идёшь?» Та отвечает: «Я иду к реке, чтобы меня, тебя и вот эту, которая стоит пред тобою, взяли из отцовского дома». Затем она в свою очередь спрашивает: «Что у тебя в руке?» — «Просо, — отвечает та. — Я

¹ Düringsfeld u. Reinsberg-Düringsfeld, a. a. O., 61, 96

² Mannhardt, a. a. O., 51-52.

Библиотечка «Апокрифа»

несу его с собой, чтобы меня, тебя и вот ту, которая стоит перед тобою, выдали замуж». Затем, обращаясь к другой, она спрашивает: «А у тебя что в руках?» — «Семена бука». — «Я несу это с собой с тем, чтобы меня, тебя и вот ту, которая стоит перед тобою, взяли в жёны». Просо и семена бука употребляются в данном случае в силу созвучия, которое существует на хорватском языке между этими словами и словами «выдавать замуж», «уводить» и т. д. Такое же значение имеет и река в данном случае.

Такой же обряд существует и в Боснии. Когда перед домом ведут хоровод, три или четыре девушки удаляются в одно место, где их, по их мнению, никак не могут увидеть. У одной в руках просо; она размахивает рукой, словно собирается сеять. На вопрос подруги: «Что ты сеешь, сестрица?» — та отвечает: «Я сею просо, чтобы увезли замуж меня, тебя и ту, которая стоит около тебя». А третья говорит: «Пусть вырастет твоё просо, а нас пусть молодые люди возьмут себе в жёны, аминь!»

В Черногории молодые девушки в Юрьев день на рассвете идут к колодцу за водой и там подолгу смотрят в воду, надеясь увидеть образ своего жениха. В Краине (Сербия) молодые девушки плетут букеты из полевых цветов; делают они это накануне Юрьева дня. Эти букеты предназначены для возлюбленного, желанного. Цветы эти на ночь остаются на крыше дома. Тот букет, который гуще всех покрыт росой, принадлежит будущему жениху.

Накануне Феодорова воскресенья¹ девушка обращается к знакомой старушке с просьбой принести ей пшеницу, освящённую в церкви. Целый день девушка постится. Ночью перед сном она становится перед изображением покровителя отцовского дома, прося его отпустить ей грехи. При этом она кладёт пшеницу под подушку, крестит её три раза, а затем, ложась в кровать, непрерывно молится, пока не засыпает².

В некоторых местах девушка поступает таким образом: 1 мая на рассвете она, вымыв какой-нибудь сосуд, отправляется в уединённое место, к роднику. Там она опускается на колени и начинает набирать воду в сосуд. Едва только солнце появилось на горизонте, девушка начинает шептать слова: *ами реби, бели*; она произносит их девять раз, так что солнце успевает показаться полным диском. Затем она смотрит в воду и там видит образ своего суженого.

В первый день Троицы, когда церковь бывает украшена зеленью, девушка при первом коленопреклонении берёт с пола зелёную траву и плетёт из неё венок. Она надевает его на правую руку, выходит из церкви и, простирая этот венок на все четыре стороны, тихо говорит: «О ты, суженый мне Богом! Где бы ты ни был, приди скорее, возьми венок, а то он завянет и моё лицо поблекнет!» Придя домой, она вешает венок на икону, а на ночь прячет его под подушку и снова закликает своего будущего мужа прийти до того, как успеет завянуть венок.

В Гелене молодые девушки накануне Иванова дня плетут венки из цветов девяти различных сортов и прячут их под подушку. Ночью во сне к ним приходит суженый. В

¹ По всей видимости, имеется в виду Феодор Тирон, или Феодор Амасейский — христианский святой, почитаемый в лике великомучеников. Память в Православной церкви совершается 17 февраля (по юлианскому календарю) и в первую субботу Великого поста (таким образом, это единственный известный нам святой с этим именем, чьё чествование привязано к дню недели, а не месяца). Иначе говоря, *Феодорово воскресенье* — это следующий день после дня чествования Феодора Тирона. *Прим. ред.*

² Krauss, a. a. O., 169-170, 175.

Богемском лесу девушки, напротив, надевают венки на себя и отправляются против того места, где находится дерево; там они смотрят в воду и стараются разглядеть образ своего будущего мужа.

Ивановы костры тоже имеют некоторое отношение к плодородию. Согласно старому воззрению, пламя благодаря активной, глубоко заложенной в нём силе способствует физическому преуспеянию растений, скота и человеческого потомства. В некоторых местах разводят большие костры, причём важнейшее участие в этом принимает самая молодая семейная пара.

На эстонском острове Мооне существует обряд совместного лежания в день Ивана Купалы. 23 июня или 1 июля, накануне дня св. Марии, разводят громадные костры, в центре которых находится высокое дерево. В эту святую ночь у каждого моонца должна быть подруга. Женщины и девушки идут хороводом вокруг костра, а молодые люди тем временем внимательно присматриваются к ним; затем они уходят в гущу леса и поручают маленьким мальчишкам, которые находятся тут же, привести их избранниц. Вот мальчишки подходят к хороводу; один из них под тем или иным предлогом зовёт какую-нибудь девушку. Мальчишки тотчас окружают её и подводят к тому юноше, который избрал её. Она ложится на землю рядом с ним, и так они лежат до самого утра¹. В Эстляндии Бёлер и Кройсвальд ещё в начале XIX столетия были свидетелями такого явления: толпы народа собрались в лесу у какой-то часовни. Перед куклой, изображавшей собою духа растений, был разложен огонь, в который бросали различные жертвы. Обнажённые женщины танцевали вокруг огня, тогда как молодые люди и девушки совокуплялись в кустах.

В Хорватии в 10 часов ночи маленькая компания, состоящая из двух девушек и одного молодого человека, зажигает Иванов костёр. Когда огонь разгорается ярким пламенем, все они скачут через него. Кто выше подскочит, тот раньше женится.

В Хорватии, Черногории и Сербии существует такой обычай: кто из молодых людей хочет увидеть свою будущую жену, тот должен поститься накануне дня св. Андрея и св. Люсии. Ночью она во сне придёт к нему. Или он может поститься в день св. Андрея и св. Варвары, а ночью положить к себе под подушку юбку. Во сне он увидит желанную.

В Буковине девушка, желающая выйти замуж, накануне дня св. Андрея проделывает следующее: под входной дверью она вешает зеркало, так что и дверь, и всё то, что появляется в ней, отражается в нём. Перед зеркалом она ставит две зажжённых свечи. Сама она становится между свечами и внимательно всматривается в зеркало. В полночь она слышит за дверью шум, словно кто-то стряхивает с себя снег. Вот перед нею является образ её будущего мужа; при этом она ни в коем случае не должна оборачиваться².

Рождественские обряды тоже насквозь проникнуты сексуально-окультурными мотивами. В Провансе перед сожжением ёлки вся семья при звуках обрядовой песни собирается на кухне. Там самое младшее дитя льёт на ёлку стакан вина и бросает её в огонь. Пепел от ёлки сохраняется целый год как целебное средство. Он служит также для того, чтобы сделать людей и скот плодовитыми³.

¹ Der Esten abergläubische Gebräuche. Weisen und Gewohnheiten. Petersburg, 1854.

² Hovorka u. Kornfeld, a. a. O., II 176-177.

³ Mannehardt, a. a. O., 226, 228.

Библиотечка «Апокрифа»

В эту же ночь девушки занимаются гаданием: топят воск, бросают свои рубашки за дверь, накрывают на стол, приглашают к трапезе суженого и т. д.

В этот же вечер юноши совершают следующий обряд. Когда все уходят в церковь, молодой человек берёт пепел и просеивает его сквозь сито. В это время появляется его невеста; она даёт ему три щелчка в нос и моментально исчезает.

В ночь под Новый год снова проводятся те же церемонии, что и в ночь под Рождество¹; разница заключается лишь в песнях, распеваемых в том и другом случае.

В 12 часов ночи под Новый год девушка уходит к себе в комнату и, раздевшись догола, становится перед зеркалом. По обе стороны зеркала стоят зажжённые свечи. Она смотрит внимательно и упорно думает о своём суженом.

В Земландии это гадание совершается следующим образом. Сидя верхом на метле, девушка подбегает к воротам конюшни и внимательно прислушивается. Если конь в это время заржёт, то она в этом же году выйдет замуж. Если же до её уха доносится лишь слабый стон, то есть все основания думать, что она в этом году родит ребёнка, не вступив в законный брак. В эту же ночь занимаются также библиомантией. Девушка кладёт себе под подушку какой-нибудь песенник. Ночью она совершенно бессознательно зачитывает окончание какой-нибудь страницы. К утру она открывает это место в книге; если оно трактует о свадьбе, то в этом году ей суждено выйти замуж².

Следует заметить, что подобные гадания совершаются не в одни только дни праздников. Большею частью вопрос ставится таким образом: когда и за кого я выйду замуж. Если девушка хочет это узнать, она за ужином, в какой-нибудь вечер под вторник, пятницу или воскресенье, обмакивает в соль первый кусок хлеба, который попадёт к ней в руки, берёт его в рот и, слегка надкусив, прячет в передник. После ужина она заворачивает в передник также вилку, нож и ложку. Перед сном она берёт маленькое зеркальце, смотрит в него и говорит: «Свет мой зеркальце! Благодаря тебе я вижу себя; покажи мне во сне и моего суженого!» Зеркальце она также заворачивает в передник и туда же кладёт ткацкий челнок и гребёнку; всё это она до поры до времени держит на своей подушке. Затем она, стоя перед иконой, горячо молится Богу. Ложась в кровать, она кладёт свой передник со всеми вещами под подушку, крестится три раза, читает «Отче Наш» и в заключение говорит: «Я прошу Тебя, Господи! Прикажи моему суженому явиться ко мне во сне! Если он за морями и реками, то пусть возьмёт у меня челнок и весло (указание на ткацкий челнок и ложку); если он за лесами, то вот — топор (указание на нож); если же нужно идти ему по колючим терниям и острым камням, то вот — вилы (указание на вилку). Пусть придёт — здесь он найдёт хлеб и соль, чтобы наестся, гребёнку, чтобы причесаться, зеркало, чтобы посмотреться на себя и пойти под венец». Этот обряд очень распространён в Среме. По словам Краусса, нечто аналогичное существует в глухих углах Сербии и в Белграде. Разница лишь в том, что девушка, уходя спать, не берёт с собой ножа, а ограничивается лишь зеркальцем, куском хлеба и щепочкой дерева, которая, по видимому, должна заменять собою челнок. Или она словит паука, бросит его в трубку и заткнёт её с обеих сторон. Перед сном она крестится три раза, вспоминает всех святых и

¹ Здесь, судя по последовательности, имеется в виду католическое (и протестантское) Рождество. *Прим. ред.*

² Novorka u. Kornfeld, a. a. O., II, 174-175.

приговаривает: «О, паук! Ты всюду бываешь. Тебе доступны все глубины, низины — сыщи мне где-нибудь моего суженого и приведи его ко мне. Если ты это сделаешь, я завтра же утром отпущу тебя на волю, а не то — задавлю тебя!»

Накануне какого-нибудь праздника девушка берёт семь серебряных монет, кладёт их под подушку, крестит и приговаривает: «Суженый мне Богом, не медли, приди скорей; мы сочтём вместе деньги, чтобы я могла заказать себе подвенечное платье!»

Приведём ещё один обряд, аналогичный только что описанному. Едва только начинает темнеть, девушка отправляется в лес и подходит к *effen*¹, на котором ещё еле заметны последние лучи заходящего солнца; она срывает с него несколько листьев и плетёт из них венок. При этом она приговаривает: «О заходящее солнце! Как ты теперь видишь этот венок, позволь мне узреть моего суженого!» Надевая венок на голову, она говорит: «Зелёный венок, ты завянешь, если не приведёшь ко мне моего жениха. Он придёт и снимет тебя с моей головы!» Затем она заворачивает его в платок, чтобы никто его не видел. Ночью она горячо молится Богу и с венком на голове уходит спать. Если девушка случайно увидит луну в её полной фазе, то она останавливается, крестится три раза, произносит молитву и говорит луне: «О, луна в небесах! Ты озаряешь весь мир, ты видишь и моего жениха, дай и мне посмотреть на него хоть во сне. Ведь должен же он быть где-нибудь на земле, которую ты озаряешь своим светом. Я беру кусок этой земли и кладу его под подушку». Затем она наклоняется, берёт немного земли с того места, где находилась её правая нога, держит при себе и кладёт её на ночь под подушку; затем, перекрестившись и помолившись Богу, она ложится в кровать и тихо, не сказав никому ни слова, засыпает.

Можно было бы продолжать этот перечень обрядов до бесконечности. Но уже из приведённых примеров достаточно ясно, сколь причудливо сочетается в них сексуальной момент с оккультным. Все они рассчитаны на то, чтобы каким-нибудь оккультным образом узнать грядущую судьбу человека: каково будет потомство этого человека? с кем он свяжет свою дальнейшую жизнь? и т. д. Тем же оккультным образом они должны даровать лёгкие роды, богатое потомство и т. д. Если даже допустить, что внушение во всех этих обрядах играет далеко не последнюю роль, что материальное воплощение всех этих фантастических образов никогда на самом деле не наступает, то всё же человек, совершающий подобный обряд, ждёт оккультной помощи в осуществлении всех своих желаний, направленных на семейную жизнь и продолжительную половую потенцию. Ибо мораль этих обрядов такова: следуя вековой традиции, люди призывают на помощь высший духовный принцип, они преклоняются перед ним, приносят ему богатые жертвы, чтобы он дал им счастье материального и физического благополучия. Судя по этим обрядам, мы ясно видим, что народ ещё не успел подняться на высоту духовного бытия. Там же, где мы наблюдаем нечто обратное, перед нашими глазами стоит индивидуальная личность, которая принципу физического размножения противопоставляет возвышенные права духа.

¹ Судя по контексту, имеется в виду какое-то растение, но точно установить значение слова *Effe(n)* с учётом возможных ошибок и опечаток не удалось. Возможно, имеется в виду ольха (*Erle*) или осина (*Espe*). Прим. ред.

Наша книга окончена. Однако мы не исчерпали всего; да это и невозможно. Область, подвергнутая нами исследованию, неисчерпаема: она вечно рождает новые вопросы, новые проблемы.

Разрешить все эти вопросы — дело нелёгкое. Да это и не входило в наши планы. Наша задача была — показать то тесное взаимоотношение, которое существует между оккультизмом и сексуальностью. Правда, эта мысль не нова; с ней знаком всякий, кто хоть сколько-нибудь интересовался вопросами подобного рода. Тем не менее, большинство оккультистов обходило этот пункт глубоким, упорным молчанием. Благодаря именно этому замалчиванию некоторые явления оккультизма приобрели ту загадочность, которую ей совершенно необоснованно приписывают в настоящее время. На самом деле всё это далеко не так таинственно, как обыкновенно думают. Я счёл необходимым обратить внимание именно на эти пункты, ибо здесь перед нами должны были раскрыться и раскрылись причины самых загадочных явлений.

Но не одни только причины и не все причины. Ибо я должен тут же заметить: хотя теперь нам представляется вполне ясной та роль, которую играет сексуальность в сфере оккультных явлений, тем не менее, мы вовсе не склонны отрицать влияние оккультных, магических сил даже и в настоящее время.

Обращаясь к заветным целям оккультизма, мы очень часто находим в них один только эротический момент. Очень часто, пожалуй, эротикой проникнуты и те явления, которые, на наш взгляд, очень далеки от неё. Но разве мы тем самым отрицаем за этими явлениями оккультный характер? Разве цели эротики не являются до сих пор ещё для нас скрытыми, оккультными? Нам часто кажется, что мы вполне постигли эротику, так как её проявления мы ощущаем на себе самих. Но эти проявления суть не что иное, как телесная, видимая, осязаемая сторона эротики, за ней же скрывается нечто невидимое, неосязаемое — чувство, желание, сила. Тенденции этой силы, как мы уже знаем, лишены всякого полового оттенка. Сила эта — страсть, а не похоть. Любовная страсть — это именно то, чего нам никогда не удастся раскрыть, где нам никогда не поднять завесы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА

5

ПРЕДИСЛОВИЕ

6

ВВЕДЕНИЕ

7

СЕКСУАЛЬНОСТЬ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ,
ВОЛХВОВ И РОДСТВЕННЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ

18

КУЛЬТ ПОЛА

42

ПОЛОВАЯ МИСТИКА

65

ПОЛОВАЯ МАГИЯ

94

КОЛДОВСТВО

123

ИНКУБАТ И СУККУБАТ

149

СЕКСУАЛЬНО-ОККУЛЬТНЫЕ
НАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ

173

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

188

15-16 октября
Москва

Международная
конференция
по традиционализму

**“AGAINST
Post-Modern World”**

В конференции примут участие:

Клаудио Мутти
Кристиан Буше
Шейх Абдильвахид Паллавичини
Шейх Йяхья Серджио Паллавичини
Константин Парвулеско
Александр Дугин
Гейдар Джемаль
Исраэль Шамир
Юрий Мамлеев
Натэлла Сперанская и др.

В рамках мероприятия состоится концерт тибетского музыкально-ритуального проекта “PURBA” и персональная выставка художника Алексея Беляева-Гинтовта.

тел. 8 985 132 09 63
solomon2770@yandex.ru

Научно-популярная литература

Ганс Фреймарк

ОККУЛЬТИЗМ И СЕКСУАЛЬНОСТЬ

Лицензия ЛР № 063244 от 13.01.1994 г.

Редактор **Лозина Г. В.**

Художник **Пчёлкин А. А.**

В оформлении использованы работы художника **З. Мезла**

Художественный редактор **Тогобинкий В. А.**

Технический редактор **Голубева Ж. М.**

Сдано в набор 14.02.94. Подписано в печать 30.03.94. Формат 84×108 1/16.
Тираж 50 тыс. экз. Бумага офсетная № 1. Усл.-печ. л. 15,96. Усл. кр.-отт. 15,96.
Уч.-изд. л. 14,60. Заказ 314.

Издатель ТОО «КОНСТАНТА» 129301, Москва, ул. Ярославская, 14.

630048, Новосибирск, ул. Н.-Данченко, 104
Издательско-полиграфическое предприятие «Советская Сибирь».

*По вопросам приобретения книги Г. Фреймарка
«Оккультизм и сексуальность» просим оптовых покупателей
обращаться по адресу:*

129301 Москва, ул. Ярославская, 14.

Проезд: станция метро ВДНХ.

Телефон: 283-46-64

***(Внимание: данные от 1994 г., включены в издание
только с целью сохранения исходного текста!)***

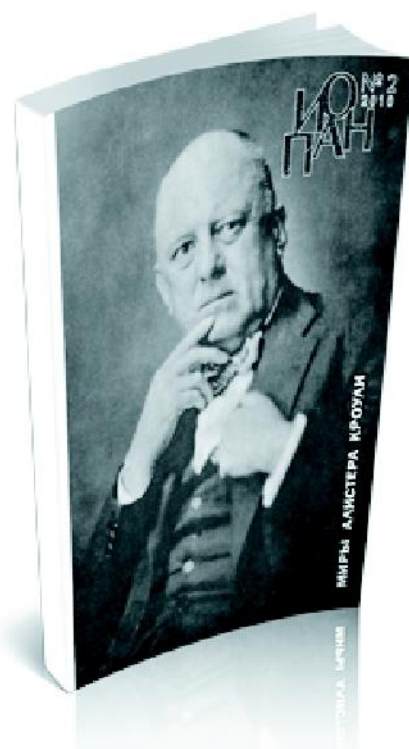
Дорогие Друзья!

Представляем журнал ИО ПАН — Первый журнал в России, посвящённый Магии как высокому Искусству и строгой Науке — Art&Science. Магию мы понимаем как сплав духовных традиций, которые помогают каждому из нас в нашей Великой Работе, на избранном нами Пути.

Редакция журнала открыта для сотрудничества, ибо стремится создать интегральный контент, переплавляющий в тайном тигле истинные традиции и смыслы. Телема, Таро, Астрология, Массонство, Церемониальная магия, Современное искусство и философия, Тантра, Каббала — Искусство сплавляет все смыслы для достижения Эликсира, а Наука помогает использовать добытый Философский камень. Это общее дело.

Поэтому ждем ваших текстов. Главный критерий — качество присылаемых работ. Журнал — некоммерческий. Гонораров не предвидится, вклад каждого в Великую Работу бесценен. Но Слава — в высшем своём аспекте — гарантирована.

Приобрести журнал, подписаться на него или выслать свои материалы можно по адресу:
thelemabook@gmail.com.

Телемитский Вестник
Магии и Искусства

Deus Est Homo

Strive ever to more!

Магия

Телема

Оккультизм

Современное искусство, поэзия и музыка

Магические ритуалы и техники трансформации

Психология любопытства

Переводы каббалистических и оккультных текстов и книг

Секретный Перформанс Хаоса

Коинтеизм

Дискордия

Забавные истории, пьесы, плутонианский сатанизм
и многое другое

Выпускается с 2010 года,
Томским Просветительским Центром

Дом Богосудства

Оформить подписку на журнал
и заказать ранее выходившие номера
можно по нашему почтовому адресу:
E-mail: deh.publishing@gmail.com

STELLA ORIENTIS

Ежеквартальный электронный журнал

Харьковского Лагеря О.Т.О.

“Серапис”
предлагает вам:

- Статьи по Телеме, Магии, Каббале, Таро, Астрологии
Эзотерическим Традициям Востока и Запада
- Личные разработки техник и ритуалов
- Отчёты о проведенных магических работах
- Творчество (проза, поэзия, живопись)

По вопросам подписки обращаться:

stella_orientis@inbox.ru

Запретные Тексты Древних

Трактат, содержащий
материал, представляющий
ценность для людей,
интересующихся темой
Наследия Великих Древних
www.diongray.ucoz.ru

Библиотечка

“Апокрифа”

Вып. 3 (сентябрь 2011)

Рабочая группа “93 in 39”